М. И. ТУГАНЪ-БАРАНОВСКІЙ.

335
т. 81

СОЦІАЛИЗМЪ

КАКЪ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ УЧЕНІЕ.

Издательское Товарищество Кооперативныхъ Союзовъ „Кооперація".
Петроградъ, Литейный пр., № 49, тел. 168-11.
1918.

5к. 2 экз

Тираж 30

70214

Типографія „Идеалъ“ Петроградъ. Можайская, 3

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Думается, что появленіе въ настоящее грозное время новой книги о соціализмѣ не нуждается въ оправданіи. Всѣ теперь говорятъ о соціализмѣ; но многіе ли соединяютъ съ этимъ словомъ вполнѣ опредѣленное представленіе?

Задача этой небольшой книги — охарактеризовать сущность соціализма, какъ опредѣленнаго ученія о новой формѣ общественнаго строя. О соціализмѣ мнѣ приходилось въ разное время много писать; здѣсь я подвожу итоги моей многолѣтней работѣ въ этомъ направленіи.

М Туганъ-Барановскій.

20 ноября 1917

Оглавленіе.

Стр.

Глава I. Сущность и внутренняя природа соціализма 5

Глава II. Классификація различныхъ системъ соціалистическаго строя 17

Глава III. Государственный соціализмъ (коллективизмъ) 21

Глава IV. Государственный коммунизмъ 36

Глава V. Синдикальный соціализмъ 40

Глава VI. Коммунальный коммунизмъ и соціализмъ 43

Глава VII. Анархическій коммунизмъ и соціализмъ 57

Глава VIII. Соціалистическій строй будущаго 64

Глава IX. Цѣнность, стоимость, цѣна и деньги при соціализмѣ . . 97

Глава X. Соціализмъ, какъ хозяйственная система высшей производительности 112

Глава XI. Соціализмъ и духовная культура 127

ГЛАВА I.

Сущность и внутренняя природа соціализма.

I Античный соціализмъ Платона и современный соціализмъ.—Соціализмъ, какъ «государство разума» и соціализмъ, какъ «царство свободы».—II. Подчиненіе личности обществу у Платона —Индивидуалистическій характеръ современнаго соціализма.—III. Моральный характеръ платоновскаго соціализма и хозяйственный характеръ современнаго соціализма.—IV. Отрицаніе человѣческаго равенства у Платона.—Идея равноцѣнности человѣческой личности, какъ основа современнаго соціализма.

I.

Исторія общественной мысли начинается съ соціализма и, поскольку мы можемъ судить о ближайшемъ будущемъ, заканчивается соціализмомъ. Дѣйствительно, первымъ по времени великимъ произведеніемъ общественной мысли является Платоновская „Политейя". Въ „Политейѣ" геніальнѣйшій мыслитель эллинскаго міра попытался дать картину идеальнаго общественнаго строя, совершеннаго государства „достойнаго боговъ". И строй этотъ оказался, въ изображеніи Платона, соціалистическимъ.

Точно также и современное человѣчество, поскольку оно мечтаетъ о наиболѣе совершенномъ общественномъ строѣ, приходитъ къ соціализму. Соціализмъ оказывается, слѣдовательно, надъ-историческимъ идеаломъ человѣчества—этотъ строй, увлекшій своей гармоничной прелестью лучшаго представителя древней эллинской культуры, сохранилъ свою обаятельную силу и для современнаго европейца, несмотря на глубочайшія различія современнаго соціальнаго строя сравнительно со строемъ эллинскаго общества.

Великіе историческіе перевороты за тысячелѣтія, протекшія со времени Платона, безчисленныя войны и внутреннія революціи, сотни смѣнившихся поколѣній, цѣлые народы, сошедшіе навсегда съ исторической арены, полное преобразованіе политической и экономической карты цивилизованнаго міра, грандіозныя открытія науки и техники, геніальныя достиженія искусства, все это оказалось безсильнымъ измѣнить общественный идеалъ человѣчества. Современный человѣкъ, какъ и вѣщій эллинскій провидецъ, не могутъ представить себѣ ничего болѣе прекраснаго, чѣмъ тотъ общественный строй, при которомъ все будетъ общимъ и навсегда исчезнетъ право человѣка называть ту или иную вещь своей съ исключеніемъ всѣхъ другихъ людей отъ права пользованія той же вещью.

Частная собственность—тотъ правовой институтъ, на которомъ выросла вся цивилизація и культура человѣчества—вотъ корень всего соціальнаго зла, отъ котораго страдаетъ человѣчество. Къ этому сводится самая глубокая соціальная философія тысячелѣтій человѣческой мысли.

Въ чемъ же, однако, заключается сущность соціализма, какъ опредѣленнаго представленія объ идеальномъ строѣ будущаго?

Уже Платонъ назвалъ свое идеальное государство государствомъ разума. Энгельсъ, противопоставляя соціалистическое общество всѣмъ до сихъ поръ бывшимъ формамъ общественнаго строя, охарактеризовалъ соціализмъ, какъ „царство свободы", въ противоположность существовавшимъ до сихъ поръ обществамъ, являющимся „царствомъ необходимости". И Платонъ, и Энгельсъ выразили въ данномъ случаѣ одну и ту же мысль.

Всѣ до сихъ поръ бывшія формы общежитія возникли путемъ стихійнаго историческаго развитія безъ рѣшающей роли воли и мысли человѣка. Конечно, въ основѣ общественнаго взаимодѣйствія лежитъ сознательное и цѣлесообразное поведеніе людей. Однако, то, что получается въ результатѣ столкновенія тысячъ отдѣльныхъ человѣческихъ воль не входило въ сознаніе и волю отдѣльныхъ человѣческихъ личностей или общественныхъ группъ, поведеніе которыхъ привело къ этому результату, безсознательному послѣдствію общественнаго взаимодѣйствія, общественной равнодѣйствующей параллелограмма общественныхъ силъ.

Въ этомъ смыслѣ до сихъ поръ бывшая исторія человѣчества можетъ быть названа царствомъ необходимости: человѣческая разумная воля не могла овладѣть (или не вполнѣ могла овладѣть) общественнымъ строемъ и воспринимала его, какъ нѣчто для нея объективно данное и независящее отъ нея.

Общественный строй, въ своемъ цѣломъ, до сихъ поръ являлся въ очень небольшой степени результатомъ опредѣленнаго замысла, походя, въ этомъ отношеніи, на такія безсознательныя соціальныя образованія, какъ, напр., національный языкъ, которымъ мы говоримъ, и который никѣмъ не былъ изобрѣтенъ или придуманъ.

Правда, отдѣльныя лица вліяли на образованіе національнаго языка. Державинъ, Карамзинъ, Пушкинъ и другіе существенно повліяли на строй и формы современнаго русскаго литературнаго языка. Однако, въ своей совокупности русскій языкъ развился стихійно и безсознательно. Великіе писатели, создавая и изобрѣтая новыя слова и формы языка не измѣнили процесса безсознательнаго творчества языка, такъ какъ создаваемыя ими новыя слова и словосочетанія безсознательно усваивались другими и только въ силу такого усвоенія большинствомъ эти новые обороты рѣчи вошли въ составъ національнаго языка.

Чтобы отчетливѣе понять этотъ безсознательный процессъ развитія національнаго языка достаточно сравнить съ національнымъ языкомъ такой искусственный языкъ, какъ, напр., языкъ эсперанто. Этотъ послѣдній языкъ явился продуктомъ сознательнаго творчества; онъ былъ придуманъ, а не создался „самъ собою", какъ „сами собой" растутъ лѣса и образуются рѣки (въ противоположность насаждаемымъ садамъ и выкапываемымъ каналамъ).

Современный общественный строй, въ цѣломъ, по условіямъ своего образованія, гораздо болѣе походитъ на „естественный" національный языкъ, чѣмъ на „искусственный" языкъ эсперанто—онъ не придуманъ и не созданъ кѣмъ-либо, а возникъ и развился стихійно и безсознательно

Географическія границы отдѣльныхъ государствъ, разселеніе жителей внутри каждаго государства по селамъ и городамъ, политическій и экономическій строй—все это явилось въ результатѣ борьбы общественныхъ группъ и отдѣльныхъ личностей за самыя различныя цѣли,

но безъ какого бы то ни было общаго соглашенія, общаго плана или договора.

Современное общество ни малѣйшимъ образомъ не основано на общественномъ договорѣ. Отдѣльная человѣческая личность должна принять строй того общества, въ которомъ случайностью рожденія она принуждена жить, какъ нѣчто исторически данное и лишь въ очень ограниченной мѣрѣ измѣняемое усиліями и волей хотя бы большинства личностей, образующихъ данное общество. Человѣческая личность, при современныхъ условіяхъ общественной жизни, оказывается безсильной передъ своими собственными общественными отношеніями, принудительно господствующими надъ дѣйствіями даже большинства личностей, изъ которыхъ общество слагается.

Соціалистическое общество тѣмъ принципіально отличается отъ всѣхъ до сихъ поръ бывшихъ формъ человѣческаго общежитія, что соціализмъ мыслится нами, какъ общество, въ основу котораго положенъ извѣстный разумный планъ, положена опредѣленная цѣль, опредѣленная идея.

Соціалистическій строй есть искусственная, придуманная форма человѣческаго общежитія, въ противоположность естественнымъ, стихійно развившимся формамъ общества, существующимъ нынѣ. Этой отличительной особенности соціализма нисколько не мѣшаетъ то, что соціализмъ, подобно всѣмъ другимъ формамъ общества, есть естественный и необходимый результатъ историческаго развитія человѣчества.

Отсюда ясно, въ какомъ смыслѣ Платонъ имѣлъ право говорить о государствѣ, созданномъ его творческой фантазіей, какъ о „государствѣ разума“, а Энгельсъ могъ говорить о соціализмѣ, какъ о „царствѣ свободы“.

Конечно, въ соціалистическомъ обществѣ человѣкъ будетъ нисколько не менѣе подчиненъ законамъ природы, чѣмъ и въ капиталистическомъ обществѣ. Но дѣло въ томъ, что теперь формы общественной жизни возникли помимо разумной воли человѣка; въ соціалистическомъ же обществѣ общественная форма жизни будетъ соотвѣтствовать разумнымъ желаніямъ личностей, образующихъ общество. Въ этомъ смыслѣ человѣческая личность теперь не свободна—она не можетъ, по своему желанію, творить свои общественныя отношенія; при осуществленіи же соціалистическаго строя личность получитъ свободу—она получитъ возможность строить свои общественныя отношенія соотвѣтственно своей волѣ.

И Платонъ, и Энгельсъ въ этомъ существенномъ пунктѣ одинаково понимаютъ характернѣйшую особенность соціализма сравнительно съ реально существующими формами общественнаго строя.

Итакъ, первой характерной чертой соціализма является то, что соціалистическое общество есть общество, въ основу котораго положены опредѣленный замыселъ, опредѣленная правовая идея, въ противоположность современному обществу, безсознательному комплексу общественнаго взаимодѣйствія.

II.

Какая же правовая идея лежитъ въ основѣ соціализма?

Здѣсь между эллинскимъ соціализмомъ Платона и современнымъ соціализмомъ замѣчается не только существенное различіе, но даже

прямая противоположность. Правовой идеей платоновскаго соціализма является идея гармоничности и совершенства общества, какъ нѣкотораго высшаго единства и высшей реальности, при полномъ подчиненіи человѣческой личности общественному цѣлому.

Общественный идеалъ Платона находится въ непосредственной связи съ платоновской метафизической концепціей міра. Платонъ не вѣритъ въ объективную реальность личности, какъ и вообще всякаго конкретнаго, единичнаго явленія. Отдѣльныя явленія суть для Платона только обнаруженіе единой пребывающей и лежащей въ основѣ этихъ преходящихъ измѣнчивыхъ явленій сущности.

Пестрое разнообразіе міра конкретныхъ явленій есть только обманчивое покрывало потусторонней метафизической сущности.

Общество есть истинное бытіе, но личность есть лишь обманчивый призракъ, иллюзія, создаваемая ограниченностью нашего познанія, не проникающаго въ глубь вещей, дальше лживой видимости міра.

Потому дѣйствительной цѣнностью обладаетъ не человѣческая личность, а человѣческое общество. Общественный строй долженъ быть таковъ, чтобы общественное цѣлое было всего прекраснѣе, гармоничнѣе и совершеннѣе. Для этого же требуется полное подчиненіе личности обществу, превращеніе личности въ простой органъ общества, уничтоженіе всего того, что при современныхъ условіяхъ общества приводитъ къ столкновеніямъ личности съ обществомъ.

Правда, не всѣ человѣческія личности способны отказаться отъ своихъ собственныхъ интересовъ, цѣлей и стремленій и подчинить свою волю всецѣло и до конца интересамъ цѣлаго. На это способны лишь немногіе избранные, люди высшаго разума, между тѣмъ какъ человѣческая толпа всегда будетъ ставить въ центрѣ своей дѣятельности, своей жизни свои собственные интересы.

Эта человѣческая толпа мало интересуетъ Платона. Все его вниманіе сосредоточено на вождяхъ человѣчества—людяхъ высшаго разума, философахъ.

Именно отъ этихъ избранниковъ человѣчества, философовъ, Платонъ и требуетъ полнаго отказа не только отъ частной собственности на вещи, но и отъ семьи. Философы не должны ничего называть своимъ—все у нихъ должно быть общимъ, даже жены. Они должны избѣгать всякой роскоши, жить въ строгой умѣренности, безъ всякихъ излишествъ.

Требованіе полнаго отказа отъ какихъ бы то ни было своекорыстныхъ цѣлей и наслажденій вызывается слѣдующими соображеніями. Платонъ глубоко убѣжденъ въ естественномъ и неустранимомъ неравенствѣ людей; одни созданы, чтобы повелѣвать, другіе, чтобы подчиняться. Повелѣвать должны мудрые, подчиняться менѣе одаренные разумомъ. Поэтому въ интересахъ всего общества, чтобы его жизнью руководили немногіе мудрые.

Но для того, чтобы власть мудрыхъ была всегда направлена къ общественному благу, необходимо, чтобы мудрые не преслѣдовали своихъ личныхъ цѣлей, не злоупотребляли властью въ своихъ интересахъ. Такое злоупотребленіе лишило бы всякаго смысла предоставленіе мудрымъ господства надъ остальнымъ человѣчествомъ .Правители должны походить на тощихъ и чуткихъ собакъ, оберегающихъ стадо отъ враговъ, но никоимъ образомъ не нападать на самое стадо. Въ противномъ случаѣ онѣ уподобятся волкамъ, и общество погибнетъ.

Итакъ, нужно сдѣлать все возможное, чтобы предохранить философовъ отъ какого бы то ни было искушенія использовать свою власть надъ людьми въ своихъ своекорыстныхъ интересахъ, а не въ интересахъ всего общества.

Какъ же этого достигнуть? Устраненіемъ изъ жизни философовъ всего того, что можетъ вести къ своекорыстнымъ побужденіямъ. Если бы философы имѣли собственность и имѣли свою семью, они могли бы подпасть искушенію увеличивать свое богатство или ограждать интересы своей семьи болѣе, чѣмъ интересы другихъ людей. Но тѣмъ самымъ они оказались бы недостойными той безпредѣльной власти надъ своими согражданами, которой ихъ облекаетъ Платонъ.

И потому философы должны жить въ полной бѣдности, ничего не называя своимъ, не имѣя семьи, не называя никакой женщины своей женой и никакого ребенка своимъ сыномъ или своей дочерью. Они должны отдавать всю свою жизнь, всю свою мудрость, всю свою волю цѣликомъ и безъ остатка обществу—и взамѣнъ этого имъ подобаетъ почетъ и власть надъ другими людьми, не обладающими такой мудростью и такой способностью отдавать себя на служеніе обществу.

Равенства не существуетъ въ государствѣ Платона:—немногіе мудрецы пасутъ человѣческое стадо, обязанное безпрекословнымъ повиновеніемъ своимъ пастырямъ, отказавшимся отъ своекорыстныхъ цѣлей, но получившимъ полную власть надъ тѣломъ и духомъ людей. Высшая добродѣтель людей толпы—это покорность своимъ пастырямъ.

Какъ все это близко къ геніальной мечтѣ Достоевскаго, къ созданному имъ образу Великаго Инквизитора изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“!

Итакъ, платоновскій соціализмъ вытекаетъ изъ подчиненія личности обществу. Личность человѣка не имѣетъ для Платона цѣнности и онъ хочетъ превратить ее въ органъ общества, послушное орудіе, не преслѣдующее своихъ особыхъ цѣлей, но служащее только интересамъ цѣлаго.

Требованіе общности имуществъ отнюдь не вызывается у Платона стремленіемъ обезпечить каждому возможно большее участіе въ пользованіи общественнымъ богатствомъ. Наоборотъ, общность имущества мудрецовъ въ платоновскомъ „государствѣ разума“ преслѣдуетъ цѣли ихъ общей бѣдности.

Платоновскій соціализмъ имѣетъ всецѣло моральный характеръ и чуждъ какой бы то ни было примѣси экономическаго интереса. Экономическій интересъ, стремленіе къ умноженію богатства, встрѣчаетъ у Платона самое категорическое осужденіе, какъ опасный соблазнъ, неразрывно связанный съ частной собственностью.

Современный соціализмъ проникнутъ не только инымъ, но совершенно противоположнымъ воззрѣніемъ на высшія цѣнности жизни.

Въ то время, какъ для Платона человѣческая личность не имѣетъ самостоятельной цѣнности, для современнаго соціализма личность человѣка есть верховная цѣнность міра.

Современный соціализмъ исходитъ изъ міросозерцанія, поставившаго въ центрѣ всего человѣческую личность. Міросозерцаніе это нашло себѣ наиболѣе яркое философское выраженіе въ философіи Канта.

Сознательная дѣятельность человѣка направлена на достиженіе разнообразныхъ цѣлей. Все, что является для насъ цѣлью, имѣетъ для насъ и опредѣленную цѣнность. Наши цѣли бываютъ относитель-

ными въ томъ случаѣ, когда мы сами, произвольно, по своему усмотрѣнію, ставимъ ихъ себѣ—ибо цѣнность этихъ цѣлей произвольно опредѣляется каждымъ отдѣльнымъ субъектомъ, не представляя собой ничего общеобязательнаго для другихъ людей. Но не существуетъ ли въ природѣ чего-либо, что должно имѣть абсолютную, общеобязательную цѣнность для всѣхъ людей? Да, нѣчто такое въ природѣ существуетъ. „Въ природѣ все что угодно, надъ чѣмъ мы имѣемъ власть, можетъ служить намъ средствомъ—говоритъ Кантъ—и только человѣкъ, и съ нимъ всякое разумное существо—есть цѣль въ себѣ... Человѣкъ и вообще всякое разумное существо существуетъ, какъ цѣль въ себѣ, не какъ средство для той или другой воли, но всегда долженъ разсматриваться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ какъ на него самого, такъ и на другія разумныя существа, какъ цѣль".

Таковъ общеобязательный моральный идеалъ, лежащій въ основѣ гуманистическаго міросозерцанія, выразившагося въ революціонномъ требованіи свободы и равенства для всѣхъ человѣческихъ личностей.

Это революціонное міросозерцаніе, ниспровергшее столько святынь, нашло и утвердило одну верховную святыню—человѣческую личность. Оно преклонилось передъ человѣкомъ, какъ таковымъ. Достоинства людей различны: нѣкоторые люди внушаютъ намъ уваженіе, къ другимъ мы относимся съ презрѣніемъ и негодованіемъ. Но въ каждомъ человѣкѣ, даже самомъ низкомъ, есть нѣчто имѣющее абсолютную цѣнность, цѣнность превыше всего—это его человѣческая природа. Каковъ бы ни былъ человѣкъ, мы всегда должны относиться къ нему, не какъ къ средству, а какъ къ верховной цѣли. Всякій человѣкъ можетъ требовать такого отношенія къ себѣ, какъ своего прирожденнаго неотъемлемаго права.

Такимъ путемъ Кантъ приходитъ къ идеѣ „царства цѣлей"—господства разумныхъ цѣлей, которыя ставятъ себѣ разумныя существа, каждое изъ которыхъ видитъ въ другомъ не средство, но цѣль. Идеальное человѣческое общество и должно быть такимъ царствомъ цѣлей.

Современный соціализмъ не только не подчиняетъ личность обществу, но, наоборотъ, стремится подчинить весь строй общества интересамъ личности.

Противопоставленіе современнаго соціализма индивидуализму есть несомнѣнное заблужденіе, въ которомъ, впрочемъ, повинны всего болѣе сами соціалисты. Этимологически слово соціализмъ, дѣйствительно, естественно противопоставляется слову индивидуализмъ. Слово „соціализмъ" возникло въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка, при чемъ творцы его этимъ новымъ терминомъ хотѣли охарактеризовать новое общественное направленіе, выдвигавшее значеніе общественнаго сотрудничества, въ противоположность господствовавшей экономической школѣ, признававшей идеаломъ хозяйственнаго строя неограниченную свободу единоличнаго предпринимательства. Французскій соціалистъ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка Пьеръ Леру утверждалъ—хотя и безъ достаточныхъ основаній—что терминъ „соціализмъ" былъ созданъ имъ, въ противоположность понятію „индивидуализма", при чемъ подъ соціализмомъ онъ понималъ такую общественную организацію, „въ которой индивидуализмъ приносится въ жертву цѣлому, именуемому обществомъ". Противопоставленіе соціализма индивидуализму прочно утвердилось въ литературѣ и въ настоящее время является почти общепринятымъ, какъ среди сторонниковъ, такъ и среди противниковъ соціализма.

Съ другой стороны, исторія происхожденія современнаго соціализма указываетъ на совершенно иное соотношеніе между индивидуализмомъ и соціализмомъ. Такъ, англійскій соціализмъ въ лицѣ Оуэна и Томпсона въ своей философской части непосредственно примыкаетъ къ философіи Бентама—одного изъ наиболѣе послѣдовательныхъ и яркихъ выразителей философскаго индивидуализма. Книга Томпсона о принципахъ распредѣленія богатства, являющаяся самымъ замѣчательнымъ теоретическимъ продуктомъ англійской соціалистической мысли, представляетъ собой не что иное, какъ систематическое приложеніе къ экономической наукѣ бентамовскаго принципа „наибольшаго счастья наибольшей суммы людей". Послѣдователемъ Бентама былъ и учитель Томпсона—Оуэнъ.

Что касается до французскаго соціализма, то онъ былъ духовнымъ дѣтищемъ великой революціи. Индивидуалистическое міровоззрѣніе 18-го вѣка, достигшее въ революціи своего громоноснаго практическаго выраженія, окрашиваетъ всѣ работы Морелли, Мабли, Бабефа, Фурье, Кабе, Луи Блана и другихъ представителей соціалистической мысли Франціи.

Шеффле сдѣлалъ какъ-то парадоксальное на первый взглядъ замѣчаніе, что соціализмъ есть не что иное, какъ „доведенный до крайней степени индивидуализмъ". Во всемъ этомъ вопросѣ коренится, очевидно, нѣкоторое недоразумѣніе. Вл. Соловьевъ опредѣляетъ практическій индивидуализмъ, какъ „утвержденіе и отстаиваніе человѣческой индивидуальности противъ различныхъ естественныхъ и историческихъ группъ и учрежденій, могущихъ ее подавлять". Что же такое представляетъ собой современный соціализмъ—стремленіе къ утвержденію или къ угнетенію человѣческой индивидуальности?

Книга Лоренца Штейна о французскомъ соціализмѣ и коммунизмѣ, вышедшая въ 1842 г., представляетъ собой первую по времени научную характеристику различныхъ направленій французскаго соціализма. Интересно, какъ обосновываетъ Штейнъ соціализмъ. Идея человѣческой личности—говоритъ онъ—имѣетъ абсолютный характеръ Эта идея требуетъ, чтобы каждой человѣческой личности были доступны высшія блага цивилизаціи. Однако, пользованіе этими благами возможно лишь подъ условіемъ обладанія извѣстными матеріальными средствами. Индивидуальное же обладаніе матеріальными средствами имѣетъ, по необходимости, исключительный характеръ: принадлежность вещи одному лицу дѣлаетъ невозможнымъ пользованіе ею другимъ лицомъ. Слѣдовательно, если матеріальныя средства богатства будутъ находиться въ индивидуальномъ обладаніи отдѣльныхъ лицъ, то возможно, что нѣкоторыя лица не будутъ обладать этими средствами, а, слѣдовательно, и не будутъ имѣть доступа къ благамъ цивилизаціи, чего требуетъ идея абсолютной личности. Иначе говоря, право частной собственности несовмѣстимо съ идеей абсолютной личности, и, такимъ образомъ, идея личности естественно приводитъ къ отрицанію права частной собственности. „Для мыслящаго человѣка возникаетъ задача—говоритъ Штейнъ—найти такую форму общества, при которой сохранилось бы личное владѣніе, и все же это владѣніе не становилось бы абсолютнымъ препятствіемъ для полнаго развитія личности. Это и есть общая идея, къ которой стремится соціализмъ, и въ этомъ заключается глубокое значеніе соціализма для внутренней исторіи цивилизаціи". Верховной цѣлью соціализма является, по словамъ Штейна, „законченное развитіе личности".

Итакъ, Штейнъ приходитъ къ заключенію, что соціализмъ есть завершеніе индивидуализма. Великій германскій ученый совершенно правильно разсмотрѣлъ истинную сущность новаго общественнаго ученія, которое выступало столь рѣзкимъ противникомъ экономическаго либерализма. По своимъ средствамъ соціализмъ является антиподомъ экономическаго либерализма. Первые провозвѣстники свободы торговли искренно вѣрили, что экономическая борьба, всеобщее свободное соперничество есть лучшее средство достигнуть всеобщаго благосостоянія и всесторонняго развитія человѣческой личности. Оптимизмъ Кэнэ и Адама Смита, возлагавшихъ такія радужныя надежды на соціальныя послѣдствія экономической свободы, былъ вполнѣ естественнымъ результатомъ соціально-политическихъ условій ихъ эпохи. Подавленная человѣческая личность протестовала противъ гнета, которому она подвергалась со стороны историческаго государства, опиравшагося на насиліе—и выраженіемъ этого протеста былъ либерализмъ 18-го вѣка, выступившій въ защиту личности подъ знаменемъ политической и экономической свободы.

Но событія очень скоро доказали, что экономическая свобода, свобода частнохозяйственнаго предпринимательства, не только не равносильна фактической свободѣ личности, а имѣетъ обратный смыслъ—порабощенія труда капиталомъ, иначе говоря, порабощенія огромнаго большинства народа. И вотъ—во имя тѣхъ же цѣлей защиты и утвержденія правъ личности—соціализмъ отвергъ мнимую капиталистическую свободу и вмѣсто нея развернулъ новое знамя—общественной организаціи труда. Средства радикально измѣнились, но цѣли остались тѣ же. И потому, какъ совершенно вѣрно указываетъ Дитцель, либерализмъ и коммунизмъ, по своему идеальному содержанію, находятся въ самомъ тѣсномъ родствѣ. „Либеральная программа школы Смита и физіократовъ—говоритъ Дитцель—есть первый продуктъ, въ области соціальной практики, индивидуалистической теоріи права; въ различныхъ коммунистическихъ программахъ отражается та же основная идея, но лишь въ болѣе послѣдовательной формѣ... Либерализмъ старшій, а коммунизмъ младшій братъ индивидуалистической теоріи права... Коммунизмъ есть не что иное, какъ продуктъ индивидуализма, какъ его крайнее послѣдствіе въ матеріально-хозяйственной области“.

Правда, Дитцель противополагаетъ индивидуалистическій коммунизмъ соціализму, въ которомъ онъ усматриваетъ логическую противоположность индивидуалистическому принципу. Представителемъ такого соціализма онъ считаетъ Родбертуса. Однако, тотъ соціализмъ, который теперь волнуетъ человѣчество и который Дитцель называетъ коммунизмомъ—вполнѣ индивидуалистиченъ. Съ этимъ согласенъ и Дитцель. „Современный коммунизмъ,—говоритъ онъ,—движущій массы и безпокоющій государственную власть, есть, за малыми исключеніями, не что иное, какъ доведенный до крайности индивидуализмъ“.

На то же указываютъ и другіе авторы. „Основная идея, налагающая свой отпечатокъ на всю классическую эпоху отъ Клопштока до Канта—замѣчаетъ Францъ Штаудингеръ—это идея разумно самоопредѣляющагося человѣка. Съ этой идеей вся указанная эпоха вступаетъ съ болѣе или менѣе яснымъ сознаніемъ въ принципіальное противорѣчіе съ предшествовавшими періодами феодализма и абсолютизма, связывавшими мысль, волю и дѣятельность человѣка извнѣ обязывающими нормами. Эта основная идея послѣ долгой внѣшней реакціи и глубокаго духовнаго сна вновь становится въ послѣднія десятилѣтія

жизненнымъ принципомъ современнаго духовнаго движенія. И она, что бы противъ этого ни говорили, составляетъ жизненный принципъ и истинный внутренній исходный пунктъ соціализма".

Внутренняя связь индивидуализма съ соціализмомъ сознается и руководящимъ теоретикомъ марксизма—Каутскимъ. „Только капиталистическому способу производства—говоритъ онъ—удалось уничтожить въ широкихъ кругахъ населенія стадное начало, превратить индивидуума, „сверхчеловѣка", изъ аристократическаго существа въ болѣе демократическое... Но индивидуализмъ, стремленіе къ свободному развитію своей личности, долженъ стать въ соціалистическомъ обществѣ еще несравненно шире и сильнѣе".

Обычное противопоставленіе индивидуализма соціализму основывается, такимъ образомъ, на чистомъ недоразумѣніи. Отчасти оно находится въ связи съ неопредѣленностью самого понятія индивидуализма. Только въ условномъ смыслѣ личность можетъ быть противопоставляема обществу; все то, что составляетъ реальное содержаніе человѣческой личности, есть продуктъ общества, которое не есть простое скопленіе или сумма личностей, но нѣкоторое высшее единство. Общественность есть необходимое условіе индивидуальной жизни человѣка. Соціализмъ, конечно, не можетъ быть заподозрѣнъ въ игнорированіи значенія общественнаго элемента въ развитіи человѣческой личности. Для соціалистическаго міровоззрѣнія именно и характерно глубокое пониманіе ничтожности и безпомощности отдѣльнаго человѣка, предоставленнаго своимъ собственнымъ силамъ, внѣ связи съ себѣ подобными. Принципъ братства, солидарности людей въ достиженіи ихъ общихъ цѣлей, есть естественное основаніе соціалистической этики.

Въ отличіе отъ существующихъ системъ хозяйства, соціализмъ стремится перенести возможно большую часть хозяйственныхъ заботъ отъ индивидуальнаго человѣка на все общество. Но именно это и равносильно освобожденію личности человѣка, всестороннее развитіе которой составляетъ, съ соціалистической точки зрѣнія, конечную и верховную цѣль общественнаго союза.

Міросозерцаніе прежняго времени знало много высшихъ цѣнностей, которыя могли быть противопоставлены личности человѣка. Государство, церковь, національность и многое другое были такими цѣнностями, ради которыхъ приносилось въ жертву счастье людей. Но въ эпоху Возрожденія сложилось новое міросозерцаніе, которое, не отрицая другихъ цѣнностей, признало, что среди всѣхъ ихъ есть одна, стоящая превыше всего остальнаго. Этой цѣнностью является человѣческая личность. Въ философіи Канта это міросозерцаніе получило свое наиболѣе глубокое философское обоснованіе. И современный соціализмъ есть не что иное, какъ радостный, бодрый и проникнутый глубокой любовью и вѣрой въ людей гуманизмъ, воскрешеніе свѣтлаго призрака ранней итальянской весны.

Правда, нельзя отрицать, что въ нѣкоторыхъ направленіяхъ современнаго соціализма чувствуется и антииндивидуалистическій духъ, которымъ проникнутъ въ такой сильной степени соціализмъ Платона. Дитцель указываетъ въ этомъ отношеніи на Родбертуса, противопоставляя соціализмъ Родбертуса коммунизму Маркса.

Еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ у Родбертуса, элементы антииндивидуалистическаго соціализма можно замѣтить у Сенъ-Симона и всей его школы. Однако, крайне характерно, что и Родбертусъ и школа

Сенъ-Симона остались въ сторонѣ отъ широкаго соціалистическаго движенія и не оказали вліянія на массы.

Это и понятно—народныя массы нашего времени вовлечены въ соціалистическое движеніе тѣми хозяйственными выгодами, которыя соціализмъ обѣщаетъ трудящимся классамъ—а этотъ индивидуалистическій мотивъ не имѣетъ ничего общаго съ подчиненіемъ личности общественному цѣлому, что характерно для соціализма Платона и въ гораздо меньшей степени для Родбертуса и школы Сенъ-Симона.

Вообще же объ антииндивидуалистическомъ соціализмѣ можно съ полнымъ правомъ говорить лишь по отношенію къ Платону. Представители современнаго соціализма никогда не порываютъ съ міровоззрѣніемъ индивидуализма и лишь иногда въ ихъ соціалистическихъ построеніяхъ звучатъ болѣе или менѣе сильные антииндивидуалистическія ноты.

III.

Соціализмъ Платона имѣлъ моральный, а не экономическій характеръ. Требуя общности имуществъ, эллинскій мудрецъ боролся не съ бѣдностью, а съ богатствомъ. Современный соціализмъ исходитъ изъ совершенно иной оцѣнки богатства и стремится общностью имуществъ обезпечить не общую бѣдность, а общее богатство

Въ хозяйственномъ богатствѣ современный соціализмъ усматриваетъ естественную основу развитія человѣческой культуры. Никакой опасности для морали въ богатствѣ, въ которомъ участвуютъ всѣ члены общества и которое пріобрѣтается трудомъ каждаго. а не эксплоатаціей однихъ членовъ общества другими, соціализмъ нашего времени не усматриваетъ и потому, въ полномъ согласіи съ требованіями личнаго интереса каждаго, требуетъ возможно большаго богатства для каждой личности, поскольку это не противорѣчитъ интересамъ другихъ личностей.

Именно благодаря этому современный соціализмъ и связалъ себя съ интересами огромнаго большинства современнаго общества, съ интересами трудящихся классовъ, страдающихъ отъ бѣдности и желающихъ получить долю въ національномъ богатствѣ.

Страхъ передъ богатствомъ у Платона былъ тѣсно связанъ съ его идеалистическимъ философскимъ міровоззрѣніемъ. Не тѣло, а духъ представляетъ собой истинную цѣнность—такъ училъ Платонъ; чувственныя удовольствія казались ему опасными для мощи духа.

Современный соціализмъ смотритъ на міръ иными глазами. Міровоззрѣніе гуманизма, провозгласившее права плоти, какъ основы развитія духовныхъ способностей, всего ближе соціализму нашего времени, хотя изъ этого не нужно дѣлать вывода, что современный соціализмъ равнодушенъ къ высшимъ духовнымъ цѣнностямъ жизни. Признаніе матеріальнаго богатства основой умственной и эстетической культуры не имѣетъ ничего общаго съ отрицаніемъ цѣнности культуры этого послѣдняго рода.

IV.

Платонъ пришелъ къ соціализму, исходя изъ убѣжденія въ естественномъ и неустранимомъ неравенствѣ людей. И въ этомъ отношеніи современный соціализмъ представляетъ собой прямую противоположность платоновскому.

Соціализмъ нашего времени ведетъ свое начало съ эпохи великой французской революціи, въ столь различныхъ и многообразныхъ отношеніяхъ являющейся гранью, съ которой начинается новѣйшая исторія человѣчества.

Въ эту эпоху окончательно сложилось и окрѣпло міровоззрѣніе, краеугольнымъ камнемъ котораго явилась идея равноцѣнности человѣческой личности.

Кантъ далъ въ своихъ работахъ о морали и правѣ теорію того міросозерцанія, которое на практикѣ выразилось въ знаменитомъ революціонномъ требованіи „свободы, равенства и братства". Изъ этой тріады для соціализма особенно важенъ второй принципъ, равенства, который и является идейнымъ корнемъ соціализма нашего времени.

Между тѣмъ, именно этотъ принципъ обосновать всего труднѣе. Желательность свободы и братства не нуждается въ доказательствахъ. Отсутствіе свободы ощущается человѣкомъ, какъ положительное страданіе. Точно также братство—иначе говоря, любовь—есть положительное благо. Другое дѣло равенство. Почему и въ какомъ смыслѣ равенство есть благо, а неравенство—зло? Неравенство коренится въ самой природѣ вещей: люди рождаются неравными—неравными по своимъ физическимъ силамъ, умственнымъ способностямъ, нравственнымъ наклонностямъ, вкусамъ, потребностямъ и т. д. и т. д. Никакой соціальный строй не можетъ устранить этого естественнаго неравенства И для чего нужно стремиться къ его устраненію? Развѣ всеобщее равенство гарантируетъ всеобщее счастье?

Всѣ эти соображенія такъ естественны и убѣдительны, что и понынѣ неизмѣнно выдвигаются противниками соціализма. И только стройная, строгая, неумолимо-послѣдовательная и логичная теорія Канта даетъ прочное, какъ гранитъ, обоснованіе требованія равенства.

Кантъ призналъ человѣческую личность цѣлью въ себѣ, верховной цѣлью, которая не должна никогда и ни въ какомъ случаѣ становиться средствомъ для чего-либо другого.

Такимъ образомъ, въ то время какъ античный соціализмъ Платона клалъ въ основу соціалистическаго строя правовую идею подчиненія личности обществу, интересовъ личности интересамъ всего общественнаго цѣлаго, современный соціализмъ исходитъ изъ идеи равноцѣнности каждой человѣческой личности и стремится къ созданію такого общественнаго строя, при которомъ были бы обезпечены въ возможно большемъ размѣрѣ равныя права всѣхъ личностей, составляющихъ общество. Современный соціализмъ, какъ сказано, имѣетъ индивидуалистическій характеръ и даже такой соціалистическій мыслитель, какъ Сенъ-Симонъ, въ міровоззрѣніи котораго индивидуалистическіе элементы выражены гораздо слабѣе, чѣмъ у другихъ новѣйшихъ соціалистовъ, провозгласилъ высшей задачей общественнаго строя „обезпеченія всѣмъ людямъ наиболѣе свободнаго развитія ихъ способностей".

Соціальнымъ идеаломъ нашего времени является не возможно болѣе полное поглощеніе личности обществомъ, а, наоборотъ, возможно бо́льшая свобода каждой человѣческой личности безъ различія, ибо каждый человѣкъ, независимо отъ своихъ личныхъ достоинствъ, сильный и слабый, умный и глупый, святой и величайшій злодѣй, всѣ обладаютъ въ равной мѣрѣ верховной святыней человѣческой личности.

Въ этомъ смыслѣ и можно говорить о равенствѣ всѣхъ людей каждая человѣческая личность есть безконечная цѣнность, а безко-

нечность всегда равна безконечности. Какъ носители человѣческой личности, всѣ люди равны между собой, какъ бы они ни были различны по своимъ свойствамъ и достоинствамъ. Они равны по своимъ правамъ на жизнь и счастье, они равны по тому уваженію, съ какимъ мы должны относиться къ интересамъ ихъ всѣхъ,—они равны по безконечной цѣнности, которой обладаетъ личность каждаго изъ нихъ. Только съ этой точки зрѣнія можно признавать принципъ равенства основаніемъ правильнаго общежитія людей. Отбросьте ученіе объ абсолютной цѣнности человѣческой личности—и всѣ демократическія требованія нашего времени окажутся пустымъ разглагольствованіемъ. Поэтому необходимо признать идею равноцѣнности человѣческой личности основной этической идеей современнаго соціализма.

Правда, самъ Кантъ, давшій незыблемое теоретическое обоснованіе соціализму, отнюдь не былъ соціалистомъ. Въ своей „Метафизикѣ нравовъ“ онъ защищаетъ право частной собственности на землю и другія средства производства и пытается вывести его изъ основного прирожденнаго права человѣка на свободу. Но если есть какое-либо положеніе, твердо установленное соціалистической критикой, то это то, что право частной собственности на средства производства, по неумолимымъ законамъ хозяйства, неизбѣжно превращается въ право эксплоатаціи одними людьми другихъ, неизбѣжно ограничиваетъ свободу личности трудящагося человѣка, обращаетъ въ пустую юридическую фикцію прирожденное равенство всѣхъ. Пока останется частная собственность на землю и капиталъ, до тѣхъ поръ землевладѣлецъ и капиталистъ останутся фактическими господами работника, лишеннаго средствъ производства и существованія. Иными словами, частная собственность на средства производства несовмѣстима съ правомъ человѣка на свободу и равенство. Соціализмъ есть, слѣдовательно, требованіе естественнаго права, логически связанное съ первымъ и основнымъ прирожденнымъ правомъ человѣка на свободу.

Кантъ не былъ, какъ сказано, соціалистомъ. Однако, только въ идеѣ равноцѣнности человѣческой личности,—а эта идея нашла свое самое систематическое выраженіе въ философіи Канта—заключается теоретическое обоснованіе современнаго соціалистическаго міровоззрѣнія, поскольку таковое опирается на этическіе принципы. Соціализмъ есть стремленіе осуществить въ дѣйствительной жизни всѣ тѣ права, которыя нынѣ теоретически признаются всѣми неотъемлемымъ достояніемъ человѣка. Изъ области юридической фикціи права эти должны перейти въ реальную жизнь.

Недостаточно всѣхъ людей объявить равноправными—нужно ихъ сдѣлать реально равноправными, нужно обезпечить за ними возможность реально использовать ихъ права; а такъ какъ въ основѣ индивидуальной и общественной жизни лежитъ хозяйство, внѣ котораго невозможно никакое реальное обезпеченіе права, то соціализмъ естественно приходитъ къ требованію преобразованія современнаго устройства хозяйства. Пока одни классы общества будутъ присваивать трудъ другихъ классовъ, пока сохранится эксплоатація трудящихся классовъ имущими, до тѣхъ поръ фактическая равноправность всѣхъ, къ которой стремится соціализмъ, не будетъ достигнута. Поэтому соціализмъ требуетъ экономической равноправности всѣхъ членовъ общества.

ГЛАВА II.

Классификація различныхъ системъ соціалистическаго строя.

Соціализмъ и коммунизмъ.—Государственный, синдикальный, коммунальный и анархическій соціализмъ.—Государственный, коммунальный и анархическій коммунизмъ.

Цѣли соціализма могутъ достигаться различными путями и потому было бы большой ошибкой думать, что соціалистическія построенія основъ будущаго общественнаго строя въ общихъ чертахъ тождественны или, хотя бы, близки другъ къ другу. Наоборотъ, наблюдается чрезвычайное разнообразіе системъ соціалистическаго строя, почему характеристика соціалистическаго строя предполагаетъ предварительную классификацію этихъ системъ.

Наиболѣе естественной и логически обоснованной классификаціей этихъ системъ мнѣ представляется нижеслѣдующая:

Соціализмъ. въ узкомъ смыслѣ слова	Коммунизмъ.
Государственный	Государственный.
Синдикальный	—
Коммунальный	Коммунальный.
Анархическій	Анархическій.

Наиболѣе общимъ дѣленіемъ соціализма является дѣленіе его на соціализмъ въ узкомъ смыслѣ слова и коммунизмъ.

Обыкновенно, различіе соціализма въ узкомъ смыслѣ отъ коммунизма видятъ въ томъ, что соціализмъ въ узкомъ смыслѣ требуетъ перехода въ общественную собственность только средствъ производства, допуская частную собственность на предметы потребленія, между тѣмъ какъ коммунизмъ требуетъ совершеннаго уничтоженія частной собственности какъ на средства производства, такъ и на предметы потребленія. Но это не совсѣмъ вѣрно.

Нельзя, прежде всего, строго разграничить средства производства отъ предметовъ потребленія. Стулъ, на которомъ я сижу, есть предметъ потребленія, если я сижу для отдыха, и средство производства, если я на немъ работаю. Экипажъ, въ которомъ я ѣду, есть предметъ потребленія, если я катаюсь для собственнаго удовольствія, и средство производства, если я ѣду по дѣлу и т. д. и т. д.

Невѣрно затѣмъ, будто соціализмъ требуетъ обобществленія всѣхъ орудій труда (средствъ производства). Свою книгу объ „Аграрномъ вопросѣ“ Каутскій заканчиваетъ очень краснорѣчивымъ и искреннимъ описаніемъ прелестей домашняго очага, жизни у себя дома. Въ соціалистическомъ обществѣ Беллами каждая семья живетъ въ особомъ домѣ. Съ этимъ неизбѣжно связывается и сохраненіе въ большей или меньшей степени домашняго хозяйства—а, слѣдовательно, и индиви-

дуальное владѣніе средствами производства этого хозяйства. Принятіе пищи дома требуетъ своихъ орудій труда—посуды, столовыхъ принадлежностей и пр. Бумага, перья, чернила, книги, читаемыя не для развлеченія,—все это орудія умственнаго труда, по отношенію къ которымъ должно быть допущено индивидуальное владѣніе и при соціалистическомъ устройствѣ общества.

Итакъ, и при господствѣ соціализма въ узкомъ смыслѣ извѣстная часть средствъ производства останется въ частномъ владѣніи. Съ другой стороны, по отношенію къ очень многимъ предметамъ потребленія частное владѣніе въ такомъ обществѣ ни въ какомъ случаѣ допущено быть не можетъ. Уже и теперь очень многое, служащее для непосредственнаго наслажденія и пользы, находится въ свободномъ и общемъ пользованіи всѣхъ—напр., общественные музеи, картинныя галлереи, городскіе парки и пр. Въ соціалистическомъ обществѣ такое свободное пользованіе различными источниками наслажденія должно чрезвычайно возрасти.

Другіе предметы потребленія, какъ, напр., жилые дома, должны перейти въ собственность всего общества, и только пользованіе ими должно быть предоставлено за извѣстную плату отдѣльнымъ лицамъ.

Такимъ образомъ, въ соціалистическомъ обществѣ будутъ три группы предметовъ потребленія: одни предметы будутъ принадлежать всему обществу, и пользованіе ими будетъ свободно предоставлено всѣмъ; другіе будутъ принадлежать всему обществу, и пользованіе ими будетъ предоставлено отдѣльнымъ лицамъ за извѣстную плату и, наконецъ, третьи будутъ находиться во владѣніи отдѣльныхъ лицъ.

Но и коммунизмъ отнюдь не характеризуется тѣмъ, что при этомъ строѣ индивидуальное владѣніе совершенно исчезнетъ. Главнымъ апостоломъ коммунизма въ новѣйшее время былъ Кабэ. Въ своей „Икаріи“ онъ стремился все сдѣлать общимъ и уничтожить всякое индивидуальное владѣніе. Но это ему удалось далеко не въ полной мѣрѣ. Икарійцы, живущіе въ деревнѣ и ведущіе сельское хозяйство, имѣютъ, по описанію Кабэ, особыя фермы, съ которыхъ они поставляютъ государству заранѣе опредѣляемое количество сельскохозяйственныхъ продуктовъ. За этимъ вычетомъ, они свободно располагаютъ всѣми продуктами своихъ фермъ и не подлежатъ въ потребленіи ихъ никакому общественному контролю. Очевидно, икарійцы являются полными владѣльцами продуктовъ своего труда (безъ права, разумѣется, ихъ отчужденія). Въ этомъ случаѣ индивидуальное производство естественно влечетъ за собой и индивидуальное владѣніе продуктомъ труда. Но и при общественномъ производствѣ, какъ широко бы оно ни было проведено, останется много предметовъ потребленія, которые по самой своей природѣ должны быть въ единоличномъ владѣніи отдѣльныхъ лицъ. Сюда относится, напр., одежда. Какъ бы далеко ни были проведены принципы коммунизма, но однимъ сюртукомъ одновременно одѣть двухъ не удастся, и каждый сюртукъ будетъ силою вещей во владѣніи того, кто его носитъ.

Принципіальное отличіе собственно соціализма отъ коммунизма не можетъ быть, такимъ образомъ, пріурочено къ указанному признаку.

Въ виду этого многіе склонны отождествлять соціализмъ съ коммунизмомъ или же усматривать различіе между тѣмъ и другимъ въ степени, въ которой приводится принципъ общественной собственности на предметы хозяйства. Однако, возможно установить ясный и точный

признакъ, по которому соціализмъ рѣзко отличается отъ коммунизма. Признакомъ этимъ, по моему мнѣнію, является слѣдующее.

Среди различныхъ соціалистическихъ системъ, въ широкомъ смыслѣ слова, легко отличить два основныхъ типа. Въ однѣхъ системахъ нормируются тѣмъ или другимъ способомъ доходы отдѣльныхъ лицъ, т.-е. устанавливается общая сумма цѣнности, которой данное лицо можетъ располагать для своего потребленія; согласно другимъ системамъ доходы отдѣльныхъ лицъ совершенно не нормируются, и даже устраняется самое понятіе дохода, какъ опредѣленной суммы цѣнности, а нормируется непосредственно потребленіе или же потребленіе признается совершенно свободнымъ.

При системахъ перваго типа распредѣленіе продуктовъ обязательно совершается при помощи той или иной системы денегъ, хотя бы только идеальныхъ: каждая отдѣльная личность расходуетъ свой доходъ—потребляетъ въ предѣлахъ цѣнности, которой располагаетъ, для чего требуется, въ свою очередь, точное сравненіе цѣнности потребляемой вещи съ общей цѣнностью дохода потребляющаго лица, и расходованіе этой послѣдней цѣнности даннымъ лицомъ для пріобрѣтенія предметовъ потребленія. Поэтому, при системахъ этого типа, предметы потребленія должны имѣть свою цѣну, цѣна же должна быть выражена въ какихъ-либо единицахъ. Иными словами, деньги, какъ мѣрило цѣнъ и какъ покупательное средство, являются въ системахъ этого типа необходимымъ орудіемъ распредѣленія продуктовъ.

Напротивъ, въ системахъ второго типа, предоставляющихъ полную свободу потребленію или же нормирующихъ не доходы, но непосредственно потребленіе, деньги совершенно не нужны въ качествѣ орудія распредѣленія. Общественное хозяйство въ системахъ перваго типа есть денежное хозяйство, въ системахъ второго типа — натуральное хозяйство.

Различіе это глубоко и принципіально и именно къ нему слѣдуетъ пріурочить дѣленіе соціализма и коммунизма. Гдѣ имѣется категорія личнаго дохода, тамъ мы имѣемъ дѣло съ соціалистической системой; гдѣ этой категоріи нѣтъ, тамъ передъ нами коммунизмъ.

Обычное пониманіе соціализма, какъ системы, допускающей личную собственность на предметы потребленія, и коммунизма, какъ системы, отвергающей такую собственность, есть смутное выраженіе указаннаго основного и принципіальнаго отличія обѣихъ системъ. Ибо категорія личнаго дохода логически предполагаетъ свободу распоряженія доходомъ, свободу расходованія дохода по своему вкусу; а такое свободное расходованіе предполагаетъ и личныя права расходующаго лица на пріобрѣтенные предметы потребленія. Иными словами, категорія личнаго дохода предполагаетъ и личное владѣніе предметами потребленія.

Напротивъ, отсутствіе категоріи личнаго дохода предполагаетъ и отсутствіе личныхъ правъ на предметы потребленія. Поэтому системы этого типа отрицаютъ частную собственность на всѣ предметы хозяйства безъ различія.

Такимъ образомъ, исходя изъ указаннаго признака можно съ полной опредѣленностью разграничить соціализмъ (въ узкомъ смыслѣ) отъ коммунизма. При соціалистическомъ строѣ потребленіе регулируется доходомъ, при коммунистическомъ—потребленіе или совершенно свободно или же регулируется непосредственнымъ распредѣленіемъ продуктовъ въ натуральномъ видѣ между отдѣльными лицами.

При коммунистическомъ строѣ экономическая равноправность

выражается или въ равной свободѣ потребленія каждаго или же въ равенствѣ потребленія (въ зависимости, конечно, отъ возраста, пола, здоровья и т. д.). Отказываясь отъ нормированія дохода отдѣльныхъ личностей, коммунизмъ отрицаетъ и необходимость пропорціональности между тѣмъ, что каждое лицо даетъ обществу и что оно отъ послѣдняго получаетъ.

Напротивъ, системы соціализма (въ узкомъ смыслѣ) могутъ быть двоякаго рода. Однѣ (Пекеръ, Беллами) такъ же строго стоятъ на почвѣ фактическаго равенства, какъ и системы коммунизма. Нормированіе дохода принимаетъ въ этомъ случаѣ видъ полнаго равенства доходовъ всѣхъ членовъ общества: за каждымъ признается право на равную сумму дохода. Но, въ отличіе отъ уравнительнаго коммунизма, это равенство доходовъ не превращается въ одинаковость потребленія по роду и качеству потребляемыхъ продуктовъ. Каждый расходуетъ свой доходъ согласно своимъ личнымъ вкусамъ и потребностямъ.

Въ другихъ системахъ соціализма экономическая равноправность понимается какъ равное право каждаго рабочаго на создаваемый имъ трудовой продуктъ, а такъ какъ трудовые продукты различныхъ рабочихъ могутъ—и даже неизбѣжно должны—быть неравны, ибо люди обладаютъ фактически различными силами и способностями, то коллективизмъ этого типа отнюдь не требуетъ равенства доходовъ. Такое равенство многіе соціалисты считаютъ даже нежелательнымъ, ибо при немъ у рабочаго отпадаютъ побудительные мотивы повышать производительность своего труда. Такъ, напр., формула сенъ-симонистовъ гласитъ: „отъ каждаго по его способностямъ, каждой способности по ея дѣламъ“. Иными словами, каждый долженъ исполнять ту работу, къ которой онъ наиболѣе способенъ, и получать вознагражденіе въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что даетъ обществу его работа.

Таково основное и наиболѣе глубокое дѣленіе соціалистическихъ системъ въ широкомъ смыслѣ слова—на соціализмъ въ узкомъ смыслѣ слова и коммунизмъ. Дѣленіе это основывается, какъ указано, на способѣ распредѣленія продуктовъ между отдѣльными членами общества—въ одномъ случаѣ это распредѣленіе совершается при посредствѣ особаго покупательнаго средства, которымъ надѣляются всѣ члены общества; во второмъ случаѣ распредѣленіе продуктовъ совершается непосредственно, безъ промежуточной ступени покупки, и продукты прямо переходятъ изъ общественныхъ складовъ въ потребленіе отдѣльныхъ лицъ. Соціализмъ въ узкомъ смыслѣ слова является, такимъ образомъ, болѣе сложной экономической системой, коммунизмъ—болѣе простой.

Въ свою очередь, соціализмъ въ узкомъ смыслѣ слова и коммунизмъ могутъ быть подраздѣлены на различныя системы, при чемъ въ основу этого дѣленія я положилъ большую или меньшую централизацію хозяйственнаго строя, подчиненія частей цѣлому.

Въ государственномъ соціализмѣ и коммунизмѣ централизація достигаетъ своего наивысшаго выраженія: все общественное хозяйство непосредственно сосредоточено въ рукахъ государства, владѣющаго всѣми средствами производства и всѣми продуктами общественнаго труда, до перехода послѣднихъ въ индивидуальное потребленіе.

Синдикальнымъ соціализмомъ я называю такую форму соціализма, при которой средства производства находятся во владѣніи не всего общества, а различныхъ профессіональныхъ рабочихъ группъ, непосредственно работающихъ при помощи этихъ средствъ производства.

Земля, при синдикальномъ соціализмѣ, принадлежитъ не всему обществу, а только земледѣльцамъ, фабрики принадлежатъ занятымъ на фабрикахъ рабочимъ и т. д.

Въ качествѣ владѣльца данныхъ средствъ производства соотвѣтствующая рабочая группа—иначе говоря, производительная ассоціація рабочихъ, производительная артель—владѣетъ и своимъ трудовымъ продуктомъ. Этотъ трудовой продуктъ продается производительной ассоціаціей рабочихъ и въ обмѣнъ на вырученныя деньги пріобрѣтаются предметы потребленія, въ которыхъ нуждаются члены производительной ассоціаціи.

Такимъ образомъ, синдикальный соціализмъ предполагаетъ обмѣнъ продуктовъ (обмѣнъ продуктовъ труда производительной ассоціаціи на предметы потребленія членовъ послѣдней); этимъ самымъ логически исключается возможность синдикальнаго коммунизма—коммунизмъ есть система, отрицающая обмѣнъ въ какой бы то ни было формѣ.

Подъ коммунальнымъ соціализмомъ и коммунизмомъ я понимаю тѣ формы соціализма, при которыхъ хозяйственной единицей является община, коммуна Коммунальный соціализмъ тѣмъ отличается отъ синдикальнаго, что въ составъ общины входятъ рабочіе не одного, а разныхъ родовъ труда. Коммуна стремится, по возможности, удовлетворять своимъ потребностямъ своимъ собственнымъ трудомъ, возможно менѣе прибѣгая къ обмѣну. Поэтому въ составъ коммуны неизбѣжно должны входить рабочіе разныхъ профессій.

Внутри коммуны распредѣленіе продуктовъ можетъ происходить какъ на соціалистической, такъ и на коммунистической основѣ: отдѣльные члены коммуны могутъ получать опредѣленный денежный доходъ и затрачивать его на покупку произведеній коммуны, или же продукты общиннаго труда могутъ непосредственно распредѣляться общиной между ея членами. Соотвѣтственно этому возможенъ какъ коммунальный соціализмъ, такъ и коммунальный коммунизмъ.

Въ системахъ анархизма отвергается какая бы то ни была принудительная хозяйственная организація и личность провозглашается совершенно свободной отъ общественной власти. Анархизмъ является системой, наиболѣе далекой отъ государственной организаціи хозяйства. Анархизмъ мыслимъ какъ въ формѣ соціалистическаго, такъ и коммунистическаго анархизма: въ первомъ случаѣ отдѣльные производители свободно обмѣниваются своими продуктами, во второмъ случаѣ они свободно пользуются продуктами другъ друга безъ посредства какого бы то ни было обмѣна.

ГЛАВА III.

Государственный соціализмъ (коллективизмъ).

I. Государство сенъ-симонистовъ. — II. Коллективистическое государство Пекёра. Трудовая повинность. Принципы распредѣленія. Свобода творческаго труда. Роль денегъ. Международный обмѣнъ. — III. Соціализмъ Родбертуса. Вознагражденіе по трудовому продукту. — IV. Централистическій соціализмъ марксистовъ. — V. Коллективистическое государство Беллами.

I.

Основоположниками государственнаго соціализма нашего времени (или, какъ обычно называютъ эту форму соціализма, коллективизма) слѣдуетъ признать скорѣе всего сенъ-симонистовъ. Именно школа Сенъ-Симона выдвинула ту мысль, что преобразованіе общественнаго строя въ интересахъ рабочихъ массъ можетъ совершиться лишь путемъ государственной организаціи общественнаго хозяйства на соціалистическихъ началахъ.

Самъ Сенъ-Симонъ не былъ, въ строгомъ смыслѣ слова, соціалистомъ и никакого опредѣленнаго плана соціалистическаго устройства общества послѣ себя не оставилъ. Но его ученики, главнымъ образомъ, Базаръ и Анфантэнъ довершили дѣло учителя: они создали стройную соціалистическую систему, проникнутую, какъ въ своей критической части, такъ и положительной однимъ духомъ — духомъ признанія солидарности и взаимнаго подчиненія людей необходимой основой общественнаго союза.

Хозяйственная система, господствующая въ настоящее время, говорили они, покоится на началѣ свободной конкуренціи. Экономисты, провозгласившіе эту систему, полагали, что можно довѣрить дѣло общественнаго хозяйства личному интересу каждаго. Современное общественное хозяйство слагается изъ множества отдѣльныхъ предпріятій, конкурирующихъ другъ съ другомъ. Предприниматель, въ существующемъ строѣ, является безконтрольнымъ и ни отъ кого независимымъ руководителемъ хозяйственнаго предпріятія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ извѣстной части, и всего народнаго хозяйства. Предприниматель исполняетъ, такимъ образомъ, важное народнохозяйственное дѣло. Его можно разсматривать, какъ общественнаго служителя, на котораго общество возлагаетъ извѣстныя обязанности и вознаграждаетъ его за нихъ.

Но есть ли какая-нибудь гарантія, при господствѣ свободной конкуренціи, что предприниматель удачно выполнитъ свои общественныя обязанности? Не только такой гарантіи нѣтъ, но вполнѣ ясно, что предприниматель, какъ бы онъ ни былъ лично заинтересованъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ удовлетворительно справиться съ тѣми общественными обязанностями, которыя на немъ лежатъ. Ибо въ чемъ заключается общественное назначеніе предпринимателя? Въ удовлетвореніи общественнаго спроса путемъ доставленія обществу продуктовъ, въ которыхъ оно нуждается. Дѣятельность предпринимателя должна быть направлена на то, чтобы

общественное производство возможно полнѣе соотвѣтствовало общественному спросу. Предприниматель долженъ производить именно тѣ товары и въ такомъ количествѣ, какіе и въ какомъ количествѣ требуются обществомъ.

Но при господствѣ свободной конкуренціи никакой отдѣльный предприниматель не знаетъ и не можетъ знать истинныхъ размѣровъ и истиннаго характера общественнаго спроса. Съ другой же стороны, онъ не знаетъ и размѣровъ и характера общественнаго производства. Онъ не знаетъ, какіе товары и въ какомъ количествѣ производятъ другіе предприниматели, конкурирующіе съ нимъ.

Такимъ образомъ, предприниматель долженъ выполнять свое важное общественное дѣло съ завязанными глазами. Неудивительно, что въ результатѣ получается, вмѣсто согласованности общественнаго производства со спросомъ, полный разладъ между тѣмъ и другимъ, и, какъ результатъ этого, — промышленные кризисы, банкротства, безработица и нищета рабочихъ.

Далѣе, при господствѣ свободной конкуренціи и отсутствіи общественнаго руководительства народнымъ хозяйствомъ, во главѣ предпріятій становятся не тѣ люди, которые наиболѣе способны именно къ данному дѣлу, но люди совершенно случайные, благодаря случайности рожденія въ средѣ даннаго класса располагающіе требуемыми капиталами. Отъ этого опять-таки страдаетъ общественное хозяйство, руководительство которымъ достается людямъ, совершенно для этого непригоднымъ.

Наконецъ, вознагражденіе, получаемое предпринимателями, ихъ предпринимательскій доходъ, находится въ соотвѣтствіи не съ дѣйствительной пользой, приносимой каждымъ изъ нихъ обществу, а съ капиталами, которыми каждый изъ нихъ располагаетъ. Владѣльцы средствъ производства облагаютъ общество данью въ свою пользу, и эта дань тяжело ложится на трудящіеся классы общества.

„Не слѣдуетъ ли изъ этого заключить — говорятъ Базаръ и Анфантэнъ въ главномъ трудѣ сенъ-симонистской школы, „Exposition de la doctrine de Saint-Simon“ — что результаты современнаго хозяйства, вызывающіе наше изумленіе, будутъ во много разъ превзойдены—и притомъ безъ тѣхъ несчастій, которыхъ мы нынѣ постоянно являемся свидѣтелями,—если бы эксплуатація природы была урегулирована, и если бы эта эксплуатація была подчинена общему плану? Именно единства и плана намъ и не хватаетъ“.

Высшая цѣль, къ которой стремится человѣчество, это образованіе всемірной ассоціаціи трудящагося человѣчества. Современное государство, говорятъ сенъ-симонисты, должно въ корнѣ измѣнить свой характеръ; теперь оно преслѣдуетъ цѣли насилія,—въ будущемъ же оно будетъ существовать для мирной организаціи общественнаго труда.

Организація эта будетъ покоиться, по представленію сенъ-симонистовъ, на слѣдующихъ основаніяхъ. Всѣ средства производства будутъ сосредоточены въ рукахъ государства, носящаго характеръ религіозной общины, такъ какъ государство сенъ-симонистовъ одновременно является и церковью. Распоряженіе этими средствами производства, распредѣленіе ихъ между отдѣльными мѣстностями страны возлагается на центральное государственное учрежденіе. Его роль будетъ соотвѣтствовать, въ хозяйственной области, современному правительству. Съ этимъ центральнымъ государственнымъ хозяй-

ственнымъ учрежденіемъ будутъ находиться въ непосредственной связи учрежденія областныя, эти послѣднія съ территоріально еще болѣе ограниченными учрежденіями, развѣтвляющимися все болѣе и болѣе и все тѣснѣе соприкасающимися съ отдѣльными производителями и потребителями.

Все вмѣстѣ образуетъ сложную іерархію взаимно подчиненныхъ хозяйственныхъ организацій различнаго порядка, съ центральной государственной организаціей во главѣ. Отъ мѣстныхъ организацій будутъ стекаться въ центральную организацію свѣдѣнія о величинѣ и характерѣ національнаго спроса. Соотвѣтственно этому центральная организація будетъ распредѣлять между мѣстными организаціями средства производства. Для этого центральная организація будетъ сравнивать запросы отдѣльныхъ мѣстныхъ организацій между собою, а также и со средствами производства, которыми располагаетъ нація. Ежегодно будетъ составляться національный бюджетъ, подобно теперешнему государственному бюджету. Роль актива въ этомъ бюджетѣ будетъ играть совокупность продуктовъ національнаго производства; роль пассива—спросъ на продукты со стороны мѣстныхъ организацій, каждая изъ которыхъ будетъ составлять свой бюджетъ подобнымъ же образомъ. Въ результатѣ должна получиться, по мнѣнію сенъ-симонистовъ, стройная организація всего національнаго хозяйства, полное единство плана и подчиненность частей, полное соотвѣтствіе между національнымъ производствомъ и національнымъ потребленіемъ.

„Во главѣ соціальнаго организма—говорятъ Базаръ и Анфантэнъ—должны стоять руководящія лица, обязанность которыхъ должна состоять въ томъ, чтобы каждому указывать именно то мѣсто, которое ему больше всего соотвѣтствуетъ и въ его личныхъ интересахъ и въ интересахъ другихъ. Если руководители отказываютъ одной отрасли промышленности въ кредитѣ, то это потому, что въ общихъ интересахъ средства производства могутъ получить лучшее употребленіе; если одинъ человѣкъ не получаетъ орудій труда, которыхъ онъ проситъ, то это потому, что компетентныя власти признали его болѣе способнымъ выполнять другое дѣло. Конечно, ошибки свойственны людямъ, но нужно согласиться, что люди высшаго таланта, стоящіе на точкѣ зрѣнія общихъ интересовъ, взоръ которыхъ не затемненъ мелочами, имѣютъ всего менѣе шансовъ впасть въ ошибку въ порученномъ имъ выборѣ, такъ какъ ихъ чувства, и даже личные интересы побуждаютъ ихъ стремиться настолько содѣйствовать общему развитію хозяйства, и въ каждой отдѣльной отрасли его въ такой мѣрѣ снабжать орудіями труда отдѣльныя личности, поскольку это допускается состояніемъ національнаго богатства и національнаго труда“.

Совокупность работниковъ будетъ образовывать собой іерархію, въ которой будутъ высшіе и низшіе, начальники и подчиненные. Правиломъ распредѣленія будетъ „отъ каждаго по его способностямъ, каждой способности по ея дѣламъ“. Такимъ образомъ, въ сенъ-симонистскомъ государствѣ не будетъ ничего похожаго на равенство распредѣленія; но зато въ немъ должна быть строгая пропорціональность между тѣмъ, что каждый даетъ обществу и что онъ отъ послѣдняго получаетъ. Всѣ привилегіи рожденія должны исчезнуть и только личныя заслуги должны получать полную оплату. При равной оплатѣ труда, независимой отъ его производительности, менѣе про-

изводительные рабочіе присваивали бы въ свою пользу плоды труда болѣе производительныхъ рабочихъ. Потому сенъ-симонисты полагаютъ, что именно ихъ иринципъ распредѣленія всего болѣе согласуется съ верховнымъ требованіемъ равноправности всѣхъ людей, что именно оплата по труду и заслугамъ и есть истинное равенство.

Начало авторитета, добровольнаго подчиненія людей низшихъ умственныхъ и нравственныхъ способностей людямъ высшаго таланта и высшаго нравственнаго сознанія было основаніемъ всей этики сенъ-симонистовъ. Правда, сенъ-симонисты были индивидуалистами въ томъ смыслѣ, что свободное развитіе человѣческой личности во всей ея сложности и полнотѣ было ихъ высшимъ идеаломъ. „Вся моя жизнь, сказалъ умиравшій Сенъ-Симонъ, резюмируется одной мыслью— обезпечить всѣмъ людямъ наиболѣе свободное развитіе ихъ способностей". Въ этомъ и усматривали сенъ-симонисты конечную цѣль общественнаго союза. Но средствомъ къ этой цѣли являлось у нихъ руководительство слабыхъ людей сильными, авторитетъ ума, морали и таланта. Тотъ же принципъ авторитета легъ и въ основаніе проектированнаго ими соціалистическаго государства, которое должно было покоиться на строгомъ подчиненіи низшихъ высшимъ. Не надо при этомъ упускать изъ виду, что для всей школы Сенъ-Симона крайне характерна религіозная окраска ихъ ученія. Государство будущаго должно стать не только хозяйственной ассоціаціей производительныхъ рабочихъ, но и новой церковью.

Именно эти особенности сенъ-симонистскаго плана общественнаго устройства и оттолкнули отъ него рабочіе массы. Сенъ-симонизмъ никогда не былъ, въ какой бы то ни было степени, народнымъ движеніемъ. Для этого сенъ-симонизмъ былъ слишкомъ аристократиченъ; кругъ его сторонниковъ слагался почти исключительно изъ представителей интеллигенціи—аристократіи ума и таланта. Современная демократія не склонна къ преклоненію передъ авторитетомъ, а крайняя централизація общественнаго устройства, проектированная сенъ-симонистами, потребовала бы такой желѣзной дисциплины, которой ни въ какомъ случаѣ не согласился бы подчиниться свободолюбивый рабочій нашего времени. И потому сенъ-симонизмъ остался чуждъ народной массѣ и лишь косвенно, черезъ посредство отдѣльныхъ мыслителей, воспринявшихъ нѣкоторыя важнѣйшія идеи сенъ-симонистовъ, но отказавшихся отъ авторитарнаго духа, которымъ проникнуто все ученіе, повліялъ на современное соціалистическое движеніе. Эту послѣднюю работу—преобразованія и усовершенствованія сенъ-симинизма—исполнилъ, главнымъ образомъ, Пекеръ, отецъ современнаго коллективизма.

II.

Государство Пекера, какъ и сенъ-симонистовъ, является единственнымъ собственникомъ всѣхъ средствъ производства, земли и орудій труда. Оно подраздѣляется, подобно современному государству, на департаменты, округа, кантоны и коммуны, пользующіеся извѣстнымъ самоуправленіемъ и являющіеся взаимно подчиненными центрами хозяйственныхъ организацій.

Размѣръ и характеръ національнаго спроса на каждый предстоящій хозяйственный періодъ устанавливается въ соціалистическомъ государствѣ Пекера количествомъ и родомъ продуктовъ, потреблен-

ныхъ населеніемъ въ истекшемъ хозяйственномъ періодѣ, а также заказами со стороны населенія. Такимъ образомъ, выясняется, какіе продукты и въ какомъ количествѣ спрашиваются населеніемъ; соотвѣтственно этому распредѣляется и національное производство. Государство, владѣющее средствами производства, организовываетъ по опредѣленному плану, при помощи своихъ подчиненныхъ общественныхъ учрежденій, все національное производство. Производимые продукты отнюдь не являются собственностью отдѣльныхъ производителей. Они поступаютъ въ государственные магазины для храненія и распредѣленія ихъ между всѣми членами общества.

Въ основу этого распредѣленія Пекеръ кладетъ слѣдующія начала. Прежде всего, онъ рѣшительный и безусловный врагъ неравенства оплаты труда различной производительности. Исходя изъ соображеній справедливости, онъ отрицаетъ, чтобы рабочій болѣе талантливый или искусный имѣлъ какое-либо право на большую оплату труда, ибо заслуга человѣка опредѣляется не внѣшними результатами его дѣйствій, а только его доброй волей.

Задача общественной власти—установить, какъ велика должна быть нормальная продолжительность рабочаго времени въ каждой отдѣльной отрасли труда, въ каждой отдѣльной профессіи для того, чтобы обременительность труда для средняго рабочаго повсемѣстно была одинакова. Иными словами, рабочій день въ каждой отрасли производства долженъ быть обратно пропорціоналенъ тяжести и непріятности труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, та же общественная власть должна установить вездѣ, гдѣ это возможно, нормальный трудовой продуктъ, т. е., количество продуктовъ, производимыхъ въ нормальное рабочее время среднимъ рабочимъ.

Оплата труда во всѣхъ отрасляхъ его должна быть равная, если нормальный урокъ выполненъ удовлетворительно. Если же рабочій произвелъ, по своей винѣ, менѣе нормальнаго продукта, то онъ получаетъ и соотвѣтственно меньшую плату. Если онъ выполнилъ урокъ за время меньшее нормальнаго, то онъ не обязанъ работать болѣе продолжительное время.

При разсчетѣ средней и одинаковой для всѣхъ платы принимаются въ соображеніе всѣ потребности, которыя государство должно удовлетворить при помощи общаго національнаго трудового продукта—напр., потребности въ поддержаніи жизни лицъ, неспособныхъ къ труду, больныхъ, стариковъ и дѣтей и т. д. Кромѣ того, извѣстная часть трудового продукта отчисляется на возстановленіе и увеличеніе израсходованныхъ въ процессѣ производства элементовъ національнаго капитала. Весь остальной трудовой продуктъ за этими вычетами распредѣляется въ равныхъ доляхъ между рабочими.

Самое распредѣленіе совершается при посредствѣ денегъ. Конечно, деньги въ соціалистическомъ обществѣ должны играть совершенно иную роль, чѣмъ онѣ играютъ нынѣ. Теперь деньги—товаръ, имѣющій свою самостоятельную цѣнность. Въ государствѣ же Пекера деньги — это простые бумажные знаки, символическіе выразители цѣнности. Нужны они потому, что Пекеръ желаетъ предоставить всѣмъ гражданамъ полную свободу личнаго потребленія въ смыслѣ выбора рода потребляемыхъ продуктовъ. Каждый выбираетъ для своего потребленія то, что ему нравится,—продукты любого рода и въ любомъ количествѣ. Но такъ какъ общая цѣнность потребленія каждаго ограничивается извѣстными предѣлами, то и является не-

обходимость точнаго опредѣленія цѣнности каждаго потребляемаго предмета и, вмѣстѣ, подсчета общей цѣнности предметовъ, потребляемыхъ каждымъ, ибо въ противномъ случаѣ установленная норма дохода каждаго могла бы быть превзойдена. Поэтому при всякой системѣ соціализма въ узкомъ смыслѣ (въ противоположность коммунизму, не устанавливающему никакихъ нормъ дохода отдѣльныхъ лицъ) та или иная форма денегъ, какъ покупательнаго средства и масштаба цѣнъ, является безусловной необходимостью.

Но не проникнетъ ли вмѣстѣ съ деньгами въ соціалистическое государство и отдача денегъ въ ростъ, и, слѣдовательно, эксплоатація человѣка человѣкомъ? Нисколько, ибо золотой телецъ имѣетъ въ наше время такую роковую власть надъ людьми не въ силу свойствъ самихъ денегъ, какъ орудія обмѣна, а въ силу всего строя современнаго общества. Деньги потому теперь такъ всесильны, что, съ одной стороны, онѣ могутъ быть обращены въ капиталъ и стать источникомъ присвоенія чужого труда; съ другой же стороны, онѣ нужны массѣ населенія потому, что она не имѣетъ денегъ въ достаточномъ количествѣ для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей. Ни того, ни другого условія въ соціалистическомъ государствѣ не будетъ. Съ одной стороны, деньги нельзя будетъ превратить въ средства производства, такъ какъ средства производства будутъ принадлежать государству и не будутъ подлежать отчужденію въ частныя руки. Съ другой же стороны, всѣ, не только насущныя, но и менѣе необходимыя потребности массы населенія будутъ съ избыткомъ удовлетворены и, слѣдовательно, не будетъ никакой необходимости для кого-либо брать деньги въ ссуду.

Только въ исключительныхъ случаяхъ попытки къ сдѣлкамъ такого рода (къ отдачѣ денегъ въ ростъ) могли бы возникать въ соціалистическомъ обществѣ и, конечно, онѣ были бы безусловно запрещены закономъ. Соціалистическое государство не можетъ признать за кѣмъ бы-то ни было права извлекать доходъ изъ своего имущества, такъ какъ всякая эксплоатація человѣка человѣкомъ несовмѣстима съ принципами соціализма.

Но никакихъ другихъ стѣсненій по отношенію къ пользованію деньгами Пекеръ не проектируетъ: каждый воленъ не только расходовать ихъ, какъ ему угодно, на какіе угодно продукты, но и дарить ихъ другимъ людямъ въ любомъ количествѣ, сохранять ихъ любое время у себя и даже завѣщать ихъ кому угодно послѣ своей смерти. Единственное, чего не можетъ дѣлать со своими деньгами гражданинъ государства Пекера—это пользоваться ими для эксплуатаціи себѣ подобныхъ.

Конечно, право полученія денегъ (равно какъ и всѣхъ предметовъ потребленія, которыми располагаютъ отдѣльныя лица) посредствомъ дара или завѣщанія нѣсколько нарушаетъ принципъ равенства, ибо одни будутъ имѣть, безъ всякой заслуги со своей стороны, больше предметовъ потребленія, чѣмъ другіе. Но это нарушеніе такъ ничтожно и неопасно, въ виду невозможности обратить деньги и предметы потребленія въ капиталъ, что Пекеръ его смѣло вводитъ въ свою систему, чтобы возможно меньше ограничивать личную свободу.

Итакъ, всякій гражданинъ воленъ покупать по своему усмотрѣнію на свои деньги любые продукты въ государственныхъ магазинахъ. Государство же совершаетъ за свой счетъ и всѣ операціи

по ввозу нужныхъ для страны продуктовъ изъ-за границы, равно какъ и по вывозу за границу туземныхъ продуктовъ. Когда соціалистическій строй охватитъ весь міръ, единственнымъ орудіемъ мірового обмѣна явятся тѣ же бумажныя деньги каждаго государства, которыя обращаются и внутри страны. Золото будетъ такъ-же излишне для международнаго обмѣна, какъ и для купли-продажи внутри страны; иностранныя бумажныя деньги не будутъ внушать никому недовѣрія, такъ какъ выпускъ ихъ будетъ строго регулированъ въ каждой странѣ хозяйственными потребностями населенія, и выпустившее ихъ государство будетъ оплачивать ихъ своими продуктами. По этой причинѣ деньги каждой страны будутъ всемірными деньгами, и каждый путешественникъ будетъ свободно расплачиваться ими въ любой странѣ.

Цѣны продуктовъ, количество которыхъ можетъ быть свободно воспроизводимо въ желаемыхъ размѣрахъ, будутъ регулироваться трудомъ производства, но въ случаѣ превышенія спроса на эти продукты надъ предложеніемъ ихъ, цѣна ихъ должна соотвѣтственно измѣняться. Цѣны же рѣдкихъ продуктовъ будутъ всецѣло регулироваться спросомъ и предложеніемъ: ибо, если бы держать цѣны этихъ продуктовъ на уровнѣ трудовыхъ затратъ, то только часть лицъ желающихъ воспользоваться этими предметами, могла бы ихъ получить, между тѣмъ, какъ остальная часть населенія осталась бы безъ нихъ, что было бы очевидною несправедливостью. И только повышеніе цѣны продукта до того уровня, при которомъ общественный спросъ на продуктъ равенъ предложенію, соотвѣтствуетъ требованію экономической справедливости, выражающейся началомъ экономической равноправности всѣхъ людей.

Исходя изъ своего принципа, что каждый можетъ свободно распоряжаться своими доходами, Пекеръ даетъ своеобразное разрѣшеніе и вопросу о роли литературнаго, художественнаго и всякаго иного высшаго творческаго труда въ общемъ строѣ соціалистическаго хозяйства. Для государства чрезвычайно важно непосредственно поддерживать всѣ виды этого исключительно производительнаго и цѣннаго общественнаго труда,—оно должно само за свой счетъ издавать книги, признаваемыя хорошими и полезными, давать средства ученымъ на производство изслѣдованій, польза которыхъ признана государствомъ, и т. д. и. т. д. Но въ этой государственной поддержкѣ творческаго труда заключается и огромная опасность. Творческій трудъ долженъ быть совершенно свободенъ и никакому контролю подлежать не можетъ. Даже самое совершенное общество некомпетентно въ оцѣнкѣ этого труда, ибо геніальный мыслитель или художникъ стоятъ выше толпы, опережаютъ свое время. Общественный контроль творческаго труда (а какъ оказывать поддержку этому труду безъ контроля? вѣдь нельзя же печатать на общественныя средства всякую бездарную книгу—и должна же, слѣдовательно, какая-либо общественная власть рѣшать, заслуживаетъ книга печатанія или нѣтъ) долженъ совершенно убить свободу личнаго творчества.

Выходъ изъ этого затрудненія Пекеръ указываетъ слѣдующій: каждый имѣетъ право печатать на свои личныя средства все, что пожелаетъ. Государственныя типографіи открыты для всѣхъ. Точно также каждый можетъ расходовать свои личныя средства на научныя, художественныя и иныя цѣли. Такимъ образомъ, на ряду съ

наукой, литературой, искусствомъ, поддерживаемыми государствомъ, будетъ существовать и свободное творчество, ничѣмъ не ограничиваемое и ничѣмъ не стѣсняемое.

Воспитаніе и обученіе молодого поколѣнія, естественно, должно лежать на государствѣ и имѣть безплатный характеръ. Государство же беретъ на себя содержаніе подрастающаго поколѣнія вплоть до того возвраста, когда молодыя люди приступаютъ къ производительной работѣ. Но при этомъ государство предоставляетъ родителямъ право содержать дѣтей до извѣстнаго возраста при себѣ, или же отдавать ихъ въ государственныя воспитательныя учрежденія. На государство всецѣло ложится и содержаніе неспособныхъ къ труду, стариковъ и больныхъ.

Обычнымъ камнемъ преткновенія соціалистическихъ системъ является вопросъ о выборѣ занятій отдѣльными лицами. Если предоставить каждому полную свободу выбора, то болѣе привлекательныя занятія будутъ переполнены, а менѣе привлекательныя пустовать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если каждый будетъ руководствоваться въ выборѣ занятія только своимъ усмотрѣніемъ, то общество не имѣетъ гарантіи, что данное общественное дѣло будетъ исполняться именно тѣмъ, кто къ нему наиболѣе способенъ.

Съ другой же стороны, извѣстная степень свободы выбора занятій есть необходимое условіе свободы личности вообще. Какъ же примирить это противорѣчіе?

Пекеръ предлагаетъ слѣдующій выходъ. Для занятія каждымъ опредѣленнымъ родомъ труда требуется доказать, что данное лицо наиболѣе пригодно къ этому труду. Доказательствомъ этого является спеціальный экзаменъ, производимый компетентными лицами, и избраніе даннаго лица населеніемъ. Преимущественнымъ правомъ занять опредѣленную общественную должность пользуются лица, стоящія выше другихъ по своей подготовленности къ ней и по симпатіи къ нимъ населенія, Этимъ же опредѣляется и повышеніе даннаго лица въ общественной іерархіи—занятіе имъ высшихъ, руководящихъ общественныхъ должностей.

Лица, менѣе одаренныя и пользующіяся меньшими симпатіями населенія, естественно будутъ занимать низшія должности, будутъ исполнять тѣ обязанности, на которыя находится меньше охотниковъ. При этомъ не нужно, однако, забывать, что общественная власть должна принимать всевозможныя мѣры къ тому, чтобы обременительность труда во всѣхъ его отрасляхъ была одинакова, и что вознагражденіе труда предполагается Пекеромъ равнымъ на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы.

Это послѣднее обстоятельство крайне ослабляетъ то треніе, которое не можетъ не возникать при выборѣ отдѣльными лицами себѣ занятій. Въ настоящее время вопросъ о выборѣ занятія имѣетъ такой жгучій характеръ для огромнаго большинства потому, что съ различными занятіями связаны и различныя удобства жизни. Въ государствѣ Пекера это различіе совершенно отпадаетъ. Всѣ роды труда будутъ мало обременительны и будутъ вознаграждаться одинаково щедро. Поэтому, единственнымъ побудительнымъ мотивомъ для человѣка выбирать именно данный родъ труда будетъ большая склонность человѣка къ этому роду труда. А большая склонность къ какой-либо дѣятельности обыкновенно сопровождается и большей способностью къ ней. Такимъ образомъ, хотя система Пекера и не

можетъ обезпечить полной свободы въ выборѣ занятій, все же она обез печиваетъ эту свободу, въ гораздо большей степени, чѣмъ существующая хозяйственная система, при которой выборъ занятій рѣшается частью случаемъ, частью ожесточенной борьбой конкурентовъ, въ каковой побѣждаетъ, большею частью, не самый способный, а экономически самый сильный, т е., обладающій наибольшимъ капиталомъ.

Многимъ можетъ показаться страннымъ требованіе Пекера, чтобы всѣ роды труда вознаграждались одинаково Мы привыкли думать, что такъ называемыя высшіе роды труда должны и вознаграждаться выше. По распространенному мнѣнію, такое всеобщее равенство убьетъ всякую охоту заниматься творческимъ трудомъ и, слѣдовательно, въ корнѣ подрѣжетъ прогрессъ цивилизаціи.

На это можно отвѣтить, что никакое истинное творчество не совершается изъ-за денегъ. Ученый, мыслитель, поэтъ творятъ ради самого наслажденія творчества или подъ вліяніемъ мотивовъ болѣе благороднаго порядка, чѣмъ мысль объ экономическихъ выгодахъ. Конечно, для умственнаго труда требуется извѣстный минимумъ матеріальнаго комфорта, а также досугъ. Соціалистическое государство должно обезпечить всѣмъ гораздо больше, чѣмъ этотъ минимумъ богатства,—оно должно обезпечить всѣмъ дѣйствительное богатство и не менѣе обезпечить всѣмъ дѣйствительный досугъ. При этомъ условіи совершенно непонятно, для чего требуется добавочное вознагражденіе для умственнаго труда. И безъ того трудъ этого рода будетъ получать самое высшее, самое цѣнное добавочное вознагражденіе, которое, дѣйствительно, весьма важно въ качествѣ побудительнаго мотива къ этого рода дѣятельности, требующей наибольшаго напряженія всей личности человѣка, — вознагражденіе въ видѣ славы, почета, удивленія и любви людей.

Хорошая сторона начала равенства оплаты всѣхъ родовъ труда (помимо справедливости этой формы оплаты, ибо человѣкъ отвѣтственъ только за свою добрую волю, но не за свои природные способности и таланты) заключается также и въ томъ, что при этомъ выборъ занятій будетъ опредѣляться для каждаго только обстоятельствами, лежащими въ природѣ этого самого занятія, но не обстоятельствами внѣшними и посторонними по отношенію къ этому занятію. Люди будутъ избирать дѣло, которое они всего болѣе любятъ, а не то, которое всего лучше вознаграждается. И въ этомъ лучшая гарантія, что всякое дѣло будетъ исполняться наиболѣе пригодными для него людьми.

Планъ коллективистическаго государства, созданный Пекеромъ, въ высшей степени замѣчателенъ. Въ немъ стройно сочетается общественная организація труда съ принципомъ личной свободы. Планъ Пекера совершенно свободенъ отъ основного грѣха сенъ-симонизма—чрезмѣрнаго увлеченія принципомъ авторитета—увлеченія, сдѣлавшаго сенъ—симонитскую ассоціацію такой непріемлемой для современнаго человѣка. Соціалистическое государство Пекера представляетъ собой самый зрѣлый плодъ соціалистической мысли Франціи.

Основнымъ правиломъ распредѣленія у Пекера является равенство оплаты труда, независимо отъ его качественнаго различія. Пекеръ рѣшительно отвергаетъ право рабочаго на свой полный трудовой продуктъ и считаетъ совершенно недостижимымъ стремленіе

осуществить это право при какомъ бы то ни было устройствѣ общества.

Напротивъ, соціалистическое государство Родбертуса является попыткой осуществить это право.

III.

Родбертусъ, какъ и Пекеръ, исходитъ изъ предположенія, что всѣ средства производства находятся въ распоряженіи государства, являющагося единственнымъ руководителемъ національнаго хозяйства. Точно также, Родбертусъ принимаетъ, что отдѣльныя личности пользуются свободой въ выборѣ предметовъ потребленія, и что размѣръ ихъ участія въ общемъ національномъ потребленіи опредѣляется величиной ихъ дохода. Но этотъ доходъ, по плану Родбертуса, не долженъ быть равнымъ для всѣхъ родовъ труда безъ различія (какъ это проектировалъ Пекеръ), но строго пропорціоналенъ трудовому продукту. Каждый рабочій долженъ получать отъ общества въ свое распоряженіе (за вычетомъ извѣстной части въ пользу всего государства на его нужды), какъ разъ столько цѣнности въ видѣ предметовъ потребленія, сколько онъ далъ обществу въ видѣ затраты своего труда. Отношенія между личностью и обществомъ должны покоиться на основѣ равенства услуги и вознагражденія.

Съ этой цѣлью Родбертусъ рекомендуетъ установить для всего общественнаго хозяйства нормальное рабочее время и съ этимъ нормальнымъ рабочимъ временемъ сравнивать дѣйствительную трудовую затрату въ отдѣльныхъ отрасляхъ труда. Въ отрасляхъ такъ назыв. квалифицированнаго, искуснаго труда часъ трудовой затраты соотвѣтствуетъ большему количеству нормальнаго рабочаго времени, а въ отрасляхъ труда низшей производительности часъ труда заключаетъ въ себѣ меньшее количество нормальнаго рабочаго времени. Возможность такого приравниванія качественно различныхъ родовъ труда доказывается для Родбертуса тѣмъ, что и теперь, при господствѣ капиталистическаго строя, путемъ конкуренціи между рабочими устанавливается нѣчто подобное: въ различныхъ отрасляхъ труда оплата труда различна въ зависимости отъ различія его производительности.

Сведя качественно различные роды труда къ соотвѣтствующимъ количествамъ нормальнаго рабочаго времени и зная средній трудовой продуктъ въ каждомъ изъ этихъ родовъ труда, легко будетъ опредѣлить, сколько именно нормальнаго рабочаго времени заключено въ каждомъ трудовомъ продуктѣ. Такимъ образомъ, опредѣлится трудовая цѣнность каждаго продукта.

Распредѣленіе продуктовъ будетъ совершаться слѣдующимъ образомъ. Каждый рабочій будетъ получать рабочія деньги—чековую книжку, въ которой будетъ обозначено на какую сумму онъ создалъ трудовой цѣнности. На такую же сумму онъ будетъ имѣть право пріобрѣтать предметовъ потребленія, цѣнность которыхъ будетъ выражаться также въ трудовыхъ единицахъ. Такимъ путемъ будетъ достигнуто полное соотвѣтствіе между національнымъ производствомъ и національнымъ потребленіемъ и въ то же время осуществлено въ полной мѣрѣ право рабочаго на свой полный трудовой продуктъ.

Таковъ планъ Родбертуса. Не трудно показать его несостоятельность. Недостижимо, прежде всего, сведеніе качественно различ-

ныхъ родовъ труда къ единому нормальному рабочему времени, вполнѣ соотвѣтствующему созданному Марксомъ понятію общественно необходимаго рабочаго времени. Ссылка на существующія различія оплаты труда совершенно неубѣдительна, такъ какъ существующія огромныя различія заработныхъ платъ въ разныхъ профессіяхъ основываются, прежде всего, на различіи условій экономической борьбы въ этихъ отрасляхъ труда, а вовсе не на различіи производительности послѣдняго. Гдѣ рабочіе относительно сильнѣе въ своей борьбѣ съ предпринимателемъ, тамъ выше и ихъ заработная плата. Вообще же, производительность труда въ различныхъ профессіяхъ по самому существу не допускаетъ сравненія.

Какимъ общимъ мѣриломъ сравнивать, напр., производительность труда судьи или врача и земледѣльца? Сколько часовъ труда ткача заключается въ часѣ труда поэта, какому количеству „нормальнаго времени“ соотвѣтствуетъ часъ труда этого послѣдняго?

Очевидно, всѣ такія попытки сведенія къ одной общей единицѣ качественно различнаго слѣдуетъ бросить. Справедливая система распредѣленія должна стремится не къ тому, чтобы обезпечить каждому рабочему его полный трудовой продуктъ (стремленіе это неосуществимо по несравнимости трудовыхъ продуктовъ качественно различныхъ родовъ труда), а къ тому, чтобы привести распредѣленіе продуктовъ въ возможно большее согласіе съ основной этической идеей соціализма — идеей равноцѣнности человѣческой личности. Великій ученый такой же человѣкъ, какъ и послѣдній чернорабочій; оба они въ равной мѣрѣ люди и потому должны пользоваться совершенно равными правами на жизнь. Право человѣка на вознагражденіе со стороны общества опредѣляется не внѣшнимъ результатомъ его дѣятельности, а его внутренней доброй волей, его готовностью служить обществу. Подобно тому, какъ общество нравственно обязано поддерживать жизнь больного и неспособнаго къ труду человѣка, являющагося для общества чистой обузой, совершенно въ той же мѣрѣ, какъ и производительнаго работника, оно въ той же мѣрѣ обязано вознаграждать малопроизводительный, но добросовѣстный трудъ, какъ и трудъ высшей производительности.

Право каждаго на равную оплату добросовѣстнаго труда можетъ быть ограничено лишь съ одной стороны. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые роды труда такъ тягостны и непріятны сами по себѣ, что на нихъ трудно найти охотниковъ, какова бы ни была внѣшняя обстановка труда этого рода. Въ этихъ случаяхъ не будетъ нарушеніемъ принципа равенства, если трудъ такого рода будетъ получать нѣкоторое добавочное вознагражденіе, какъ оплату добавочнаго бремени труда. Но такъ какъ наиболѣе тягостны именно разные роды грубаго чернорабочаго труда, въ противность высшему, творческому труду, доставляющему человѣку огромное наслажденіе, то именно менѣе производительные роды труда въ соціалистическомъ обществѣ могутъ вознаграждаться всего выше. Очевидно, ни о какомъ соотвѣтствіи съ принципомъ обезпеченія рабочему его полнаго трудового продукта не можетъ быть въ данномъ случаѣ и рѣчи.

Вообще, право рабочаго на свой полный трудовой продуктъ имѣетъ значеніе для соціализма, какъ это указалъ Антонъ Менгеръ, главнымъ образомъ, въ своемъ отрицательномъ смыслѣ—какъ отрицаніе правомѣрности нетрудового дохода. Какъ положительное право, оно имѣетъ смыслъ лишь по отношенію ко всему обществу, какъ

цѣлому, но отнюдь не пригодно въ качествѣ правила распредѣленія продуктовъ между отдѣльными членами общества. Въ основу распредѣленія въ соціалистическомъ обществѣ долженъ быть положенъ другой, болѣе высокій принципъ — равнаго права всѣхъ людей на жизнь, счастье и свободное развитіе своей личности.

Уже по одному этому, принадлежащій Родбертусу планъ соціалистическаго государства, цѣликомъ покоющійся на признаніи права отдѣльнаго рабочаго на цѣнность его трудового продукта, долженъ быть отвергнутъ. Но этотъ планъ заключаетъ въ себѣ и другую слабую сторону—установленіе цѣнъ продуктовъ на основѣ трудовыхъ затратъ. Какъ указываетъ Пекеръ, послѣдовательное проведеніе трудового принципа въ области цѣнъ продуктовъ равносильно нарушенію принципа равенства людей — равносильно лишенію части населенія тѣхъ продуктовъ, въ которыхъ оно нуждается, въ пользу другой части, случайно успѣвшей пріобрѣсти эти продукты раньше. Цѣна продуктовъ въ соціалистическомъ обществѣ, какъ и въ капиталистическомъ, должна быть такова, чтобы спросъ на нихъ соотвѣтствовалъ предложенію—таково требованіе экономической справедливости, покоющееся, опять таки, на идеѣ равноцѣнности человѣческой личности, на признаніи за всѣми равнаго права участвовать въ потребленіи.

IV.

Марксизмъ принципіально отрицаетъ пользу и значеніе подробныхъ плановъ будущаго устройства, усматривая въ этомъ утопизмъ. Поэтому, неудивительно, что ничего выдающагося въ этой области марксизмъ не создалъ. Несомнѣнно лишь одно, что хотя марксисты и отрицаютъ, чтобы общество будущаго могло называться государствомъ—такъ какъ современное классовое государство есть организація классового господства, а именно, господства имущихъ классовъ надъ неимущими, между тѣмъ какъ въ соціалистическомъ обществѣ не будетъ классовъ, классовыхъ противорѣчій и классоваго господства, почему оно и не будетъ въ современномъ смыслѣ государствомъ—соціалистическая организація общественнаго хозяйства будущаго должна имѣть, по представленію марксистовъ, централистическій характеръ. Правда, не все общественное производство будетъ управляться изъ одного общественнаго центра. Производства, служащія чисто мѣстнымъ потребностямъ, могутъ перейти въ вѣдѣніе мѣстныхъ, общинныхъ учрежденій. „Но главная группа средствъ производства должна перейти въ собственность государства, точно также какъ только современное государство можетъ явиться рамкой для соціалистическаго общества, а также создать тѣ условія, въ которыхъ общинныя или товарищескія предпріятія могутъ стать звеньями соціалистическаго производства“ (Каутскій).

Соціалистическое общество будущаго рисуется марксистамъ, какъ громадная ассоціація, болѣе или менѣе совпадающая съ современнымъ государствомъ. Ассоціація эта будетъ находиться въ извѣстной экономической связи съ другими подобными же ассоціаціями, такъ какъ ни одно современное государство не можетъ обойтись безъ ввоза иностранныхъ продуктовъ. Отношенія между подобными независимыми соціалистическими государствами не могутъ быть регулируемы какой-либо высшей власть ю и каждое государство

будетъ по отношенію къ другому какъ бы независимымъ предпринимателемъ. На основаніи свободнаго соглашенія другъ съ другомъ отдѣльныя соціалистическія государства будутъ балансировать, уравновѣшивать свой ввозъ и вывозъ, расплачиваться продуктами по своимъ взаимнымъ обязательствамъ. Такимъ образомъ, если внутри государства народное хозяйство и будетъ подчинено стройному, сознательно выработанному плану, то міровое хозяйство въ своемъ цѣломъ будетъ лишено какого бы то ни было плана. Съ соціалистической точки зрѣнія, стремящейся подчинить сознательной волѣ человѣка всю общественную организацію въ совокупности, непланомѣрность мірового хозяйства является очевиднымъ несовершенствомъ, слабостью системы, и потому Каутскому рисуется въ будущемъ сліяніе всѣхъ отдѣльныхъ соціалистическихъ ассоціацій въ одну колоссальную ассоціацію, охватывающую собой весь міръ. Только тогда соціалистическое преобразованіе современнаго хозяйства достигнетъ своего естественнаго завершенія.

Господствующей формой производства въ предѣлахъ соціалистическаго общества естественно будетъ крупное производство въ силу своихъ техническихъ выгодъ сравнительно съ мелкимъ производствомъ. Но это не значитъ, что мелкое, индивидуальное производство совершенно исчезнетъ; напротивъ, въ нѣкоторыхъ родахъ труда оно навсегда сохранится, какъ, напр., въ области художественной промышленности, а также, быть можетъ, и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ современнаго ремесла и сельскаго хозяйства. Но, конечно, мелкій производитель соціалистическаго общества будетъ тѣмъ коренным образомъ отличаться отъ современнаго мелкаго производителя, что онъ не будетъ предпринимателемъ и не будетъ собственникомъ своихъ орудій труда, равно какъ и своего трудового продукта. И то и другое будетъ принадлежать обществу, а мелкій производитель будетъ лишь имѣть такое же право на вознагражденіе отъ общества, какъ и всякій другой производительный рабочій.

Что касается до распредѣленія продуктовъ между членами общества, то въ этомъ отношеніи марксисты склоняются къ принципу равенства оплаты труда, независимо отъ его рода, допуская уклоненія отъ равенства въ пользу болѣе непріятныхъ родовъ труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ марксисты рѣшительно высказываются за признаніе принципа обязательности труда.

Но не слѣдуетъ представлять себѣ соціалистическое государство, какъ какую-то гигантскую деспотію, въ которой воля большинства будетъ желѣзнымъ обручемъ сковывать всю народную жизнь. Централистическая организація общественнаго производства совмѣстима съ самымъ широкимъ развитіемъ мѣстнаго самоуправленія, являющагося необходимымъ условіемъ для правильной работы всего механизма соціалистическаго хозяйства, ибо только при этомъ условіи центральная организація не потеряетъ связи съ конкретными условіями жизни. Вообще же власть въ соціалистическомъ обществѣ утратитъ все то, въ силу чего она въ настоящее время всегда представляется опасной для народной свободы. Разъ представители власти не будутъ пользоваться никакими преимуществами сравнительно съ другими гражданами, и будутъ находиться подъ постояннымъ контролемъ свободнаго народа, то нѣтъ никакого основанія опасаться, что власть явится приманкой честолюбія и послужитъ къ угнетенію личности. При отсутствіи внутри соціалистическаго общества клас-

совъ и классовыхъ противорѣчій всякіе поводы къ столкновенію хозяйственныхъ интересовъ различныхъ группъ населенія сократятся до послѣдней степени и изчезнетъ поводъ для всякаго притѣсненія и насилія съ чьей бы то ни было стороны. Люди власти станутъ не повелителями, а исполнителями воли, слугами народа.

V.

Но, въ общемъ, марксизмъ, какъ я уже сказалъ, не создалъ никакого опредѣленнаго плана будущаго общественнаго устройства. А такъ какъ такіе планы, какъ я опять таки указывалъ, необходимы для соціализма, то неудивительно, что они продолжаютъ возникать помимо марксизма. Именно въ новѣйшее время наблюдается расцвѣтъ такъ назыв., „утопій“, обычная форма которыхъ, унаслѣдованная ими еще отъ ихъ общаго предка—„Утопіи“ Мора—разсказъ въ беллетристической или полубеллетристической формѣ. Наибольшій и вполнѣ заслуженный успѣхъ имѣла за послѣднія десятилѣтія утопія американца Беллами, которая больше содѣйствовала пропагандѣ въ широкихъ народныхъ массахъ идей соціализма, чѣмъ какая-либо другая книга за послѣднія 30 лѣтъ.

Книга Беллами „Взглядъ назадъ“ (1888 г.) интересна въ томъ отношеніи, что она даетъ въ наглядной и ясной, весьма разработанной формѣ практичный планъ соціалистическаго государства. Въ основу этаго плана положены обычные принципы коллективизма Всѣ хозяйственныя работы исполняются у Беллами промышленной арміей, въ которой участвуетъ все, способное къ труду и не избавленное отъ этого участія по особымъ причинамъ, населеніе страны въ возрастѣ 21—45 лѣтъ. По окончаніи обязательнаго 24-лѣтняго труда каждый гражданинъ получаетъ полную свободу дѣлать, что ему вздумается или даже ничего не дѣлать. Національное производство организовано строго централистически—центральная власть регулируетъ все національное производство въ соотвѣтствіи съ національнымъ спросомъ. До 21 года граждане, какъ сказано, не приступаютъ къ хозяйственному труду и получаютъ образованіе. Выборъ занятій Беллами стремится сдѣлать, по возможности, болѣе свободнымъ. Общественныя власти обставляютъ занятія каждаго рода такими условіями, чтобы предложеніе труда въ каждомъ отдѣльномъ занятіи соотвѣтствовало спросу на этотъ трудъ. Это достигается, прежде всего, неодинаковой продолжительностью рабочаго времени въ различныхъ профессіяхъ. Чѣмъ менѣе привлекателенъ трудъ извѣстнаго рода, чѣмъ болѣе онъ утомителенъ, тягостенъ, опасенъ или непріятенъ, тѣмъ короче и его продолжительность. Если число желающихъ заниматься извѣстнымъ трудомъ превышаетъ возможность найти для нихъ занятіе, помѣстить ихъ въ этой отрасли труда, то удлиненіе въ ней рабочаго времени дѣлаетъ соотвѣтствующій трудъ менѣе привлекательнымъ, благодаря чему предложеніе труда падаетъ и оно приходитъ въ соотвѣтствіе со спросомъ. Недостатокъ предложенія труда извѣстнаго рода вызываетъ мѣры обратнаго рода: число рабочихъ часовъ сокращается или принимаются какія-либо иныя мѣры для увеличенія привлекательности труда и предложеніе труда возрастаетъ.

Такимъ простымъ способомъ возможно пропорціональное размѣщеніе рабочихъ по всѣмъ отраслямъ національнаго труда безъ

всякаго насилія надъ свободой выбора занятій. Въ основу полагается принципъ, что всѣ люди, каковы бы ни были ихъ способности или вкусы, равноправны и потому общественный трудъ во всѣхъ его отрасляхъ и подраздѣленіяхъ долженъ быть одинаково привлекателенъ для занятыхъ имъ людей.

Но, конечно, эта свобода выбора занятій не относится къ іерархической организаціи общественнаго труда. Въ промышленной арміи должны быть свои офицеры и генералы, болѣе опытные и способные рабочіе, руководящіе хозяйственнымъ процессомъ. Эти руководители должны обладать достаточной властью надъ своими подчиненными, такъ какъ лишь при этомъ условіи хозяйственная организація можетъ работать правильно и успѣшно.

На принципѣ равноправности всѣхъ членовъ общества покоится у Беллами и система оплаты труда. Вознагражденіе труда во всѣхъ отрасляхъ должно быть одинаково; мало того, даже лица, не способныя къ труду или закончившія свой обязательный 24-лѣтній трудъ, получаютъ совершенно такое же содержаніе, какъ и производительные рабочіе. „Право каждаго человѣка требовать свою долю въ національномъ продуктѣ — говоритъ Беллами — основывается на его человѣческой природѣ. Оно непосредственно вытекаетъ изъ того факта, что передъ нами человѣкъ".

Каждому взрослому мужчинѣ или женщинѣ открывается кредитъ на одинаковую сумму и выдается соотвѣтствующая именная кредитная книжка. Въ этой книжкѣ обозначено, на какую сумму въ долларахъ открытъ кредитъ. При пріобрѣтеніи изъ государственныхъ магазиновъ предметовъ потребленія, съ открытаго по данной книжкѣ кредита списывается цѣна пріобрѣтеннаго предмета, обозначаемая также въ долларахъ. Обозначеніе всѣхъ цѣнъ въ прежнихъ денежныхъ единицахъ имѣетъ въ данномъ случаѣ вполнѣ символическое значеніе, такъ какъ реально доллара, какъ особаго предмета опредѣленной цѣнности, не существуетъ и денежная единица является лишь идеальной единицей счета, масштаба цѣнъ.

Такимъ образомъ, несмотря на равенство доходовъ, свобода выбора предметовъ потребленія нисколько не стѣснена. Каждый выбираетъ себѣ по вкусу любые предметы потребленія, лишь бы ихъ общая цѣна соотвѣтствовала общей суммѣ открытаго ему кредита. Дома и строенія принадлежатъ государству, и за пользованіе ими полагается опредѣленная плата, притомъ весьма различная въ зависимости отъ качества квартиры. Такимъ образомъ, ничего похожаго на внѣшнее однообразіе жизни въ государствѣ Беллами не существуетъ.

Международный обмѣнъ регулируется приблизительно такъ же, какъ и въ государствѣ Пекера. Таковы же и принципы установленія цѣнъ: цѣны устанавливаются въ соотвѣтствіи съ трудовой стоимостью производства, но отъ трудовой стоимости дѣлаются отступленія, въ случаѣ нарушенія равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ. Потому цѣны рѣдкихъ предметовъ устанавливаются на основѣ равенства спроса и предложенія.

Какъ и Пекеръ, Беллами допускаетъ свободу распоряженія каждаго своимъ индивидуальнымъ имуществомъ (кромѣ его перепродажи): каждый воленъ отдавать другому принадлежащія ему вещи и оставлять ихъ по завѣщаніямъ кому угодно. Беллами весьма основательно не опасается, что такимъ образомъ возникнетъ сколько-

нибудь значительное экономическое неравенство, такъ какъ скопленіе въ рукахъ однихъ нѣсколько большаго количества предметовъ украшенія, домашней обстановки и т. п., при невозможности все это продать, а тѣмъ болѣе, обратить въ капиталъ для извлеченія нетрудового дохода, никакой опасности ни для кого не представляетъ А такъ какъ храненіе такихъ вещей требуетъ добавочнаго помѣщенія и вообще добавочной заботы и расходовъ, то не будетъ и особаго побудительнаго мотива, какъ дарить и завѣщать эти вещи, такъ и принимать ихъ.

Весьма интересно, какимъ образомъ Беллами разрѣшаетъ важную задачу обезпеченія свободы умственнаго труда. Печатаніе книгъ, какъ и вообще все производство, лежитъ на обязанности государства. Но государственныя типографіи открыты для каждаго, согласнаго принять на себя расходы по изданію книги. Изданная такимъ образомъ книга, цѣна которой опредѣляется стоимостью ея изданія, къ которой прибавляется авторскій гонораръ, по усмотрѣнію автора, пускается въ продажу въ государственныхъ магазинахъ. Гонораръ, вырученный авторомъ, освобождаетъ его на соотвѣтствующее время отъ участія въ обязательномъ трудѣ Такимъ образомъ, писатель можетъ, какъ и теперь, жить исключительно доходомъ со своихъ книгъ; для этого нужно только, чтобы книги его находили сбытъ. Но, въ отличіе отъ нашего времени, доходъ писателя не можетъ превысить общей нормы, равной для всѣхъ: получаемый имъ доходъ служитъ лишь для освобожденія его отъ обязательнаго труда. но не для поднятія нормы его дохода.

Періодическое изданіе осуществляется, какъ и теперь, путемъ подписокъ лицъ, желающихъ его получать. Подписчики уплачиваютъ государству стоимость изданія, а также гонораръ редакторамъ и сотрудникамъ путемъ соотвѣтствующаго освобожденія ихъ отъ обязательнаго труда. Такой же способъ оплаты примѣняется и въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ умственнаго труда.

Книга Беллами не прибавляетъ ничего принципіально новаго къ другимъ планамъ соціалистическаго государства, хотя бы Пекера. Но въ деталяхъ она нѣчто новое даетъ и удачно разрѣшаетъ нѣкоторыя второстепенныя трудности соціалистическаго устройства общества. Написанная очень легко и живо, она должна была произвести огромное впечатлѣніе на умы и, дѣйствительно, его произвела. Въ первые годы послѣ своего появленія соціалистическій романъ Беллами взволновалъ собой буквально весь цивилизованный міръ. Вотъ, напр., какъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное романомъ Беллами, враждебный соціализму авторъ „Schlaraffia politica“.

„Два, три года тому назадъ—пишетъ онъ въ 1892 г.—можно было позволить себѣ вопросъ: „читали ли вы Беллами?“ Но скоро уже стало странно объ этомъ спрашивать, такъ какъ повсюду ни о чемъ другомъ не говорили. Въ каждомъ вагонѣ можно было увидѣть кого-нибудь, вынимавшаго изъ кармана рекламовское изданіе Беллами, студенты читали ту же книгу въ аудиторіяхъ, вмѣсто того, чтобы слушать лекціи, и даже бравый крестьянинъ изучалъ эту своеобразную государственную науку. Можно было видѣть массы крестьянъ, собиравшихся на доклады одного господина, переѣзжавшаго изъ города въ городъ, и читавшаго противъ Беллами, и намъ самимъ пришлось слышать при этомъ случаѣ замѣчаніе одного крестьянина: „что бы онъ не говорилъ, а Беллами все-таки правъ!“

Смѣю думать, что книжка Беллами сослужила хорошую службу дѣлу соціализма, и что его утопія, ничего утопическаго въ обычномъ смыслѣ этого слова въ себѣ не заключающая, не мало содѣйствовала разсѣянію предубѣжденій противъ соціализма и росту соціалистическаго движенія во всемъ мірѣ.

ГЛАВА IV.

Государственный коммунизмъ.

I. Античные планы государственнаго коммунизма. «Утопія» Мора.—II. «Икарія» Кабэ. Порабощеніе творческой дѣятельности.

I.

Всѣ изложенные планы устройства будущаго общества нужно отнести къ соціализму въ узкомъ смыслѣ слова: всѣ они отнюдь не предполагаютъ однообразія потребленія и допускаютъ полную свободу выбора предметовъ потребленія и распоряженія ими въ предѣлахъ, опредѣляемыхъ доходомъ каждаго. Напротивъ, для коммунизма характерно полное устраненіе категоріи дохода, какъ опредѣленной цѣнности, которую человѣкъ располагаетъ для своихъ потребительныхъ нуждъ. Коммунизмъ требуетъ, въ идеалѣ, полной свободы личнаго потребленія, безъ всякаго ограниченія: каждый черпаетъ изъ общаго фонда національнаго потребленія въ мѣру своихъ потребностей. Но такъ какъ нѣчто подобное въ ближайшемъ будущемъ совершенно неосуществимо, то на практикѣ коммунизмъ довольствуется требованіемъ полнаго равенства и единообразія потребленія для всѣхъ членовъ общества (примѣнительно, разумѣется, къ полу, возрасту, состоянію здоровья и другимъ естественнымъ различіямъ людей).

Планы коммунистическаго государства исторически значительно предшествуютъ планамъ соціализма въ узкомъ словѣ. Это и понятно, такъ какъ соціализмъ является гораздо болѣе сложной хозяйственной системой, чѣмъ коммунизмъ.

Поэтому соціалистическія построенія появляются лишь въ XIX вѣкѣ, между тѣмъ какъ съ коммунистическихъ построеній начинается исторія соціалистической мысли. Уже Платонъ далъ намъ въ своемъ „государствѣ разума“ картину коммунистическаго государства, хотя лишь наполовину (по отношенію къ хозяйственной жизни философовъ).

Въ болѣе позднее время различные эллинскіе писатели изображали въ болѣе разработанномъ видѣ коммунистическое государство. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о двухъ эллинскихъ авторахъ—Эвгемерѣ съ его „Священной хроникой“ и Ямбуллѣ съ его „Государствомъ солнца“, на которыхъ обратилъ вниманіе Пёльманъ въ своей извѣстной „Исторіи античнаго соціализма и коммунизма“. Коммунистическія построенія этихъ авторовъ интересны и въ томъ отношеніи, что они являются образчиками индивидуалистическаго коммунизма, коммунизма, не подавляющаго личность ради общества, а, наоборотъ, стремящагося подчинить общественный строй интересамъ личности.

Въ этомъ отношеніи Эвгемеръ и Ямбуллъ рѣзко расходятся съ Платономъ и сближаются съ современнымъ соціализмомъ, имѣющимъ рѣзко индивидуалистическій характеръ.

Знаменитая „Утопія“ Томаса Мора даетъ намъ разработанный до мельчайшихъ деталей планъ коммунистическаго государства. Въ „Утопіи“ чувствуется иногда вліяніе Платона, но, въ общемъ, Томасъ Моръ проникнутъ индивидуалистическимъ міровоззрѣніемъ нашего времени, и его коммунизмъ служитъ интересамъ большинства.

II.

Въ XIX вѣкѣ коммунистическіе планы государственнаго устройства отходятъ на задній планъ передъ коллективнымъ. Почти единственнымъ представителемъ государственнаго коммунизма въ XIX вѣкѣ былъ Этьенъ Кабэ, давшій въ своемъ романѣ „Путешествіе въ Икарію“ картину коммунистическаго государства.

Икарія—это новое государство, названное такъ въ честь своего основателя, Икара. По мысли своего творца она должна воплощать идеалъ раціональнаго устройства общества. Потому въ ней ничего нѣтъ случайнаго, безсознательнаго, исторически возникшаго, но все проникнуто сознательной волей человѣка. Всякая наличная черта этого государства имѣетъ за себя какое нибудь логическое основаніе.

Такой характеръ имѣетъ прежде всего, внѣшнее территоріальное дѣленіе страны. Въ современныхъ государствахъ города, провинціи, деревни складывались и выростали въ стихійномъ процессѣ историческаго развитія, случайно и неправильно. Икарія не такова. Она раздѣлена на 100 провинцій—не больше и не меньше. Каждая провинція занимаетъ одинаковую территорію и имѣетъ одинаковое населеніе. Каждая провинція состоитъ изъ 10 опять таки равныхъ коммунъ, въ центрѣ каждой провинціи помѣщается провинціальный городъ, а въ центрѣ каждой коммуны — коммунальный городъ. На территоріи каждой коммуны равномѣрно разсыпаны деревни и фермы жителей.

Въ центрѣ государства помѣщается его главный городъ, Икара. Тутъ чудеса правильности и симметріи достигаютъ своего высшаго предѣла. Даже рѣка, которая протекаетъ черезъ этотъ городъ, вытянута искусственными сооруженіями въ почти правильную геометрическую прямую линію.

Закономъ общественнаго устройства Икаріи является принципъ самого строгаго равенства всѣхъ. Общество принимаетъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы въ корнѣ убить самые зачатки неравенства. Всѣ жители получаютъ нужные имъ предметы потребленія отъ государства, которое отводитъ каждой семьѣ одинаковые дома съ одинаковой меблировкой, даетъ одежду одинаковаго покроя и въ одинаковомъ количествѣ, одинаково кормитъ всѣхъ въ общественныхъ ресторанахъ и т. д. и т. д. Если какого-либо предмета потребленія не хватаетъ для всѣхъ, то, чтобы не нарушать принципа равенства, государство не даетъ его никому, совершенно его не производитъ.

Законъ устанавливаетъ всѣ подробности личнаго потребленія. Такъ, напримѣръ, особый комитетъ вырабатываетъ форму одежды, покрой ея, цвѣтъ и пр., и эта форма обязательна для всѣхъ.

Но, во вниманіе къ слабости человѣческой, Кабэ допускаетъ различіе въ цвѣтѣ одежды. блондинки могутъ получать одежду голубого цвѣта, а брюнетки—краснаго.

Существуетъ и другое раздѣленіе формы одежды: одежда въ Икаріи служитъ не только для защиты отъ холода и украшенія человѣка, но и преслѣдуетъ другія, болѣе существенныя цѣли. „Особенности одежды—восклицаетъ восторженный поклонникъ икарійскихъ порядковъ, добродушный Кабэ—должны указывать на всѣ обстоятельства жизни человѣка. Дѣтство и юность, годы возмужалости и зрѣлаго возраста, состояніе въ бракѣ или внѣ его, вдовство, профессія или занятіе, все это указывается одеждою Всѣ лица одинаковаго положенія имѣютъ одинаковую форму; но тысячи различныхъ формъ соотвѣтствуютъ тысячамъ различныхъ положеній человѣка".

Итакъ, въ Икаріи нельзя будетъ скрывать, своего возраста, нельзя будетъ никого вводить въ обманъ и прикидываться не женатымъ: достаточно будетъ одного взгляда на икарійца, чтобы безошибочно опредѣлить, съ кѣмъ имѣешь дѣло.

Заботы Кабэ о доброй нравственности его гражданъ и гражданокъ простираются до того, что онъ строго регламентируетъ, въ какомъ возрастѣ женщины получаютъ право носить цвѣты, перья на шляпахъ, драгоцѣнности, яркія платья и когда онѣ должны переходить къ болѣе скромнымъ одеждамъ. Все должно быть разумно въ Икаріи и содѣйствовать общему благополучію.

Для Кабэ возникаетъ одна трудность—какъ быть съ, къ сожалѣнію, не вполнѣ устранимымъ разнообразіемъ физическаго сложенія людей? Вѣдь Икарія не знаетъ работы на заказъ, примѣнительно къ физическимъ особенностямъ и вкусамъ заказчиковъ. Вся одежда выдѣлывается въ ней на огромныхъ фабрикахъ и распредѣляется въ готовомъ видѣ между жителями. Однако, люди не всѣ одинаково сложены. Но и съ этой трудностью справляется авторъ „Икаріи". Одежда будетъ приготовляться изъ эластичныхъ тканей, „такъ что будетъ годиться людямъ различнаго роста и сложенія".

Таково будетъ это царство скуки, скуки и коммунизма, кажущееся его творцу идеаломъ совершенства. Свободы печати въ немъ, конечно, не будетъ, такъ какъ нельзя же позволить каждому печатать на общественный счетъ все, что ему вздумается. По этому деликатному вопросу Кабэ заставляетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ вести слѣдующій діалогъ.

„Республика—сказалъ Евгеній—печатаетъ заранѣе одобренныя работы, чтобы затѣмъ раздавать ихъ даромъ, какъ и все остальное, частью однимъ ученымъ, частью всѣмъ семьямъ, такъ что библіотека каждаго гражданина состоитъ только изъ самыхъ лучшихъ книгъ".

— „Превосходно!" замѣтилъ Вальморъ.

— „И республика—прибавилъ я—исправила и передѣлала всѣ старыя книги, которыя были плохи, напр., національную исторію, и сожгла всѣ старыя книги, которыя были признаны вредными или безполезными".

— „Сожгла!" воскликнулъ Евгеній — васъ можно было бы обвинить, что вы желаете подражать Омару, сжегшему александрійскую библіотеку!"

— „Но на это я отвѣчу—сказалъ Вальморъ—что мы дѣлаемъ въ пользу человѣчества то же, что тираны дѣлали противъ него; мы сожгли вредныя книги, между тѣмъ, какъ фанатики сжигали безвредныхъ еретиковъ. Однако, мы сохранили въ нашихъ большихъ національныхъ библіотекахъ по нѣсколько экземпляровъ старыхъ книгъ, чтобы люди не забывали о невѣжествѣ и безуміи прежняго времени и о прогрессѣ настоящаго".

— „Счастливая Икарія, воскликнулъ Евгеній, воодушевленіе котораго постепенно возрастало, счастливая Икарія, что она идетъ такъ быстро по пути прогресса! Какъ она счастлива, что въ ней нѣтъ ничего дурного, даже почти ничего посредственнаго, а во всемъ достигнуто почти полное совершенство!"

Образчикомъ этого почти полнаго совершенства можетъ служить икарійская пресса. Икарійцы презираютъ лживую и испорченную прессу нашего времени. Взамѣнъ этого, они установили слѣдующій порядокъ. Въ каждой коммунѣ разрѣшается изданіе только одной коммунальной газеты, въ каждой провинціи — одной провинціальной газеты, и во всемъ государствѣ одной національной газеты. Редакторомъ каждой такой газеты намѣчается особо выбранное народомъ и пользующееся довѣріемъ лицо. Но и этого мало—и это лицо могло бы оказаться не на высотѣ положенія и вносить свои индивидуальные вкусы и мнѣнія въ оцѣнку текущихъ событій. Поэтому, „чтобы вырвать зло съ корнемъ—говоритъ икарієцъ Вальморъ—мы рѣшили, чтобы газеты имѣли характеръ простыхъ протоколовъ и были бы простымъ изложеніемъ фактовъ, безъ всякаго обсужденія послѣднихъ со стороны журналиста".

Въ полной гармоніи со всѣмъ строемъ Икаріи находится и то, что выборъ занятій въ этомъ совершенномъ государствѣ всего меньше можетъ считаться свободнымъ: „ребенокъ земледѣльца — говоритъ Кабэ—свободенъ выбрать другое занятіе, если какая-либо семья въ городѣ соглашается его взять, какъ дитя изъ городской семьи можетъ стать земледѣльцемъ, если какой-либо фермеръ соглашается принять его къ себѣ; но какъ общее правило, дѣти земледѣльцевъ предпочитаютъ быть земледѣльцами, какъ и ихъ отцы".

Итакъ, наслѣдственность занятій—нѣчто вродѣ кастъ!

„Икарія" Кабэ воплощаетъ въ себѣ именно то „грядущее рабство", о которомъ говорятъ враги соціализма. Вообще государственный коммунизмъ икарійскаго типа является для того, кто считаетъ свободу развитія человѣческой личности верховнымъ благомъ, совершенно непріемлемой формой общежитія.

ГЛАВА V.

Синдикальный соціализмъ.

Синдикальный соціализмъ Луи Блана Лассаль. Критическая оцѣнка синдикальнаго соціализма.

Самымъ выдающимся представителемъ синдикальнаго соціализма былъ Луи Бланъ. Государственный соціализмъ стремится къ сосредоточенію въ рукахъ организованной центральной общественной власти руководительства всѣмъ общественнымъ процессомъ производства. Напротивъ, синдикальный соціализмъ имѣетъ въ виду передачу общественнаго производства въ руки отдѣльныхъ организованныхъ профессіональныхъ рабочихъ группъ, синдикатовъ рабочихъ.

Луи Бланъ хорошо понималъ важность государства въ дѣлѣ соціалистическаго преобразованія общественнаго хозяйства. Онъ отнюдь не былъ сторонникомъ соціалистическихъ опытовъ въ маломъ размѣрѣ. Но въ то же время, онъ не вѣрилъ и въ возможность для государственной власти непосредственно руководить всѣмъ громаднымъ и чрезвычайно сложнымъ общественнымъ хозяйствомъ. Его задачей было примирить оба противоположныхъ начала—государственное вмѣшательство и свободу частнаго почина. Планъ Луи Блана сводился къ слѣдующему.

Движущимъ рычагомъ соціалистическаго преобразованія общества становится государственная власть. Съ этой цѣлью государство сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всѣ тѣ отрасли хозяйства, которыя, по своему существу, допускаютъ или даже требуютъ централизаціи; сюда относится вся область кредита и страхового дѣла, затѣмъ желѣзныя дороги, горнозаводская промышленность. Кромѣ того, государство сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ оптовую и розничную торговлю. Располагая всѣми этими могущественными хозяйственными средствами, государство пользуется ими для того, чтобы постепенно замѣнять всѣ капиталистическія частно-хозяйственныя предпріятія трудовыми ассоціаціями, артелями рабочихъ, оказывая поддержку свободно возникающимъ ассоціаціямъ такого рода.

Но, конечно, государство будетъ оказывать помощь не всякимъ ассоціаціямъ рабочихъ, а лишь такимъ, которыя удовлетворяютъ извѣстнымъ требованіямъ. Ассоціаціи, пользующіяся помощью государства, должны имѣть, прежде всего, чисто трудовой характеръ — онѣ должны состоять только изъ рабочихъ, пользующихся совершенно равными правами, наемный трудъ въ нихъ никоимъ образомъ не можетъ быть допущенъ, руководительство ими должно принадлежать всецѣло рабочимъ, которые для этого должны свободно избирать изъ своей среды соотвѣтствующихъ лицъ. Только первый годъ послѣ возникновенія ассоціаціи, когда рабочіе еще мало ознакомились между собой, должностныя лица ассоціаціи могли бы на-

значаться государственною властью. Вознагражденіе труда въ предѣлахъ каждой такой ассоціаціи въ ближайшемъ будущемъ должно было бы быть равнымъ, хотя такое равенство оплаты труда Луи Бланъ признаетъ лишь временной необходимостью, несоотвѣтствующей справедливости. Полная справедливость требовала бы, чтобы каждый рабочій работалъ по мѣрѣ силъ и получалъ по мѣрѣ своихъ потребностей.

Производительныя ассоціаціи такого типа, пользующіяся поддержкою государства, въ весьма скоромъ времени вытѣснятъ, по мнѣнію Луи Блана, частно-хозяйственныя предпріятія и такимъ образомъ все національное производство, не входящее въ область государственнаго хозяйства, сосредоточится въ ихъ рукахъ. Когда это будетъ достигнуто, можно будетъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ въ дѣлѣ организаціи національнаго производства. За объединеніемъ рабочихъ въ ассоціаціи должно послѣдовать объединеніе между собой отдѣльныхъ ассоціацій, изготовляющихъ тѣ же продукты. Въ концѣ концовъ, всѣ ассоціаціи того же рода должны слиться въ одно организованное цѣлое и управляться изъ одного общаго центра. Конкуренція внутри каждой отрасли труда тогда совершенно исчезнетъ и національное производство распадется на отдѣльныя отрасли труда, объединенныя внутри, но свободныя въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Однако, этимъ еще не заканчивается организація національнаго производства. Пользуясь отчисленіями въ свою пользу изъ доходовъ отдѣльныхъ профессіональныхъ организацій, государство должно организовать извѣстную взаимопомощь всѣхъ отраслей національнаго труда. Для этого государство должно оказывать поддержку изъ общаго національнаго фонда тѣмъ отраслямъ труда, которыя, благодаря какимъ-либо непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, пришли бы въ разстройство и нуждались бы во внѣшней помощи.

Планъ Луи Блана былъ заимствованъ знаменитымъ организаторомъ нѣмецкой рабочей партіи Лассалемъ, который противопоставилъ этотъ планъ устройства производительныхъ ассоціацій, при поддержкѣ и на средства государства, организаціямъ рабочихъ на основѣ самопомощи, безъ всякой поддержки государства, за что энергично ратовалъ въ 60-хъ годахъ въ Германіи Шульце-Деличъ Такимъ образомъ возникъ извѣстный споръ Лассаля съ Шульце-Деличемъ. Свои практическія предложенія Лассаль резюмировалъ слѣдующимъ образомъ: „свободная ассоціація рабочихъ, но свободная ассоціація, опирающаяся на поддерживающую руку государства— вотъ единственный открытый рабочему народу выходъ изъ пустыни“.

Для постепеннаго осуществленія этого плана Лассаль требовалъ ассигновки изъ государственной казны 100 мил. талеровъ (около 150 мил. р.).

Такимъ образомъ, синдикальному соціализму рисуется въ будущемъ слѣдующая организація общественнаго хозяйства. Каждая отрасль производства находится въ рукахъ организованныхъ рабочихъ, почти безконтрольно распоряжающихся принадлежащими имъ средствами производства. Земледѣльцамъ принадлежитъ земля, рабочимъ ткацкихъ фабрикъ—ткацкія фабрики, бумагопрядиленъ—бумагопрядильни и т. д. Изготовленные продукты поступаютъ въ обмѣнъ, продаются и покупаются. Каждая организованная отрасль труда является на рынкѣ самостоятельнымъ предпріятіемъ и рас-

предѣляетъ между своими членами всю свою чистую выручку, за вычетомъ доли, слѣдуемой государству.

Каковы бы ни были выгоды такой организаціи общественнаго хозяйства, легко видѣть, что она не обезпечиваетъ экономической равноправности всѣхъ членовъ общества. При господствѣ синдикальнаго соціализма средства производства принадлежали бы не всему обществу, не всему народу, а лишь отдѣльнымъ группамъ его Рабочіе въ тѣхъ отрасляхъ труда, которыя оказались бы въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, могли бы пользоваться выгодами своего экономическаго положенія въ ущербъ интересамъ остальной части общества и, такимъ образомъ, эксплоатировать ее

Борьба противоположныхъ экономическихъ интересовъ, при такой организаціи общественнаго хозяйства, не уничтожается, а лишь переносится изъ области частныхъ хозяйствъ въ область организованныхъ общественныхъ группъ, и отъ этого она можетъ стать даже болѣе ожесточенной

Синдикальный соціализмъ оставляетъ національное производство въ цѣломъ неорганизованнымъ и неплановѣрнымъ. Каждая группа рабочихъ самостоятельно руководитъ производствомъ, не справляясь съ нуждами и желаніями другихъ группъ. Въ этомъ отношеніи организованныя группы профессіональныхъ рабочихъ вполнѣ соотвѣтствовала бы картелямъ капиталистовъ, съ тѣмъ, разумѣется, различіемъ, что онѣ не имѣли бы капиталистическаго характера. Но, какъ картели не въ силахъ предовратить промышленныхъ кризисовъ и помѣшать тому экономическому трепію, которое задерживаетъ ростъ народнаго богатства при господствѣ капитализма, точно также безсильны будутъ организовать общественное хозяйство и производительныя ассоціаціи рабочихъ.

По плану Луи Блана, производительныя ассоціаціи самостоятельно руководятъ производствомъ, но если извѣстная отрасль труда приходитъ въ разстройство, государство оказываетъ ей поддержку. Такимъ образомъ, производительнымъ ассоціаціямъ предоставлена полная свобода распоряжаться общественными средствами, но онѣ избавлены отъ всякой отвѣтственности за неудовлетворительное веденіе дѣла. Это отнюдь не должно содѣйствовать успѣшности об-

хозяйства.

Такого роіда практическихъ возраженій противъ плановъ синдикальнаго соцализма можно было бы привести сколько угодно. Но въ этомъ нѣтъ нужды, такъ какъ синдикальный соціализмъ долженъ быть рѣшительно отвергнутъ, какъ конечный хозяйственный идеалъ, уже по чисто принципіальнымъ соображеніямъ. Соціалистическій идеалъ не допускаетъ, чтобы права общества, какъ цѣлаго, были ограничиваемы исключительными правами отдѣльныхъ общественныхъ группъ. Средства производства, которыя суть вмѣстѣ съ тѣмъ средства существованія, должны быть нераздѣльной собственностью всего народа, а, слѣдовательно, и распоряженіе ими должно принадлежать народу, а не профессіональной группѣ.

Синдикальный соціализмъ можетъ имѣть крайне важное значеніе, какъ временная мѣра перехода къ болѣе совершеннымъ формамъ соціализма. Въ этомъ отношеніи производительныя ассоціаціи рабочихъ могутъ оказаться незамѣнимой формой хозяйственнаго предпріятія въ переходное время отъ капитализма къ соціализму. Вообще же синдикальный соціализмъ представляетъ извѣстныя опас-

ности, развивая профессіональный эгоизмъ среди рабочаго класса и разбивая его единство. Нѣмецкая соціалдемократія усиленно борется съ узко-профессіональнымъ духомъ рабочихъ союзовъ и противопоставляетъ интересамъ отдѣльныхъ профессіональныхъ группъ рабочихъ интересы всего пролетаріата. И всякій мыслящій соціалистъ долженъ признать, что въ данномъ случаѣ руководителями нѣмецкой соціалдемократіи движетъ истинный соціалистическій идеалъ, правильное пониманіе конечныхъ цѣлей соціализма.

ГЛАВА VI.

Коммунальный коммунизмъ и соціализмъ.

I. Коммунальный и синдикальный соціализмъ.— II. Коммунальный коммунизмъ Оуэна. Вилльямъ Томпсонъ.—III Коммунальный соціализмъ Фурье. Фаланги. Свобода страстей. Аморализмъ. Внутренняя невозможность фурьеристской гармоніи.—IV. Сравненіе коммунизма Оуэна съ соціализмомъ Фурье.

I.

Коммунальный соціализмъ рѣзко отличается, какъ отъ государственнаго, такъ и отъ синдикальнаго соціализма. Государственный соціализмъ требуетъ объединенной организаціи всего народнаго хозяйства въ предѣлахъ государства въ связное, стройное цѣлое, всѣ части котораго должны быть строго согласованы между собой. Государственный соціализмъ совмѣстимъ съ широкой свободой мѣстныхъ хозяйственныхъ организацій, но лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, въ предѣлахъ признанія верховной власти и верховнаго авторитета центральной хозяйственной организаціи.

Напротивъ, коммунальный соціализмъ принципіально отвергаетъ необходимость объединенія отдѣльныхъ соціалистическихъ общинъ въ одно связное цѣлое. Этимъ онъ рѣзко отличается отъ государственнаго соціализма. Въ то же время онъ отличается и отъ синдикальнаго соціализма. Этотъ послѣдній кладетъ въ основу хозяйственнаго дѣленія общества профессію, родъ производительнаго труда. Хозяйственной единицей въ синдикальномъ соціализмѣ является группа рабочихъ, связанныхъ единствомъ профессіи. Напротивъ, коммунальный соціализмъ стремится объединить въ одну хозяйственную организацію представителей различныхъ профессій: хозяйственной ячейкой коммунальнаго соціализма является коммуна, община, включающая въ себя, по возможности, всѣ роды труда и ведущая хозяйство, въ значительной мѣрѣ, на натуральныхъ началахъ — вырабатывающая собственными средствами большую часть разнообразныхъ продуктовъ, служащихъ для потребленія ея членовъ.

Синдикальный соціализмъ близокъ къ государственному въ томъ отношеніи, что онъ покоится на широкомъ общественномъ раздѣленіи труда и предполагаетъ тѣсную связь между всѣми группами профессіональныхъ рабочихъ, такъ какъ каждая отдѣльная группа ихъ не имѣетъ возможности удовлетворять свои потребности безъ помощи другихъ группъ. Напротивъ, коммунальный соціализмъ,

разбивая общество на множество отдѣльныхъ общинъ, находящихся въ весьма слабой связи другъ съ другомъ, образуетъ собой уклонъ уже въ сторону анархизма.

II.

Коммунальный соціализмъ въ широкомъ смыслѣ слова подраздѣляется на коммунальный коммунизмъ и коммунальный соціализмъ.

Самымъ замѣчательнымъ представителемъ коммунальнаго коммунизма былъ Робертъ Оуэнъ, отецъ современнаго кооперативнаго движенія и одинъ изъ самыхъ выдающихся практическихъ соціальныхъ реформаторовъ.

Его конечный соціальный идеалъ рисуется въ слѣдующемъ видѣ.

Существующее раздѣленіе города и деревни, промышленности и земледѣлія, должно исчезнуть. Община будущаго должна соединять земледѣльческій трудъ съ промышленнымъ. Хозяйственныя работы будутъ производиться сообща за счетъ общины, причемъ всѣ выдѣлываемые продукты будутъ принадлежать самой общинѣ. Такимъ образомъ, въ ней не будетъ частной собственности не только на средства производства, но и на предметы потребленія, которые будутъ переходить въ распоряженіе отдѣльнаго лица только во время ихъ потребленія. Что же касается предметовъ, потребляемыхъ не сразу, какъ, напр., жилыя помѣщенія или мебель, то они могутъ принадлежать отдѣльному лицу только на время пользованія ими. Всякій выбираетъ работу въ соотвѣтствіи со своими наклонностями и вкусами и всѣ работаютъ сообща, причемъ община принимаетъ всевозможныя мѣры, чтобы сдѣлать работы какъ можно болѣе привлекательными и пріятными. Работы непріятныя, нездоровыя или слишкомъ тяжелыя должны быть, по возможности, устранены широкимъ примѣненіемъ машинъ.

Съ цѣлью использовать всѣ выгоды не только производства, но и потребленія въ крупныхъ размѣрахъ, члены общины помѣщаются въ центральномъ зданіи общины, представляющемъ собою роскошный дворецъ. Въ этомъ дворцѣ каждая семья занимаетъ свою особую квартиру, но дѣти съ самого ранняго возраста воспитываются сообща, причемъ воспитаніе должно имѣть строго методическій характеръ и преслѣдовать цѣль выработки наиболѣе совершеннаго человѣческаго характера. Именно на разумное воспитаніе, которое должно совершенно преобразовать человѣка и сдѣлать изъ него новое существо, лишенное пороковъ и слабостей нашей эпохи, Оуэнъ и возлагаетъ свои главныя надежды. Во всѣхъ его книгахъ и статьяхъ, посвященныхъ устройству будущаго общества, вопросамъ воспитанія отводится самое видное мѣсто.

Число членовъ такой кооперативной общины можетъ измѣняться въ предѣлахъ отъ 500—3000. Управленіе общиной съ болѣе многочисленнымъ составомъ членовъ было бы уже затруднительнымъ, а община имѣющая менѣе 500 членовъ, была бы недостаточно крупной.

Каждая община должна располагать для своихъ цѣлей извѣстнымъ участкомъ земли, причемъ для начала ей требуется не болѣе 1—2 акровъ на душу (т. е. около $^1/_2$ десятины). Впослѣдствіи же,

когда община повыситъ интенсивность земледѣлія до характера садовой культуры, ей будетъ достаточно 1/2 или даже 1/3 акра на душу.

Общественная организація производства и потребленія дастъ каждой общинѣ такія выгоды, что общины обезпечатъ своимъ членамъ не только достатокъ, но и богатство, которымъ всѣ будутъ пользоваться совершенно въ равной мѣрѣ.

Отдѣльныя общины будутъ независимы другъ отъ друга. Современныя государства исчезнутъ и ихъ мѣсто займутъ общины, которыя будутъ заключать союзы другъ съ другомъ для исполненія работъ, превышающихъ силы отдѣльной общины.

Союзы эти будутъ совершенно свободны и лишены хотя бы въ самой слабой степени принудительнаго характера.

Мало-по-малу—надѣется Оуэнъ—весь земной шаръ покроется кооперативными общинами, долженствующими стать единственной формой человѣческаго общежитія. Міръ приметъ совершенно иной видъ. Не будетъ современныхъ городовъ и громадныхъ скопленій населенія въ немногихъ пунктахъ; вездѣ будутъ равномѣрно разсѣяны дворцы кооперативныхъ общинъ, съ ихъ садами и цвѣтущими полями.

Между отдѣльными общинами будетъ поддерживаться самое живое общеніе, каждый членъ такой общины будетъ имѣть право перейти въ другую, если въ этой послѣдней находится для него мѣсто. Такимъ образомъ, всѣ общины будутъ чувствовать себя внутренно связанными и каждая, въ то же время, будетъ своимъ единственнымъ и верховнымъ господиномъ.

Организація производства и управленія внутри каждой общины будетъ имѣть слѣдующій характеръ. Все населеніе будетъ дѣлиться по возрастнымъ группамъ. Съ двѣнадцати лѣтъ дѣти будутъ обучаемы хозяйственнымъ работамъ; въ двадцать лѣтъ теоретическое обученіе будетъ заканчиваться.

Хозяйственный трудъ будетъ лежать, главнымъ образомъ, на молодыхъ людяхъ обоего пола въ возрастѣ 20—25 лѣтъ. Въ возрастѣ 25—30 лѣтъ люди будутъ только 2 часа въ сутки отдавать хозяйственному труду, а затѣмъ совсѣмъ освобождаться отъ него.

Управленіе всѣми внутренними дѣлами общины будетъ лежать на всѣхъ членахъ ея въ возрастѣ 30—40 лѣтъ, а управленіе внѣшними дѣлами—на болѣе старшихъ членахъ, въ возрастѣ 40—60 лѣтъ. Эту своеобразную систему управленія, основанную на возрастныхъ группахъ населенія, Оуэнъ предлагаетъ потому, что онъ рѣшительно отвергаетъ систему какихъ бы то ни было выборовъ, ибо „выборы развращаютъ, какъ избирателей, такъ и избираемыхъ и причиняютъ неисчислимое зло обществу. Самыя худшія страсти и всевозможные виды обмана порождаются столкновеніями интересовъ при выборахъ“. Взамѣнъ системы выборовъ Оуэнъ стремится организовать общественное управленіе путемъ привлеченія къ нему всего взрослаго населенія (съ подраздѣленіемъ по возрастнымъ группамъ).

Такимъ образомъ, исчезаетъ надобность въ какомъ бы то ни было особо избираемомъ правительствѣ и люди становятся равны другъ другу не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Всякая власть одного человѣка надъ другимъ дѣлается излишней и ненужной. Каждый знаетъ, что, достигши извѣстнаго возраста, онъ приметъ такое же участіе въ управленіи дѣлами своей общины, какъ и всѣ остальные ея члены.

Горячимъ защитникомъ плановъ Оуэна былъ его замѣчательнѣйшій ученикъ, Вилльямъ Томпсонъ, который, какъ теоретикъ, стоялъ значительно выше своего учителя. Весьма любопытно, какія измѣненія онъ ввелъ въ планъ Оуэна. Отъ Томпсона не ускользнуло, что полное равенство, господствующее внутри общины, еще не обезпечиваетъ равенства между членами отдѣльныхъ общинъ. Напротивъ, совершенно неизбѣжно, что однѣ общины будутъ находиться въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ другія, хотя бы уже по естественнымъ различіямъ ихъ мѣстонахожденія. Томпсонъ былъ такимъ же сторонникомъ строгаго равенства, какъ и его учитель. И вотъ онъ оказался вынужденнымъ, для возстановленія равенства, возстановить и упраздненное Оуэномъ государство: онъ предложилъ, чтобы государство облагало общины особымъ налогомъ, пропорціально различіямъ плодородія и другимъ естественнымъ преимуществамъ земель, находящихся въ распоряженіи каждой общины. Такимъ образомъ, естественныя неравенства будутъ нейтрализованы спеціальнымъ налогомъ, который пойдетъ, въ свою очередь, на общія нужды всѣхъ общинъ государства, на поддержаніе и развитіе всѣхъ тѣхъ хозяйственныхъ предпріятій, которыя по своимъ размѣрамъ не могутъ быть уложены въ рамки одной общины.

Итакъ, путемъ развитія того самого принципа равенства, изъ котораго исходитъ и Оуэнъ, Томпсонъ пришелъ къ признанію необходимости центральной общественно-экономической организаціи, стоящей внѣ общины,—пришелъ, иными словами, къ отрицанію коммунальнаго соціализма въ его чистомъ видѣ: результатъ весьма знаменательный, показывающій внутреннее противорѣчіе коммунальнаго соціализма съ началомъ равенства, иначе говоря съ основной идеей соціализма.

III.

Создателемъ куммунальнаго соціализма (въ противность коммунальному коммунизму, былъ Фурье. Для Фурье, какъ и для Оуэна, соціальный вопросъ есть вопросъ о наилучшей организаціи коммуны.

Коммуна и въ современномъ обществѣ является самымъ важнымъ соціальнымъ элементомъ; но она не организована, и потому общественное хозяйство идетъ такъ плохо. Коммуны — это камни, изъ которыхъ строится общественное зданіе. Если камни не отесаны, не пригнаны другъ къ другу, то для ихъ скрѣпленія нужно много цемента; напротивъ, для хорошо отесанныхъ камней не требуется большого количества скрѣпляющаго матеріала — они держатся собственною тяжестью. При дурномъ устройствѣ или полномъ неустройствѣ коммуны требуется много чиновниковъ, сильная правительственная власть, сложная администрація для того, чтобы общественная машина могла работать; при хорошемъ устройствѣ коммуны правительству останется мало дѣла. Не правительство, а коммуна создаетъ богатство—вотъ почему и главное вниманіе соціальныхъ реформаторовъ должно быть обращено на коммуну. Отсюда ясна безсодержательность политическихъ революцій, направленныхъ къ преобразованію формы правленія и оставлявшихъ незатронутымъ самый важный соціальный элементъ—коммуну.

Важнѣйшей задачей всякой общественной организаціи является созданіе богатства, матеріальной основы прогресса. Если мы обра-

тимъ вниманіе на организацію хозяйства въ современномъ обществѣ, то увидимъ, что въ немъ имѣются два различныхъ вида хозяйства крупное при помощи наемнаго труда, и мелкое, при помощи труда собственника. И тотъ, и другой видъ хозяйства имѣютъ свои недостатки и достоинства. Крупное хозяйство выше въ техническомъ отношеніи, но зато въ немъ рабочій не заинтересованъ въ результатахъ труда и работаетъ плохо. Мелкое хозяйство стоитъ на низкомъ техническомъ уровнѣ, но зато въ немъ человѣкъ трудится самъ для себя.

Задача въ томъ, чтобы воспользоваться преимуществами крупнаго производства и не утерять выгодъ мелкаго. Образцовая коммуна должна удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: 1) собственность не должна быть въ ней раздроблена; 2) всѣ земельные участки коммуны и всѣ отрасли промышленности должны эксплуатироваться въ ней по общему плану; 3) система наемнаго труда, при которой рабочій не заинтересованъ въ продуктахъ своего труда, должна быть замѣнена системой общаго участія всѣхъ въ общемъ продуктѣ пропорціанально участію каждаго въ производствѣ.

Нужно создать ассоціацію нѣсколькихъ сотъ семей (Фурье беретъ 300 семействъ), которая могла бы совмѣстно вести хозяйство. Для этого не требуется лишать собственности кого бы то ни было. Собственникъ не лишается своей собственности, отдавая ее такой ассоціаціи, такъ какъ, взамѣнъ своей собственности, онъ получаетъ акціи, доходъ которыхъ, по разсчетамъ Фурье, будетъ несравненно выше, чѣмъ доходъ съ собственности при единоличномъ владѣніи.

Такую коммуну, организованную согласно его плану, Фурье называетъ фалангой, а соціальный дворецъ, который предназначенъ для жизни членовъ фаланги—фаланстеромъ.

Хозяйство фаланги не будетъ имѣть коммунистическаго характера. Коммунизмъ требуетъ равенства потребленія, отрицаетъ права капитала и таланта, и признаетъ только права труда. Коммунизмъ разсчитываетъ достигнуть общаго довольства не путемъ согласнаго, гармоническаго развитія всѣхъ страстей человѣка, а путемъ подавленія нѣкоторыхъ изъ нихъ, при томъ наиболѣе содѣйствующихъ матеріальному и умственному прогрессу, каковы — стремленіе къ превосходству, честолюбіе, жажда богатства и пр.

Основная идея коммунизма есть не болѣе, какъ половина соціальной идеи, — именно, принципъ коллективности, ассоціаціи, и притомъ въ своей грубой, неразвитой формѣ, точно также, какъ основная идея современнаго строя — принципъ частнаго почина, есть другая половина соціальной идеи. Гармоническое соединеніе этихъ двухъ несовершенныхъ элементовъ въ высшемъ и сложномъ сочетаніи должно быть основной идеей ассоціаціи будущаго—фаланги.

Частная собственность въ фалангѣ отнюдь не уничтожается, но только принимаетъ иную форму—форму права участія въ общихъ доходахъ, а не права исключительнаго пользованія тѣмъ или инымъ орудіемъ производства. Послѣднее право естественно отпадаетъ, такъ какъ производство въ фалангѣ ведется сообща; предметы потребленія могутъ однако принадлежать отдѣльнымъ лицамъ. Вообще личная свобода въ фаланстерѣ не испытываетъ никакого ограниченія. Каждый живетъ какъ хочетъ, можетъ обѣдать въ собственномъ углу и не принимать участія въ общихъ обѣдахъ, если этого пожелаетъ, хотя собственная выгода и должна побуждать его къ участію

въ общественной организаціи потребленія, которая представляетъ такія же огромныя преимущества, какъ и общественная организація производства. Именно въ виду выгодности производства и потребленія въ крупныхъ размѣрахъ, и то, и другое будетъ организовано въ фаланстерѣ на общественныхъ началахъ.

Фурье подробно описываетъ, какія огромныя сбереженія получатся, если сотни отдѣльныхъ маленькихъ кухонъ будутъ замѣнены одной огромной кухней въ фаланстерѣ, если сотни прачешныхъ, кладовыхъ, подваловъ будутъ соединены въ одно огромное цѣлое въ будущей коммунѣ. Политико-экономы обыкновенно съ презрѣніемъ относятся къ организаціи домашняго хозяйства: это кажется имъ дѣломъ мелкимъ, ничтожнымъ. На самомъ же дѣлѣ трудно и оцѣнить, какая масса капитала и труда безполезно растрачивается, благодаря раздробленію потребленія.

Что касается до преимуществъ общественнаго производства, какъ оно будетъ организовано въ фалангѣ, то выгоды его должны быть еще больше. Всѣмъ извѣстно, что крупная промышленность вытѣсняетъ мелкую именно благодаря большей производительности труда въ крупномъ производствѣ. Но фаланга будетъ имѣть одно важное преимущество передъ современнымъ крупнымъ предпріятіемъ: ей будетъ выгодно вводить такія машины, такія усовершенствованные пріемы производства, которые не могутъ быть усвоены современной промышленностью, потому что этому препятствуетъ низкая заработная плата (дѣлающая ручную работу болѣе дешевымъ способомъ производства, чѣмъ машинную) и сопротивленіе рабочихъ введенію новыхъ машинъ. Машина перестанетъ быть врагомъ человѣка, какимъ она является при современномъ несовершенномъ устройствѣ общества, и сдѣлается его помощникомъ и слугою.

Точно также будетъ преобразовано и земледѣліе. Соединеніе въ фаланстерѣ земледѣлія съ промышленностью дастъ возможность избѣжать еще одного огромнаго недостатка хозяйственнаго устройства цивилизаціи, именно: вынужденной праздности земледѣльца въ зимнее время.

Наконецъ, въ области торговли преимущества фаланги не менѣе очевидны. Покупки въ розницу, небольшими партіями, черезъ частые промежутки, при огромной затратѣ времени, будутъ замѣнены правильно организованнымъ пріобрѣтеніемъ продуктовъ, нужныхъ для фаланги, и сбытомъ ея собственныхъ произведеній.

Всѣ эти огромныя сбереженія дадутъ возможность достигнуть при гармоническомъ устройствѣ общества, такихъ степеней богатства, о которыхъ мы теперь и не мечтаемъ. На мѣстѣ теперешнихъ хижинъ будутъ воздвигнуты роскошные дворцы. Фурье съ особенною любовью останавливается надъ описаніемъ соціальнаго дворца будущаго, фаланстера.

Это прекрасное зданіе, планъ котораго Фурье даетъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Фаланстеръ окруженъ садами; рядомъ съ нимъ помѣщаются промышленныя мастерскія, сельско-хозяйственныя постройки, распланированныя такимъ образомъ, чтобы не портить общаго вида. Самъ фаланстеръ и всѣ хозяйственныя постройки соединены закрытой галлереей—каналомъ, по которому циркулируетъ жизнь фаланги. Галлерея эта широка и просторна, обставлена тропическими цвѣтами, полна свѣта и воздуха; въ ней устраиваются

общественныя собранія, выставки, балы, концерты. Въ фаланстерѣ помѣщается храмъ и театръ.

Каждый выбираетъ себѣ въ фаланстерѣ квартиру по своему вкусу, причемъ предоставляется усмотрѣнію каждаго меблировать ее собственною мебелью, или получать полную обстановку за извѣстную плату отъ фаланги.

Какимъ же образомъ должна быть организована работа фаланги? Вопросъ этотъ является основнымъ для всей системы Фурье и въ разрѣшеніи его нашъ авторъ проявляетъ наибольшую оригинальность. Фурье не признаетъ вредныхъ страстей или влеченій. Человѣкъ устроенъ такимъ образомъ, что всѣ его страсти естественно образуютъ согласный, гармоничный рядъ. Наши страсти суть элементъ неизмѣняемый и постоянный, а общественныя формы—преходящій и измѣнчивый. Поэтому, не страсти людей должны приспособляться къ общественному устройству, а соціальное устройство должно быть таково, чтобы страсти человѣка направлялись не во вредъ обществу, а на пользу ему. Соотвѣтственно этому принципу—предоставленію полной свободы всѣмъ страстямъ и стремленіямъ человѣка—долженъ быть организованъ и трудъ въ фалангѣ. Въ ней должна быть полная свобода въ выборѣ занятій для всѣхъ членовъ фаланги. Прирожденныя способности, симпатіи, привычки, знанія, опредѣляютъ какое занятіе изберетъ себѣ каждый членъ фаланги.

Такъ какъ всѣ работы фаланги будутъ совершаться сообща, то естественно возникнутъ группы рабочихъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Чтобы объяснить, какимъ образомъ возникнутъ группы, Фурье указываетъ на дѣтей. Возьмите какую-нибудь гимназію или пансіонъ. Какое зрѣлище представляютъ собою школьники въ то время, когда они свободны отъ занятій? Они не разбредаются порознь, но среди нихъ сами собой возникаютъ группы. Одни заняты одною игрою, другіе—другой, одни—однимъ дѣломъ, другіе—другимъ. Каждый присоединяется къ той группѣ, которая кажется ему наиболѣе привлекательной.

То же самое должно происходить и среди взрослыхъ людей, если они будутъ предоставлены собственнымъ влеченіямъ, если надъ ними не будетъ висѣть внѣшней силы, противодѣйствующей этимъ влеченіямъ. Современная организація труда, дѣлающая невозможною такую естественную группировку рабочихъ, уже по одному этому должна быть признана никуда не годной. Она порождаетъ отвращеніе къ труду, являющееся такой характерной чертой нашей эпохи. Гармоничная община будетъ въ этомъ отношеніи прямой противоположностью современному строю. Каждый будетъ выбирать себѣ занятіе по вкусу, присоединяться къ той группѣ, которая ему всего болѣе нравится.

Обыкновенно думаютъ, что существуютъ извѣстные роды труда, которые по самому своему характеру непріятны для человѣка. Но это невѣрно. Трудъ данаидъ не можетъ быть привлекательнымъ, но не потому, что онъ требуетъ исключительныхъ усилій, а потому, что онъ безрезультатенъ. Высшая задача соціальной организаціи—полное и гармоническое развитіе силъ человѣка—будетъ разрѣшена только тогда, когда будетъ открыто средство сдѣлать всякій трудъ привлекательнымъ. А это и будетъ осуществлено въ фалангѣ. Каждая группа производителей фаланстера работаетъ сряду не болѣе

2-хъ часовъ. Какъ только трудъ становится утомителенъ и теряетъ свою привлекательность, группа прекращаетъ работу, ея члены входятъ въ составъ новыхъ группъ, и съ новой энергіей принимается за новую работу.

То, что теперь называютъ лѣностью, въ сущности есть не что иное, какъ отвращеніе къ однобразной; монотонной работѣ, это отвращеніе точно такъ же, какъ и честолюбіе, и жажда первенства среди рабочихъ, будетъ не ослабять, а усиливать энергію труда въ фаланстерѣ. Тѣ силы, которыя въ цивилизованномъ обществѣ дѣйствуютъ разрушительно, въ фалангѣ будутъ служить общимъ интересамъ.

Какимъ же образомъ будетъ совершаться распредѣленіе продуктовъ въ фалангѣ? Весь продуктъ будетъ дѣлиться на 3 неравныя части: $^5/_{12}$ будетъ итти труду, $^4/_{12}$—капиталу и $^3/_{12}$ — на вознагражденіе таланта. Хотя всѣ работы будутъ производиться сообща, равенства вознагражденія въ фаланстерѣ не будетъ. Каждый будетъ получать доходъ соразмѣрно своему участію въ производствѣ. И хотя, сравнительно съ современнымъ состояніемъ, доходъ отъ труда возрастетъ въ гораздо большей степени, чѣмъ доходъ отъ капитала, тѣмъ не менѣе и капиталисты не потерпятъ никакого убытка. Доходъ рабочихъ увеличится въ 6—8 разъ, а капиталистовъ—въ 3—4 раза. Сверхъ того, во много разъ увеличится вознагражденіе таланта.

Но допуская процентъ на капиталъ, Фурье не считаетъ возможнымъ возникновеніе въ фаланстерѣ класса праздныхъ капиталистовъ. Съ одной стороны, всѣ рабочіе въ фаланстерѣ будутъ капиталистами, такъ какъ ихъ доходъ будетъ настолько великъ, что сбереженіе части этого дохода не представитъ никакихъ трудностей, Съ другой же стороны, всѣ капиталисты будутъ работать, такъ какъ работа будетъ наслажденіемъ, а не бременемъ. Вообще, вопросу о системѣ распредѣленія Фурье не придавалъ большого значенія, потому что въ его представленіи фаланга должна обладать такой огромной производительной силой, что потребности каждаго изъ ея членовъ, во всякомъ случаѣ, будутъ удовлетворены достаточно полно.

Я не буду останавливаться надъ описаніями прелести жизни въ фаланстерѣ, которыя такъ увлекали самого Фурье и его учениковъ. Нашъ утопистъ рисуетъ эту жизнь, какъ постоянный свѣтлый и радостный праздникъ, котораго не будутъ омрачать никакія тѣни, никакое страданіе, никакой диссонансъ. И все это будетъ достигнуто, благодаря тому, что организація производства и потребленія въ крупныхъ размѣрахъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ энергіи труда, вслѣдствіе его привлекательности, дадутъ человѣчеству столько богатства, что люди не будутъ испытывать ни въ чемъ недостатка.

Выработавъ такъ детально экономическую организацію фаланги, ячейки будущаго гармоническаго общества, Фурье не могъ не коснуться и политическаго его устройства. Во главѣ каждой фаланги стоятъ свободно избираемыя лица, и высшій глава фаланги—унархъ, является также свободно избираемымъ лицомъ. Но политической или какой бы то ни было другой власти въ обществѣ, о которомъ мечтаетъ Фурье, не будетъ. Званіе унарха будетъ лишь почетнымъ титуломъ. Что дѣлать власти въ фалангѣ? Всѣ средства насилія будутъ безполезны въ новомъ соціальномъ строѣ, который не будетъ имѣть враговъ, потому что будетъ удовлетворять всѣмъ потребно-

стямъ своихъ гражданъ. Главная причина преступленій въ современномъ обществѣ—бѣдность и нищета, совсѣмъ исчезнетъ. Кто станетъ прибѣгать къ кражѣ, если всякій имѣетъ возможность легко получить все, въ чемъ имѣетъ нужду? Вообще, ни для чего похожаго на правительство въ фалангѣ мѣста нѣтъ.

Какъ только возникнетъ первая фаланга, гармоничность и прелесть устройства ея подѣйствуетъ такъ завлекательно на остальное населеніе, что, мало-по малу, безъ всякаго насилія и принужденія, сами собою начнутъ возникать новыя и новыя фаланги Постепенно онѣ покроютъ весь міръ, сдѣлаетъ плодородной Сахару и заселятъ пустыни Сибири. Настанетъ земной рай — и человѣкъ благословитъ свою судьбу; люди убѣдятся на опытѣ, что ихъ удѣлъ на землѣ— счастье, полное, глубокое, безграничное, ибо несчастье, горе, зло коренятся не въ человѣческой природѣ, а въ несовершенствахъ соціальной организаціи...

Что касается до отношеній между отдѣльными фалангами, то они должны быть совершенно свободны и лишены какой бы то ни было внѣшней организаціи. Каждая фаланга является какъ бы независимымъ предпринимателемъ по отношенію ко всѣмъ другимъ. Фаланги продаютъ другъ другу свои продукты, ведутъ ими торговлю и вообще ничѣмъ не стѣснены въ своей хозяйственной дѣятельности.

Соціальный идеалъ Фурье приближается къ анархическому идеалу, ибо для всей системы великаго француза характерно полное отрицаніе какой бы то ни было власти, какого бы то ни было принужденія.

Фурье заходитъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что отрицаетъ даже нравственное принужденіе. Онъ безусловный аморалистъ и въ этомъ отношеніи является предшественникомъ Ницше и аморализма нашего времени. Задача созданной его воображеніемъ соціальной системы—дать полный просторъ, полную свободу человѣческимъ страстямъ и влеченіямъ и привести ихъ въ такое согласіе, такую гармонію, чтобы ихъ собственная свободная игра обезпечивала наибольшее счастье для всѣхъ. „Всѣ измышленія философіи, — писалъ Фурье – называемыя обязанностями, не имѣютъ ничего общаго съ истинной природой человѣка; долгъ созданъ людьми, влеченіе же исходитъ отъ Бога. И потому, если желать узнать виды Божества, нужно изучать влеченіе людей, одну природу, совершенно оставляя въ сторонѣ долгъ, измѣняющій свой характеръ въ каждомъ столѣтіи и въ каждой странѣ, между тѣмъ природа страстей была и остается неизмѣнной у всѣхъ народовъ".

Фурье полагалъ, что созданное его фантазіей устройство общества, называемое имъ гармоніей, вполнѣ разрѣшаетъ задачу обезпеченія наибольшаго счастья всѣхъ при совершенной свободѣ всѣхъ слѣдовать всѣмъ своимъ страстямъ и влеченіямъ. И, конечно, если бы нѣчто подобное когда-либо было достигнуто, то необходимость внѣшняго и внутренняго принужденія — общественной власти и нравственнаго долга—совсѣмъ бы исчезла.

Но можетъ ли это когда-либо быть достигнуто? Возможно ли человѣческое общество, совершенно свободное отъ власти и нравственнаго долга? Научной критикѣ не трудно разрушить все воздушное зданіе Фурье, въ которое онъ вложилъ столько геніальной силы мысли и столько артистическаго чувства.

Такъ, совершенно ясно, что фаланга Фурье не есть царство гармоніи человѣческихъ страстей. Для такой гармоніи нужно, чтобы влеченія каждаго отдѣльнаго лица согласовалась съ влеченіями другихъ лицъ, съ общими интересами; но какимъ образомъ это будетъ достигнуто въ фалангѣ — остается совершенно непонятнымъ. Каждый работникъ выполняетъ въ фаланстерѣ ту работу и то дѣло, которое ему всего больше нравится. Но что, если общество въ этой работѣ не нуждается, а нуждается въ какой-либо иной, для которой не находится охотниковъ въ достаточномъ числѣ? Какъ тогда быть? Фурье предполагаетъ, что существуетъ какое-то внутреннее сотвѣтствіе между влеченіями людей къ той или иной работѣ и общественной потребностью въ продуктахъ именно этого рода труда. Только при существованіи такого внутренняго соотвѣтствія, люди, слѣдуя своимъ внутреннимъ влеченіямъ, могли бы изготовлять какъ разъ тѣ продукты, и какъ разъ въ томъ количествѣ, какіе и въ какомъ требуются обществомъ.

Но, очевидно, такого внутренняго соотвѣтствія между влеченіями отдѣльныхъ лицъ къ опредѣленнымъ родамъ дѣятельности и общественными потребностями въ опредѣленныхъ продуктахъ не существуетъ и существовать не можетъ, такъ какъ то и другое представляетъ собой обстоятельства совершенно различнаго порядка, зависящія отъ совершенно различныхъ условій и причинъ. Наличность усиленнаго спроса на извѣстный продуктъ отнюдь не требуетъ, чтобы самый трудъ производства этого продукта былъ особо привлекателенъ для работниковъ. Жемчугъ высоко цѣнится какъ украшеніе, но трудъ добычи жемчуга изъ морскихъ глубинъ ничего въ себѣ привлекательнаго не заключаетъ.

Это простое соображеніе разрушаетъ всю мнимую гармонію фаланстера. На садоводство и другія занятія, связанныя съ работой среди природы, въ фаланстерѣ нашлось бы много охотниковъ, но не всѣ же работы одинаково пріятны сами по себѣ. Кто станетъ ихъ исполнять, если основной законъ фаланстера—слѣдовать только своимъ внутреннимъ влеченіямъ? Безъ внѣшней, а, слѣдовательно, и принудительной организаціи невозможна согласованность отдѣльныхъ частей хозяйственнаго организма, составляющая неустранимое условіе его жизнедѣятельности.

Итакъ, Фурье не разрѣшилъ задачи согласованія общественнаго и частнаго интереса, а прямо обошелъ эту задачу, признавши ее разрѣшенной. Кромѣ того, оставляя совершенно неорганизованными отношенія между отдѣльными фаланстерами, Фурье сохранилъ въ полной силѣ и всѣ недостатки системы свободной конкуренціи. Отдѣльныя фаланги будутъ вести другъ съ другомъ такую же борьбу, какую теперь ведутъ отдѣльныя капиталистическія предпріятія; отдѣльныя фаланги будутъ неравны между собой по своей экономической силѣ, такъ какъ будутъ располагать землями различнаго качества, различными капиталами и различнымъ личнымъ составомъ членовъ. Въ результатѣ получится такая же анархическая борьба всѣхъ со всѣми, которая составляетъ такое крупное зло существующей хозяйственной системы — борьбы, въ которой слабые должны быть побѣждены сильными.

Такимъ образомъ и внутри фаланги и въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу далеко не будетъ той гармоніи, о которой мечталъ геніальный утопистъ.

IV.

Между общинами Оуэна и фалангами Фурье замѣчается значительное сходство по цѣлому ряду существенныхъ пунктовъ. Тѣмъ не менѣе между организаціями того и другого рода имѣются и весьма важныя различія. Прежде всего нужно помнить, что фаланги Фурье— организаціи соціалистическія, а общины Оуэна — коммунистическія. Внутри фаланги распредѣленіе продукта совершается путемъ купли-продажи, члены фаланги получаютъ за свой трудъ заработную плату, да еще кромѣ того вознагражденіе за талантъ и процентъ на вложенный въ общее дѣло капиталъ. Величина доходовъ отдѣльныхъ членовъ фаланги не одинакова, а характеръ общественнаго потребленія столь же многообразенъ, насколько различны индивидуальные вкусы отдѣльныхъ лицъ. Напротивъ, община Оуэна имѣетъ строго коммунистическое устройство. Всѣми продуктами, производимыми общиной, владѣютъ члены ея сообща, и никакой продажи продуктовъ отдѣльнымъ лицамъ, равно какъ денежнаго вознагражденія послѣднихъ, въ общинѣ не существуетъ. Община Оуэна представляетъ собой какъ бы большую семью, гдѣ всѣ имѣютъ равное право участвовать въ потребленіи, и потому отсутствуютъ какія бы то ни было опредѣленныя правила для распредѣленія продуктовъ.

Но и самыя цѣли соціальныхъ организацій Фурье и Оуэна глубоко различны. По своему духовному складу Оуэнъ и Фурье были величайшими антиподами и пришли къ своимъ планамъ соціальнаго преобразованія путемъ совершенно противоположнымъ. Оуэнъ долгое время былъ чрезвычайно успѣшнымъ фабрикантомъ; затѣмъ его вниманіе привлекли вопросы воспитанія рабочихъ, преимущественно моральнаго. Какъ руководитель огромнаго фабричнаго предпріятія, въ которомъ отъ него зависѣли многія сотни людей, Оуэнъ пришелъ къ убѣжденію въ пластичности человѣческой природы, въ ея измѣнчивости подъ вліяніемъ измѣненія условій среды. Будучи по своей духовной природѣ моралистомъ, Оуэнъ считалъ высшей цѣлью общественнаго союза моральное возвышеніе человѣчества.

Въ теченіе ряда лѣтъ Оуэнъ пытался воспитывать въ моральномъ отношеніи рабочихъ своей фабрики въ Нью-Лонаркѣ. Но онъ не могъ, въ концѣ-концовъ, не притти къ заключенію, что нравственное перевоспитаніе человѣка невозможно, если соціальная среда, въ которой живетъ человѣкъ, остается неизмѣнной. Современное общественное устройство таково, что оно препятствуетъ развитію благородныхъ свойствъ человѣческой природы и поощряетъ всѣ его дурныя свойства. Не удивительно, что современные люди стоятъ въ нравственномъ отношеніи такъ низко. И, очевидно, никакія воспитательныя учрежденія не въ силахъ улучшить природу человѣка, если соціальная среда не будетъ измѣнена.

Вотъ такимъ путемъ, въ поискахъ средствъ нравственно возвысить человѣка, Оуэнъ и пришелъ къ мысли о необходимости глубочайшаго преобразованія основъ современной общественной жизни. Новый типъ общественнаго строя, проповѣдникомъ котораго онъ сталъ, онъ называлъ „новымъ нравственнымъ міромъ“, указывая этимъ, что конечныя цѣли этого новаго общественнаго строя заключаются въ нравственномъ преобразованіи человѣка. Современный строй плохъ потому, что онъ воспитываетъ плохого человѣка; оправ-

даніемъ же проектированной Оуэномъ великой соціальной реформы являлось, въ глазахъ ея проповѣдника, связанное съ ней нравственное возвышеніе человѣка.

Итакъ, для Оуэна человѣческая природа есть нѣчто въ высшей степени пластичное и измѣнчивое; цѣль общественнаго преобразованія заключается въ измѣненіи человѣческой природы, въ созданіи новаго человѣка, болѣе соотвѣтствующаго нашему нравственному идеалу.

Цѣли общественной реформы для Фурье прямо противоположны. Фурье не только не считалъ самымъ важнымъ общественнымъ дѣломъ нравственное преобразованіе человѣка, но былъ убѣжденъ, съ одной стороны, въ неизмѣнности основныхъ свойствъ человѣческой природы, а, съ другой стороны, былъ рѣшительнымъ аморалистомъ. Не человѣческій характеръ долженъ приспособляться къ общественному строю, а общественный строй долженъ быть приспособленъ къ неизмѣннымъ свойствамъ человѣческаго характера. Общественное воспитаніе не имѣетъ никакого смысла, ибо человѣческая природа неизмѣнна. Наилучшимъ общественнымъ строемъ является не тотъ, который воспитываетъ наилучшаго человѣка (какъ думалъ Оуэнъ), а тотъ, который всего болѣе приспособленъ къ неизмѣннымъ свойствамъ человѣка. Такимъ наилучшимъ строемъ казалось Фурье придуманная имъ организація фаланги, преимуществомъ которой передъ всѣми другими формами общественнаго строя являлось, въ глазахъ творца фаланги, предоставляемая послѣдней полная свобода дѣйствію всѣхъ страстей и влеченій человѣческой природы, ибо не существуетъ естественныхъ влеченій вредныхъ или безнравственныхъ, а существуютъ лишь плохія формы общественнаго строя, дѣлающія нѣкоторыя влеченія человѣка вредными для общества.

Итакъ, Оуэнъ былъ моралистомъ, и пришелъ къ соціальной реформѣ, какъ къ средству моральнаго воспитанія человѣчества; Фурье же былъ аморалистомъ и пришелъ къ соціальной реформѣ, какъ къ средству освобожденія человѣчества отъ власти долга и морали. Ихъ соціальныя цѣли, по своимъ конечнымъ завершеніямъ, были прямо противоположны, но конкретные планы общественнаго устройства, предложенные тѣмъ и другимъ, имѣли, при существенныхъ различіяхъ, много общаго.

Оуэнъ обладалъ, несомнѣнно, въ гораздо большей степени тѣмъ, что называется здравымъ смысломъ. Уже своей дѣятельностью въ качествѣ руководителя огромнымъ фабричнымъ предпріятіемъ Нью-Ланарка онъ доказалъ свои практическіе таланты. Онъ сумѣлъ достигнуть двухъ вещей, почти всегда взаимно исключающихъ другъ друга: блестящаго коммерческаго успѣха, выражавшагося въ высокихъ барышахъ, которые его фабричное предпріятіе доставляло ему и его компаньонамъ, и существеннаго улучшенія экономическаго положенія занятыхъ въ его предпріятіи рабочихъ. Оуэнъ обладалъ талантомъ вліять на людей и подчинять ихъ своей волѣ, но воля его была направлена не на личные, а на общіе интересы.

Однако, въ то же время Оуэнъ отнюдь не былъ сильнымъ мыслителемъ, и ему менѣе всего были свойственны, въ умственной области, геніальность, творческій полетъ воображенія. Онъ былъ разсудочной натурой, и такимъ же духомъ раціонализма были проникнуты его планы будущаго общественнаго устройства, вытекавшіе изъ всѣми признаваемыхъ безспорными посылокъ. Никто не отрицаетъ высокой

цѣнности добродѣтели. Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что благородныя свойства человѣческой природы не могутъ развиться, если соціальныя условія поощряютъ пороки. Значитъ, нужно создать такія условія общественной жизни, при которыхъ пороки не могли бы развиться, а добродѣтели встрѣчали бы опору въ соціальной средѣ.

Корнемъ всѣхъ пороковъ является, по общему мнѣнію, себялюбіе, въ свою очередь проявляющееся наиболѣе рѣзко въ области хозяйственныхъ интересовъ. Поэтому, чтобы создать добродѣтельнаго человѣка, нужно сдѣлать невозможнымъ проявленіе хозяйственнаго эгоизма.

А для этого нужно, чтобы исчезла частная собственность, чтобы человѣкъ ничего не могъ называть своимъ—только въ этомъ случаѣ для развитія хозяйственнаго эгоизма не будетъ почвы, и хозяйственный эгоизмъ погаснетъ самъ собой.

Но одного этого мало,—нужно, чтобы въ общественной жизни исчезли какіе бы то ни было поводы къ развитію дурныхъ свойствъ въ человѣческой природѣ. Всякое неравенство питаетъ зависть и вражду. Поэтому, кромѣ уничтоженія частной собственности, необходимо уничтожить и неравенство въ другихъ областяхъ человѣческой жизни—не должно быть правительства, хотя бы и выборнаго, а значитъ, не должно быть и государства. Такимъ логическимъ путемъ Оуэнъ приходитъ къ своимъ кооперативнымъ, какъ онъ ихъ называетъ, общинамъ, представляющимъ крайнее развитіе коммунальнаго коммунизма.

Весь ходъ мыслей Оуэна былъ очень послѣдователенъ, и нисколько не удивительно, что отецъ кооперации твердо вѣрилъ въ разумность своего плана общественнаго устройства, вѣрилъ настолько непоколебимо, что одно изъ своихъ сочиненій онъ озаглавилъ „Попытка превратить человѣческое общество изъ дома сумасшедшихъ въ разумный міръ“. Дѣйствительно, развѣ не „домомъ сумасшедшихъ“ должно было представляться раціоналисту типа Оуэна современное общество, въ которомъ признаваемыя всѣми высшія цѣли общественнаго союза—выработка благородныхъ свойствъ человѣческаго характера—не только не получаютъ осуществленія, но и попираются самымъ грубымъ образомъ? И развѣ общество, понимающее блага морали, не должно стремиться преобразовать строй своей жизни въ соотвѣтствіи съ требованіями морали? Если же оно этого не дѣлаетъ, то не нарушаетъ ли оно очевиднѣйшимъ образомъ своихъ интересовъ и не свидѣтельствуетъ ли этимъ самымъ о своемъ безуміи?

Слабая сторона всего этого хода мыслей заключалась, однако, въ его раціоналистическомъ основаніи. Добродѣтель, кромѣ порока, имѣетъ еще одного опаснаго врага — скуку. Человѣчество можетъ предпочитать добродѣтельному устройству общества менѣе совершенное, если послѣднее веселѣе и пріятнѣе. Соціальный строй, проектированный Оуэномъ, несомнѣнно, добродѣтельнѣе современнаго, но будетъ ли въ немъ интереснѣе жить? Если бы удалось убить всѣ побужденія тщеславія и себялюбія, къ чему такъ стремится Оуэнъ, то для многихъ возникъ бы вопросъ, стоитъ ли жить въ такомъ соціальномъ монастырѣ? Въ заглавномъ рисункѣ на одномъ изъ своихъ изданій Оуэнъ далъ изображеніе, съ одной стороны, современнаго города, съ его смѣшеніемъ красивыхъ и безобразныхъ зданій, при крайнемъ разнообразіи условій жизни насе-
ен я, и, съ другой стороны, стройныхъ, величавыхъ соціальныхъ

дворцовъ будущаго. Этотъ рисунокъ подалъ поводъ къ ироническимъ комментаріямъ противниковъ Оуэна, которые справедливо нашли, что въ изображеніяхъ самого Оуэна безумный міръ современности оказался гораздо живописнѣе и привлекательнѣе скучнаго и однообразнаго разумнаго міра будущаго.

Совсѣмъ иное Фурье и его фаланги. Если общины Оуэна слишкомъ ужъ разумны и потому скучны, то фаланги Фурье представляютъ собой продуктъ самой смѣлой, безумной, творческой фантазіи. Чего только, какихъ только чудесъ нѣтъ въ этихъ фалангахъ! Вѣдь въ фалангахъ совершенно отсутствуетъ въ какой бы то ни было степени долгъ и все исполняется только во имя непосредственнаго наслажденія. Фаланги не только не страдаютъ монотоностью и скукой нравственныхъ общинъ Оуэна, но въ нихъ все блеститъ и сіяетъ радостью и весельемъ, наполняющими жизнь и отгоняющими всякую мысль о морали. Свобода страстямъ и смерть долгу—таковъ девизъ фаланги.

Въ противность раціоналисту Оуэну, Фурье былъ величайшимъ фантазеромъ. Своей мечтѣ онъ довѣрялъ безгранично, до такой степени, что самымъ серьезнымъ образомъ разсуждалъ о такихъ чудесахъ міра будущаго, какъ превращеніе морской воды въ пріятный напитокъ, въ родѣ лимонада, какъ населеніе морей будущаго новыми животными, антикитами, которыя съ неимовѣрной быстротой будутъ перевозить по океану счастливыхъ обитателей фаланстеровъ, какъ появленіе въ полярныхъ областяхъ великолѣпныхъ пальмъ и т. д. и т. д. Фантазіи Фурье заходили такъ далеко, что многіе ставятъ вопросъ, не былъ ли онъ попросту помѣшаннымъ. Но кѣмъ бы онъ ни былъ, онъ былъ во всякомъ случаѣ человѣкомъ геніальной мысли.

Соціальный строй, основанный на полной свободѣ человѣческихъ страстей, конечно, представляетъ собой совершенную утопію и никогда не осуществится. Нравственныя общины Оуэна гораздо осуществимѣе, но зато фаланги Фурье привлекательнѣе и интереснѣе. Фурье поставилъ себѣ несравненно болѣе трудную задачу, чѣмъ Оуэнъ: создать соціальный строй, дѣйствующій безъ чувства долга—той соціальной узды, которая нынѣ вводитъ въ предѣлы разрушительную силу человѣческихъ страстей. И хотя задачи этой Фурье не рѣшилъ, все же самая ея постановка свидѣтельствуетъ о поразительной силѣ его научнаго воображенія.

Какъ фаланги Фурье являются организаціями почти анархическими, такъ же близки къ анархизму и коммунистическія общины Оуэна. Единственнымъ отличіемъ коммунальнаго соціализма отъ анархизма является то, что коммунальный соціализмъ не допускаетъ иной хозяйственной единицы, кромѣ общины опредѣленнаго устройства, между тѣмъ какъ послѣдовательный анархизмъ долженъ допускать и единоличное хозяйство.

ГЛАВА VII.

Анархическій коммунизмъ и соціализмъ.

I. Сущность анархизма.—II. Анархическій коммунизмъ Годвина.—III. Анархическій соціализмъ Прудона. Мѣновой банкъ.—IV. Анархизмъ Кропоткина.—V. Внутренняя невозможность анархизма.

I.

Крайней противоположностью государственному соціализму является анархизмъ.

Съ точки зрѣнія анархизма, идеалъ общественнаго строя будетъ достигнутъ лишь тогда, когда изъ общественнаго строя исчезнетъ всякая власть человѣка надъ человѣкомъ, когда всѣ люди будутъ равно свободны и надъ ними не будетъ никакого господина. Власть большинства надъ меньшинствомъ признается анархистами такимъ же насиліемъ надъ личностью человѣка, какъ и власть меньшинства надъ большинствомъ. Единственнымъ закономъ анархическаго общества должна быть свободная воля каждаго человѣка; каждый долженъ быть свободенъ, дѣлать лишь то, что признаетъ нужнымъ и лишь добровольное соглашеніе отдѣльныхъ лицъ, соединяющихся ради достиженія какой-либо общей цѣли, можетъ быть основаніемъ ихъ совмѣстной жизни и дѣятельности.

II.

Первымъ провозвѣстникомъ анархическаго коммунизма можно считать Годвина.

Этотъ замѣчательный писатель, подвергнувшій самой рѣзкой критикѣ капиталистическій строй, какъ несогласный съ требованіемъ справедливости и равенства, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ противникомъ и обязательной общности производства и потребленія. „Для чего общіе обѣды?—спрашиваетъ Годвинъ.—Развѣ я долженъ чувствовать голодъ въ тотъ же часъ, какъ и ты? Развѣ я долженъ изъ библіотеки, въ которой я работаю, изъ мѣста, въ которомъ я предаюсь размышленію, изъ обсерваторіи, гдѣ я наблюдаю чудеса природы, въ извѣстный часъ непремѣнно быть въ опредѣленномъ помѣщеніи, гдѣ приготовленъ обѣдъ?“

Никто не долженъ быть принуждаемъ работать вмѣстѣ съ другими, такъ какъ у каждаго есть свои склонности и вкусы, и человѣкъ не машина, чтобы дѣлать что-либо не по своей волѣ. Вообще, совмѣстная работа нѣсколькихъ людей имѣетъ свои невыгодныя стороны. „Нужно, по возможности, ограничивать работу этого рода... Будетъ ли всегда необходимость въ совмѣстной работѣ многихъ людей, представляется большимъ вопросомъ, который мы не въ состояніи разрѣшить. Теперь требуется работа многихъ людей, чтобы вы-

рубить лѣсъ, прорыть каналъ или построить корабль. Но такъ ли всегда будетъ? Посмотрите на остроумныя машины, созданныя изобрѣтательностью человѣка, на безчисленныя фабрики, различные ткацкіе станки и паровыя машины—развѣ не изумительно, сколько работы они исполняютъ? Кто скажетъ, къ чему приведетъ дальнѣйшее развитіе въ томъ же направленіи?.. Ничего нѣтъ невозможнаго, что когда нибудь одинокій человѣкъ будетъ выполнять величайшія работы или, чтобы взять самый близкій примѣръ, что плугъ будетъ исполнять на полѣ свою работу безъ всякаго присмотра человѣка. Въ этомъ смыслѣ знаменитый Франклинъ сказалъ: „когда-нибудь человѣческій духъ пріобрѣтетъ всемогущество надъ матеріей".

Въ прежнее время грубыя и тяжелыя работы исполняли рабы. Настанетъ время, когда эти работы будутъ исполняться машинами. И тогда возможно будетъ достиженіе общаго благополучія безъ всякаго стѣсненія свободы личности. Никакихъ законовъ и запрещеній въ обществѣ будущаго существовать не можетъ. Въ немъ не будетъ частной собственности, но не въ силу закона, запрещающаго таковую, а въ силу того, что никто не пожелаетъ удерживать въ свое исключительное пользованіе то, въ чемъ могутъ нуждаться другіе. „Чѣмъ я владѣю, то я могу считать своей собственностью, если только данная вещь нужна для моего потребленія; но если я владѣю вещью мнѣ ненужной, то какъ я могу удерживать ее у себя, хотя бы она и была создана моимъ трудомъ?"

Жилище человѣка будетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, такъ же неприкосновенно, какъ и теперь: никому не придетъ въ голову занимать мое жилище, когда всякій можетъ имѣть свое собственное. „Но не будетъ ни замковъ, ни запоровъ, каждый будетъ имѣть право пользоваться моими орудіями труда, если только этимъ не дѣлается помѣхи моей работѣ. Намъ, не привыкшимъ къ такому строю, сейчасъ же представляются споры и пререканія, которыя въ этомъ случаѣ возникнутъ. Но на самомъ дѣлѣ никакихъ споровъ возникать не будетъ, такъ какъ всѣ они порождаются чрезмѣрнымъ и завистливымъ себялюбіемъ. Тебѣ нуженъ мой столъ? Приготовь его себѣ самъ. Или, если я искуснѣе тебя, я готовъ его тебѣ сдѣлать. Тебѣ столъ нуженъ немедленно? Сравнимъ, кто въ немъ больше нуждается, и тогда рѣшимъ по справедливости".

Конечно, въ царствѣ будущаго не исчезнетъ раздѣленіе труда. Каждый будетъ занятъ той работой, къ которой онъ будетъ чувствовать всего больше склонности. Но такъ какъ склонности различны, то люди будутъ выдѣлывать разныя вещи. Но они отнюдь не будутъ обмѣниваться ими такъ, какъ теперь. Каждый будетъ свободно брать у другого то, что ему нужно, если, конечно, тотъ, у кого берутъ, самъ не нуждается въ своемъ продуктѣ. Въ основѣ обмѣна будетъ лежать не себялюбіе, а любовь къ ближнимъ. Каждый будетъ охотно работать на другого и потому съ такой же свободой пользоваться работой другого.

Таковъ былъ общественный идеалъ Годвина. Нашъ утопистъ исходитъ не только изъ предположенія, что вся душевная природа человѣка испытаетъ глубочайшее преобразованіе — что любовь къ ближнему вытѣснитъ окончательно въ душѣ человѣка всѣ своекорыстныя чувства—но и изъ предположенія не менѣе глубокаго преобразованія техники, которое дастъ человѣку возможность своими единоличными силами исполнять самыя трудныя работы. Только, когда

осуществятся оба эти условія, наступитъ, по мнѣнію Годвина, царство справедливости—полной свободы и отсутствія какого бы то ни было насилія человѣка надъ человѣкомъ.

III.

Анархическій коммунизмъ Годвина не встрѣтилъ отклика среди современниковъ и никакого общественнаго движенія не вызвалъ. Анархизмъ, какъ общественное движеніе, ведетъ свое начало отъ писателя значительно болѣе поздней эпохи, Прудона, который, въ противность Годвину, былъ представителемъ не анархическаго коммунизма, а анархическаго соціализма.

Прудонъ, также какъ и Годвинъ, признаетъ добровольное соглашеніе людей единственно допустимой формой общественнаго сотрудничества. Поэтому онъ отвергаетъ всѣ формы историческаго государства, всѣ виды правительства безъ различія. Демократія—владычество народа въ лицѣ большинства—есть для Прудона такое же царство насилія, какъ и монархія. Правительство и вообще насиліе необходимо въ обществѣ лишь потому, что экономическія силы общества неорганизованы, не согласованы другъ съ другомъ. Но если только *люди*, путемъ добровольныхъ договоровъ, достигнутъ согласованности общественнаго труда, то и надобность въ какомъ бы то ни было вмѣшательствѣ принудительной общественной власти, въ какомъ бы то ни было правительствѣ, совершенно изчезнетъ. Есть только два коренныхъ общественныхъ начала: начало свободы и начало авторитета. Правительство основывается на авторитетѣ, и это начало проникаетъ всякую форму государства. Общество будущаго должно отказаться отъ этого начала и всецѣло основаться на началѣ свободы.

Всякое правительство, какую бы форму мы ему ни придавали, неизбѣжно враждебно народной свободѣ. Всеобщее голосованіе отнюдь не ограждаетъ народной свободы; наоборотъ, оно является вреднымъ самообманомъ народа, такъ какъ народъ думаетъ, что, вручая власть своимъ избранникамъ, онъ остается владыкой своихъ судебъ. Но это ошибка. На самомъ дѣлѣ, избранники народа немедленно дѣлаются его повелителями, какъ это доказывается всей новѣйшей исторіей.

Потому нужно стремиться не къ улучшенію формы правленія, а къ уничтоженію какого бы то ни было правленія. Къ этому ведетъ ходъ исторіи и только непониманіе этой истины заставляетъ человѣчество истощать свои силы въ безплодныхъ революціяхъ.

Итакъ, будущій анархическій строй общества долженъ всецѣло покоиться на началѣ свободнаго договора. „Дѣйствительно, если бы я могъ заключить договоръ со всѣми людьми такимъ же образомъ, какъ я теперь заключаю договоръ по поводу отдѣльнаго предмета съ нѣкоторыми, если бы всѣ могли возобновлять эти договоры, если бы любая группа гражданъ, общинъ, союзовъ, обществъ, могла возникать на основаніи подобнаго же договора, и разсматривалась, какъ особая договаривающаяся личность, то всѣ могли бы заключать соглашенія со всѣми; моя личная воля какъ бы умножалась во много разъ. Господство свободныхъ соглашеній на мѣсто господства законовъ было бы истиннымъ господствомъ человѣка и гражданина, истиннымъ владычествомъ народа, революціи“.

Все это станетъ, по мнѣнію Прудона, возможнымъ, если будетъ осуществлена предложенная имъ реформа существующаго хозяйственнаго строя. Задача этой реформы должна заключаться въ организаціи безпроцентнаго кредита и мѣнового обращенія товаровъ безъ посредства денегъ.

Для этой цѣли Прудонъ предлагаетъ слѣдующее. Въ настоящее время производители страдаютъ отъ недостатка средствъ производства, капитала, и отъ трудности сбыта, продажи товаровъ. Но вѣдь сбытъ труденъ не потому, что товаръ никому не нуженъ. Масса населенія страдаетъ отъ недостатка нужныхъ ей продуктовъ; но ей не на что купить эти продукты, она лишена необходимыхъ для этого денегъ. Съ другой стороны, и капиталовъ имѣется достаточно, но собственники капитала не уступаютъ его безъ дани въ свою пользу— процента. Потому слѣдуетъ организовать безденежный обмѣнъ товаровъ и безпроцентное полученіе капитала.

Долженъ быть устроенъ особый мѣновой банкъ, который будетъ выдавать товаропроизводителямъ безпроцентныя ссуды, но не деньгами, а своими билетами, которые будутъ приниматься всѣми клиентами банка вмѣсто денегъ. При установленіи размѣра ссудъ, будетъ приниматься въ соображеніе цѣна изготовленнаго товара, цѣна эта должна опредѣляться не спросомъ и предложеніемъ, какъ теперь, а трудомъ производства. Каждый товаропроизводитель, получившій билеты банка, можетъ обмѣнять ихъ на любой другой товаръ, производимый клиентами банка. Такимъ образомъ, товаропроизводители будутъ свободно обмѣниваться при помощи банковыхъ билетовъ своими продуктами, а такъ какъ ссуды будутъ безпроцентными, то исчезнетъ и капиталистическая прибыль.

Когда операціи банка охватятъ все народное хозяйство, всѣхъ товаропроизводителей страны, то, при посредствѣ билетовъ банка, можно будетъ купить всевозможные товары и, слѣдовательно, всякія иныя деньги совершенно исчезнутъ изъ обращенія. Весь народнохозяйственный обмѣнъ будетъ совершаться черезъ посредство банка, безъ всякаго насилія надъ производителями и къ общей выгодѣ всѣхъ. Всѣ будутъ свободно производить то, что желаютъ, и всѣмъ будетъ обезпеченъ, въ соотвѣтствіи съ общественными потребностями, сбытъ произведенныхъ товаровъ.

IV.

Итакъ, анархическій общественный строй въ представленіи Прудона тѣсно связывается съ опредѣленной организаціей товарообмѣна безъ посредства современныхъ денегъ. Какъ бы мы ни оцѣнивали положительное значеніе построеній Годвина и Прудона, имъ нельзя отказать въ ясности и опредѣленности. Мы знаемъ, чего хотѣли эти представители болѣе ранней анархической теоріи. Къ сожалѣнію, того же отнюдь нельзя сказать о новѣйшихъ представителяхъ анархизма — слишкомъ ужъ неясны, туманны и противорѣчивы въ своихъ подробностяхъ ихъ планы будущаго общественнаго устройства.

Крупнѣйшимъ изъ новѣйшихъ анархистовъ является, безспорно, Левъ Толстой. Но Толстой, будучи несомнѣннымъ анархистомъ по своимъ общественнымъ идеаламъ, не можетъ считаться

теоретикомъ анархизма и потому мы оставимъ его въ сторонѣ. Изъ теоретиковъ современнаго анархизма выдѣляется силою ума, талантомъ и разностороннимъ знаніемъ Кропоткинъ.

Кропоткинъ принадлежитъ къ тому направленію анархизма, которое онъ самъ опредѣляетъ, какъ анархическій коммунизмъ. Этимъ онъ существенно отличается отъ Прудона, который не стоялъ на почвѣ коммунизма и считалъ необходимымъ сохраненіе частной собственности отдѣльнаго лица на произведенія труда. Напротивъ, Кропоткинъ отвергаетъ какую бы то ни было частную собственность и какое бы то ни было право рабочаго на его трудовой продуктъ. Этому послѣднему праву онъ противопоставляетъ право каждаго на существованіе, достойное человѣка.

Кропоткинъ считаетъ совершенно ненужнымъ какую бы то ни было принудительную организацію общественнаго труда. Противоположное мнѣніе кажется ему просто укоренившимся предразсудкомъ. Обыкновенно думаютъ, что безъ принудительной власти невозможна никакая сложная общественная организація. Но такъ ли это? Не видимъ ли мы множество примѣровъ весьма сложныхъ организацій, которыя существуютъ лишь на основаніи совершенно свободнаго соглашенія участниковъ. Такой характеръ, по необходимости, имѣютъ всѣ организаціи, выходящія за предѣлы одного государства, напр., всемірный почтовый союзъ или организація международнаго желѣзнодорожнаго сообщенія. И та и другая организація охватываетъ сотни тысячъ и милліоны рабочихъ и требуетъ величайшей согласованности ихъ труда. Тѣмъ не менѣе, она всецѣло основана на свободномъ договорѣ—каждое государство, каждая желѣзнодорожная компанія, участвующая въ этой организаціи, дѣлаетъ это добровольно безъ всякаго внѣшняго принужденія. Отсюда видно, что принудительная власть, вопреки мнѣнію коллективистовъ, отнюдь не есть необходимое условіе сложнаго общественнаго сотрудничества.

Кропоткинъ — противникъ какой бы то ни было организаціи обмѣна, а также какой бы то ни было системы денегъ. Обмѣнъ будетъ происходить въ анархическомъ обществѣ очень просто: „Пусть городъ—говоритъ онъ—выдѣлываетъ тѣ вещи, которыхъ не хватаетъ крестьянамъ, вмѣсто того, чтобы изготовлять разныя бездѣлушки для украшенія буржуазныхъ женщинъ. Пусть на швейныхъ машинахъ въ Парижѣ шьютъ рабочія и праздничныя одежды для деревенскихъ людей, вмѣсто того чтобы шить свадебное приданое, пусть на заводахъ дѣлаютъ земледѣльческія машины, лопаты и кирки, вмѣсто того, чтобы ожидать ихъ отъ англичанъ въ обмѣнъ на наше вино И пусть городъ посылаетъ въ деревню не коммиссаровъ, опоясанныхъ въ красные или трехъ-цвѣтные пояса, которые приказывали бы крестьянамъ доставить свои продукты въ такое-то мѣсто, но пусть по деревнямъ отправляются изъ города друзья, братья, которые говорили бы крестьянамъ: „несите намъ свои издѣлія, и берите въ нашихъ магазинахъ всѣ мануфактурныя издѣлія, которыя вамъ понравятся“. И тогда деревенскія издѣлія въ изобили появятся въ городахъ. Крестьянинъ сохранитъ себѣ все, что ему нужно, а остальное отдастъ городскимъ рабочимъ, въ которыхъ въ первый разъ за все время исторіи онъ увидитъ друзей, а не эксплоататоровъ“.

Такимъ простымъ способомъ, безъ всякой внѣшней организаціи, установится обмѣнъ продуктами. Производство будетъ такъ же свободно, какъ и обмѣнъ. Всякій будетъ производить, что хочетъ,

и пользоваться продуктами по мѣрѣ своихъ потребностей, если продукты имѣются въ избыткѣ, и въ равной долѣ съ другими, если продуктовъ не хватаетъ въ желаемомъ количествѣ на всѣхъ.

Но на ряду съ этой картиной хаотической всеобщей свободы, Кропоткинъ выдвигаетъ и нѣсколько иной планъ общественнаго хозяйства. А именно, онъ предлагаетъ, чтобы каждый членъ общества въ возрастѣ отъ 20 до 45 или 50 лѣтъ добровольно согласился работать въ сутки по 5 часовъ въ тѣхъ отрасляхъ труда, которыя общество признаетъ необходимыми. Взамѣнъ этого общество обезпечиваетъ каждому своему члену полный достатокъ и свободное пользованіе продуктами общаго труда.

Но что, если нѣкоторые члены этого общества не пожелаютъ работать? Въ такомъ случаѣ общество признаетъ свой договоръ съ неработающимъ членомъ нарушеннымъ и предоставляетъ его своимъ собственнымъ силамъ; пусть онъ дѣлаетъ, что хочетъ, а общество не считаетъ себя связаннымъ съ нимъ какими бы то ни было обязательствами.

Таковъ анархическій общественный строй по представленію Кропоткина. Легко замѣтить, что нашъ теоретикъ коммунистическаго анархизма колеблется между двумя противоположными точками зрѣнія. Какъ анархистъ, онъ требуетъ абсолютной свободы и, слѣдовательно, свободы для каждаго работать, что вздумается, какъ вздумается и сколько вздумается, или даже совсѣмъ не работать; но какъ коммунистъ, онъ понимаетъ, что такой порядокъ вещей противорѣчитъ требованію равенства, такъ какъ недобросовѣстный и не желающій работать будетъ при этомъ жить на счетъ труда работающаго и добросовѣстнаго. И вотъ, чтобы избѣгнуть этой формы эксплоатаціи труда, Кропоткинъ предлагаетъ, чтобы всѣ члены общества добровольно обязались работать 5 часовъ въ сутки; кто же не пожелаетъ исполнить этого обязательства, тотъ можетъ убраться на всѣ четыре стороны. Но такъ какъ убраться человѣку изъ человѣческаго общества некуда, развѣ въ могилу, то, очевидно, предлагаемый Кропоткинымъ добровольный договоръ личности съ обществомъ есть та же принудительная власть общества надъ личностью, противъ которой Кропоткинъ возстаетъ.

Не трудно показать всю обманчивость примѣровъ Кропоткина, которыми онъ пытается доказать, что самое сложное общественное сотрудничество возможно на основѣ совершенно добровольнаго соглашенія. И международное желѣзнодорожное движеніе, и всемірный почтовый союзъ покоятся не на свободномъ договорѣ, а на принудительной общественной силѣ. Правда, отдѣльныя компаніи, отдѣльныя государства добровольно вступаютъ въ соглашеніе. Но Кропоткинъ забываетъ, что каждая желѣзнодорожная компанія, каждое государство исполняетъ свое дѣло при помощи не добровольцевъ, а наемныхъ рабочихъ, которые работаютъ не изъ любви къ труду, а подъ угрозой голода. Желѣзная дисциплина сковываетъ армію рабочихъ каждой желѣзнодорожной компаніи и только благодаря этой дисциплинѣ отдѣльныя компаніи такъ легко согласовываютъ движеніе своихъ поѣздовъ. Непонятно, какимъ образомъ въ добровольныхъ соглашеніяхъ капиталистовъ, обладающихъ принудительной властью надъ арміями наемныхъ рабочихъ, Кропоткинъ усматриваетъ доводъ въ пользу возможности сложныхъ хозяйственныхъ организацій безъ всякой принудительной власти.

Вотъ, если бы Кропоткинъ привелъ примѣръ добровольнаго сотрудничества сотенъ тысячъ рабочихъ, безъ всякаго общественнаго контроля и принудительнаго руководительства, этотъ примѣръ былъ бы сильнымъ доводомъ въ пользу возможности анархическаго общества. Но, конечно, такого примѣра Кропоткинъ не могъ бы привести, такъ какъ вполнѣ анархическій строй — и это нужно твердо признать—есть безусловная невозможность.

V.

Трудность осуществленія анархическаго общества заключается въ томъ, что въ общественномъ хозяйствѣ необходима строгая пропорціональность частей. Общество нуждается въ опредѣленномъ количествѣ хлѣба, мяса, тканей, желѣза, стекла, дерева и т. д. и т. д. Если желѣза, или мяса, или дерева изготовлено больше чѣмъ нужно, то излишнее количество, относительно, по крайней мѣрѣ, безполезно. Въ настоящее время, при капиталистическомъ хозяйствѣ, эта пропорціональность производства достигается весьма сложнымъ образомъ черезъ посредство рынка, путемъ колебанія рыночныхъ цѣнъ товаровъ. Когда капиталистическое товарное хозяйство исчезнетъ, то пропорціональность общественнаго производства должна достигаться путемъ планомѣрнаго распредѣленія общественнаго труда. Безъ этой планомѣрности немыслимо общественное хозяйство, а эта планомѣрность можетъ быть создана только общественнымъ руководительствомъ всего общественнаго процесса производства.

Если бы каждый производилъ, что ему вздумается, какъ это предполагаютъ анархисты (въ томъ числѣ и Прудонъ — его планъ мѣнового банка несостоятеленъ именно потому, что организація обмѣна еще не обезпечиваетъ пропорціональности общественнаго производства), то изготовлялись бы не тѣ продукты и не въ такихъ пропорціяхъ, какъ это требуется обществомъ, и, слѣдовательно, общество терпѣло бы экономическую нужду, голодало бы благодаря неорганизованности общественнаго производства. Анархія производства въ строѣ будущаго, при отсутствіи тѣхъ силъ, которыя въ настоящее время обезпечиваютъ хотя и весьма грубую пропорціональность общественнаго хозяйства, могла бы повести къ уничтоженію всякаго хозяйства.

Анархическое производство мыслимо лишь при томъ условіи, что каждый будетъ добровольно подчинять всѣ свои интересы общественнымъ и производить всегда именно тѣ продукты, въ которыхъ нуждается общество. Потому анархическій идеалъ полной свободы личности отъ общественнаго принужденія можетъ получить осуществленіе лишь при совершенномъ преобразованіи человѣческой личности.

Есть только одна область человѣческой дѣятельности, въ которой и теперь возможна и необходима полная свобода — это область высшаго, умственнаго, творческаго труда. Въ этой области никакая власть большинства надъ меньшинствомъ не можетъ быть терпима. Всякая попытка подчинить общественному контролю творческій трудъ равносильна огромному пониженію его производительности, и, слѣдовательно, огромной потерѣ для общества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этой области отнюдь не требуется той строгой пропорціональности, которая составляетъ такое необходимое условіе хозяйственнаго труда. Общество не испытываетъ никакихъ страданій оттого, что въ одну эпоху преобладаетъ одинъ родъ искусства, въ другую — другой. Если картинъ написано больше или меньше, чѣмъ требуется общественнымъ спросомъ, то страдаютъ или выигрываютъ отъ этого преимущественно сами художники. Во всякомъ случаѣ, всякія внѣшнія мѣры воздѣйствія были бы въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстны. Союзы людей творческаго труда — художественныя, научныя и литературныя общества, уже и теперь имѣютъ характеръ вполнѣ свободныхъ соглашеній и воплощаютъ собой анархическій идеалъ. Въ обществѣ будущаго такіе свободные анархическіе союзы должны получить, конечно, гораздо большее распространеніе, но основой хозяйственнаго строя общества они не будутъ до тѣхъ поръ, пока эгоистическіе мотивы не исчезнутъ безъ остатка въ душѣ человѣка.

ГЛАВА VIII.

Соціалистическій строй будущаго.

I. Различныя системы соціализма.—II. Природа соціалистическаго государства — III. Внѣшняя экономическая политика соціалистическаго государства. Борьба за рынки при соціализмѣ.—IV Недостаточность коммунальнаго соціализма.—V. Міровыя организаціи соціализма —VI. Государственное управленіе производствомъ и распредѣленіемъ продуктовъ —VII. Выгоды и невыгоды централистическаго соціализма.—VIII. Муниципальный соціализмъ.—IX. Трудовая кооперація, какъ элементъ анархическаго хозяйства при соціализмѣ. Соціалистическія общины и соціалистическія артели.—X. Городъ и деревня при соціализмѣ.—XI. Сложность хозяйственнаго строя соціалистическаго общества.—XII. Соціализмъ и коммунизмъ.

I.

Различныя системы соціалистическаго строя многочисленны и разнообразны, при чемъ многія изъ нихъ заключаютъ въ себѣ существенныя и глубокія принципіальныя различія. Тѣмъ не менѣе, всѣ онѣ имѣютъ другъ съ другомъ нѣчто общее, дающее возможность объединять ихъ всѣ въ одно общее понятіе соціализма. Этимъ общимъ является стремленіе замѣнить существующій стихійный строй общественнаго хозяйства опредѣленнымъ планомъ, вытекающимъ изъ извѣстныхъ правовыхъ принциповъ и не допускающимъ эксплоатацію однихъ членовъ общества другими.

Въ то же время ни одна изъ этихъ системъ не можетъ быть признана исчерпывающей и устраняющей остальныя.

Въ настоящее время всего болѣе сочувствія къ себѣ вызываетъ государственный соціализмъ. Сочувствіе это вытекаетъ изъ совершенно правильнаго соображенія, что соціалистическая организація хозяйства можетъ въ наибольшихъ размѣрахъ поднять производительность общественнаго труда лишь въ томъ случаѣ, если она осуществляется въ достаточно крупномъ масштабѣ, каковой достижимъ лишь въ

рамкахъ цѣлаго государства. Чѣмъ обширнѣе хозяйственная единица, тѣмъ бо́льшая планомѣрность возможна въ хозяйственныхъ процессахъ, ибо планомѣрность эта не можетъ выходить за предѣлы данной организаціи.

Если мы предположимъ, что хозяйственной единицей является небольшая община (какъ въ системахъ коммунальнаго соціализма), то планомѣрная организація хозяйства будетъ ограничиваться узкими предѣлами данной общины. Отношенія же между отдѣльными общинами будутъ лишены какой бы то ни было планомѣрности, ибо для такой планомѣрности пришлось бы предположить какую-то хозяйственную организацію, стоящую выше общины, что исключается самымъ существомъ коммунальнаго соціализма.

Точно также и синдикальный соціализмъ допускаетъ возможность планомѣрной организаціи лишь внутри данной производительной ассоціаціи, отношенія же между отдѣльными производительными ассоціаціями остаются непланомѣрными и неурегулированными.

Вотъ почему современная соціалистическая мысль признаетъ возможнымъ рѣшеніе соціалистической проблемы лишь въ широкихъ рамкахъ государства.

Дѣйствительно, современное государство представляетъ собой обширную территорію съ многомилліоннымъ населеніемъ. Въ предѣлахъ этой обширной территоріи наблюдается значительное разнообразіе естественныхъ условій и соотвѣтственно этому значительное раздѣленіе общественнаго труда. При планомѣрной организаціи хозяйства всего огромнаго цѣлаго—государства—производительность общественнаго труда можетъ быть поднята до такого уровня, который совершенно недостижимъ при организаціи хозяйства лишь внутри небольшой общины или производительной ассоціаціи.

II.

Однако, я лично не думаю, чтобы государственный соціализмъ былъ дѣйствительно послѣднимъ словомъ соціалистической мысли.

Современное государство уже потому не пригодно въ качествѣ основы соціалистической организаціи, что оно создалось въ результатѣ стихійнаго хода историческаго процесса, а не какого-либо разумнаго замысла или плана, между тѣмъ какъ сущность соціализма заключается, какъ сказано, въ стремленіи подчинить общественное хозяйство какому-либо разумному плану, опредѣленной правовой идеѣ.

Поэтому государства нашего времени такъ различны по своей площади и по количеству своего населенія. Поэтому такъ случайны границы между отдѣльными государствами.

Нѣкоторые народы, обладающіе всѣми условіями для самостоятельной государственности, не образуютъ самостоятельныхъ государствъ, благодаря насилію надъ ними другихъ народовъ (Польша); наоборотъ, другія государства существуютъ, хотя составляющіе ихъ народы стремятся къ разъединенію и образованію нѣсколькихъ самостоятельныхъ государствъ (Австро-Венгрія).

Міровая война нашего времени поставила на очередь вопросъ преобразованіи политической карты Европы. И хотя, какъ можно думать, непосредственные результаты войны въ этой области будутъ сравнительно скромны и политическія границы государствъ измѣнятся не очень значительно, все же принципъ самоопредѣленія народовъ, провозглашен-

мый, какъ основа будущаго политическаго строя міра, значитъ самъ по себѣ чрезвычайно много.

Если бы этотъ принципъ былъ проведенъ въ жизнь, то онъ знаменовалъ бы собой полное уничтоженіе современнаго государства. Ибо почти всѣ современныя государства—во всякомъ случаѣ, всѣ такъ назыв. великія державы—построены на подавленіи свободы самоопредѣленія тѣхъ или иныхъ народовъ и подлежатъ, слѣдовательно, разложенію.

Нечего и говорить, что колоніальныя владѣнія великихъ державъ представляютъ собой очевиднѣйшія проявленія политическаго насилія и подавленія воли народовъ, населяющихъ соотвѣтствующую территорію. Но и помимо колоній, политическое насиліе опредѣлило, въ большей или меньшей мѣрѣ, взаимныя границы всѣхъ современныхъ государствъ, а отнюдь не свободное желаніе соотвѣтствующихъ народовъ.

Если бы въ настоящее время населенію была предоставлена полная свобода государственнаго самоопредѣленія, то это самоопредѣленіе совершилось бы, главнымъ образомъ, на основѣ національнаго принципа. Каждая національность стремилась бы обособиться въ самостоятельное политическое тѣло.

Однако, построеніе государства на національной основѣ во многихъ случаяхъ совершенно неосуществимо по той причинѣ, что различныя національности территоріально не обособлены другъ отъ друга и живутъ на одной и той же территоріи.

Въ этомъ отношеніи особенно наглядньмъ примѣромъ является народъ съ такими рѣзко выраженными національными чертами, какъ евреи. Чтобы образовать національное государство, евреи должны предварительно совершить грандіозное переселеніе—собраться со всѣхъ концовъ міра въ какую-либо одну страну.

Но какова бы ни была эта страна—хотя бы Палестина—она не является пустыней и, слѣдовательно, образованіе въ ней еврейскаго государства нарушило бы права того народа. который уже теперь живетъ въ ней, нарушило бы принципъ національнаго самоопредѣленія.

Точно также въ Австріи во многихъ областяхъ различныя національности не могутъ произвести между собой размежеванія территоріи, такъ какъ они живутъ смѣшанно другъ съ другомъ въ предѣлахъ той же территоріи.

Но и помимо невозможности созданія чисто-національныхъ государствъ, національный принципъ, сверхъ того, и прямо нежелателенъ въ качествѣ основы самостоятельнаго государственнаго строительства.

Національный принципъ пріобрѣлъ въ наше время такое первенствующее значеніе лишь потому, что теперь одна національность обычно подавляетъ другую. Лишь насиліе надъ правомъ каждой національности къ культурному самоопредѣленію приводитъ къ тому, что угнетенная и подавленная національность начинаетъ стремиться къ самостоятельной государственности. Гдѣ этого нѣтъ, гдѣ всѣ національности пользуются полной свободой культурнаго самоопредѣленія, тамъ самыя различныя національности превосходно уживаются другъ съ другомъ и никакого стремленія къ политическому обособленію не обнаруживаютъ.

Примѣромъ могутъ служить въ Европѣ Швейцарія, а въ Новомъ Свѣтѣ—Соединенные Штаты Сѣверной Америки.

Національный принципъ отнюдь не является, такимъ образомъ, естественной основой государственнаго строительства.

Историческое государство, какъ правильно училъ Марксъ, есть организація, прежде всего, классового господства и насилія; государство выросло изъ классового общества, и съ прекращеніемъ классового насилія, съ установленіемъ соціалистическаго строя, естественно исчезнетъ и современное государство.

Правда, это отнюдь не значитъ, что соціалистическое общество упразднитъ, за ненадобностью, всѣ элементы современнаго государственнаго строя. Политическая власть, во всякомъ случаѣ, останется, ибо безъ политической власти была бы невозможна та сложная организація общественнаго хозяйства въ широкихъ размѣрахъ, которая требуется соціализмомъ.

Если бы предположить соціалистическій строй въ формѣ коммунальнаго соціализма, то необходимость въ особой организаціи политической власти могла бы совершенно отпасть, такъ какъ общественная организація въ этомъ случаѣ была бы слишкомъ простой и не требовала бы особаго политическаго аппарата.

Но такъ какъ соціалистическая организація будущаго неизбѣжно должна выйти далеко за предѣлы небольшой общины, то необходимъ и особый политическій аппаратъ, необходима особая организація управленія, необходимо народное представительство и необходимо правительство.

Такимъ образомъ, извѣстные элементы государственности неизбѣжно сохранятся и въ соціалистическомъ обществѣ. Но эта соціалистическая государственность будетъ очень глубоко отличаться отъ современной.

Отличія эти будутъ вытекать изъ совершенно разной задачи соціалистической государственности и современной.

Современная государственность является, какъ сказано, на первомъ планѣ организаціей классового господства и лишь на второмъ планѣ организаціей общественной культуры. Соотвѣтственно этому современное государство на первый планъ выдвигаетъ содержаніе арміи и военнаго флота, какъ средство подчиненія себѣ другихъ народовъ и укрѣпленіе власти правящихъ классовъ.

Благодаря соціальной борьбѣ внутри современнаго государства, борьбѣ, вызываемой классовой эксплоатаціей однихъ и противодѣйствіемъ этой эксплоатаціи со стороны другихъ, правительство въ современномъ государствѣ можетъ достигать своихъ цѣлей лишь путемъ организованнаго физическаго насилія, или, точнѣе, угрозой такового, безъ чего современная власть оказывается безпомощной и неспособной ни къ какому положительному дѣлу.

Въ соціалистическомъ обществѣ соціальная борьба прекратится за полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо поводовъ къ ней. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекратятся и войны по той же самой причинѣ.

Борьба за рынки, являющаяся въ наше время главнѣйшимъ поводомъ къ войнамъ, непосредственно вызывается капиталистической организаціей народнаго хозяйства. При соціалистической организаціи хозяйства эта борьба утратитъ свое значеніе.

Такимъ образомъ, главное (конечно, не единственное) содержаніе современной государственности — политическая борьба за предѣлами государства и соціальная борьба, въ защиту господствующихъ классовъ, внутри его — отпадаетъ въ соціалистическомъ обществѣ. Соціалистическая власть будетъ преслѣдовать лишь культурныя цѣли и, прежде всего, цѣли организаціи общественнаго хозяйства.

Это глубокое измѣненіе цѣлей государственной власти должно глубоко измѣнить и самый ея характеръ.

Конечно, элементъ принужденія останется и при соціалистической государственности до тѣхъ поръ, пока не измѣнится природа самого человѣка и человѣкъ не научится добровольно подчинять свои интересы общимъ. Пока это не наступитъ, принужденіе будетъ неизбѣжно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда отдѣльная личность будетъ отказываться подчинять общему свой личный интересъ. Но принужденіе въ общихъ интересахъ глубоко отличается отъ классового насилія нашего времени, насилія эксплоататоровъ надъ эксплоатируемыми.

Элементъ принужденія, если и останется при соціалистической государственности, то въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ нынѣ, и, что особенно существенно, этотъ элементъ принужденія будетъ опираться на правовую идею интересовъ большинства, а не основываться на голомъ фактѣ силы, какъ въ классовомъ государствѣ нашего времени.

Итакъ, государство останется и при соціалистическомъ строѣ, хотя и существенно измѣнившись въ своей внутренней природѣ—оно явится организаціей культуры, а не классового господства.

Но соціалистическое государство будущаго въ большинствѣ случаевъ не будетъ совпадать съ современнымъ по своей территоріи. Территоріи современныхъ государствъ сложились въ результатѣ многовѣковой борьбы ихъ другъ съ другомъ. Съ точки зрѣнія хозяйственной цѣлесообразности границы отдѣльныхъ государствъ потребуютъ огромныхъ измѣненій и только послѣ такихъ измѣненій возможно станетъ раціональное построеніе соціалистическаго хозяйства.

Политическая карта міра должна быть въ корнѣ измѣнена при образованіи соціалистической государственности. Одни государства будутъ раздроблены и уменьшены, другія увеличены въ своихъ размѣрахъ—причемъ всѣ эти измѣненія будутъ опредѣлены всецѣло соображеніями хозяйственной цѣлесообразности.

Каждое государство будетъ охватывать территорію, которая, съ точки зрѣнія интересовъ наибольшаго развитія производительныхъ силъ, должна имѣть общее хозяйственное управленіе изъ одного хозяйственнаго центра.

Нѣчто подобное—глубокое измѣненіе границъ отдѣльныхъ государствъ, раздробленіе однихъ и расширеніе другихъ, присоединеніе однихъ государствъ къ другимъ и раздѣленіе государственныхъ тѣлъ на части,—можетъ показаться величайшей утопіей, которая для своего осуществленія потребовала бы нѣсколько вѣковъ кровопролитнѣйшихъ войнъ.

Однако, кажущаяся трудность этого процесса преобразованія политической карты міра вполнѣ мнима и создается тѣмъ, что мы не можемъ отрѣшиться отъ идеи современнаго государства и не можемъ стать на точку зрѣнія соціалистической государственности.

Конечно, границы современныхъ государствъ не могутъ быть измѣнены безъ войны. Но почему? Потому, что современное государство цѣликомъ основывается на силѣ, а не на правѣ, а силу можно сокрушить только другой силой.

Сила—не только основа современной государственности, но и цѣль ея. Увеличеніе политическаго могущества государства, расширеніе его границъ, есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ государственной политики нашего времени. Поэтому кажется совершенно невозможнымъ и даже

нелѣпымъ, чтобы государство добровольно, безъ внѣшняго насилія, отказалось отъ части своей территоріи.

Но если мы станемъ на точку зрѣнія соціалистической государственности, то дѣло приметъ совершенно иной видъ. Въ соціалистическомъ государствѣ не можетъ быть и рѣчи о подавленіи правъ одной части населенія другой, о внутренней борьбѣ и соціальномъ угнетеніи какого бы то ни было рода. Гражданинъ соціалистическаго государства отнюдь не будетъ усматривать въ гражданахъ другихъ государствъ своихъ враговъ.

Конечно, національныя различія останутся и при соціализмѣ. Но національныя различія ни малѣйшимъ образомъ не являются, сами по себѣ, основаніемъ для національной вражды. Примѣръ Швейцаріи лучше всего убѣждаетъ, что народы очень различныхъ національностей—и, притомъ, національностей, которыя, будучи обособлены въ самостоятельныя государства, полны другъ къ другу самой острой національной ненависти, какъ у французовъ по отношенію къ нѣмцамъ,—могутъ отлично уживаться другъ съ другомъ и чувствовать себя гражданами общаго отечества.

Если это удалось капиталистическому государству нашего времени, какъ Швейцарія, то почему то же самое окажется недостижимымъ для соціалистическаго государства будущаго, въ которомъ не будетъ мѣста для какой бы то ни было соціальной борьбы и какого бы то ни было угнетенія?

Если же мы предположимъ полное прекращеніе національной вражды и исчезновеніе того обостреннаго государственнаго патріотизма, который питается взаимной борьбой государствъ нашего времени, то насъ не удивитъ возможность въ будущемъ глубочайшаго измѣненія государственныхъ границъ по добровольному взаимному соглашенію, безъ борьбы какого бы то ни было рода.

Въ настоящее время каждое государство, въ предѣлахъ своей территоріи, явившейся результатомъ длиннаго ряда войнъ, ограждаетъ свои сепаратные интересы, нисколько не думая о другихъ. Въ международной политикѣ господствуетъ, какъ извѣстно, совершенно зоологическій государственный эгоизмъ, безъ всякой узды нравственнаго чувства и долга. Уродливый патріотизмъ нашего времени, получившій такое пышное развитіе во время міровой войны, является лучшей иллюстраціей того, до какой степени солидарность лицъ, принадлежащихъ къ одному же государству, можетъ приводить къ подавленію сознанія своихъ обязанностей по отношенію къ гражданамъ другого государства.

III.

Съ исчезновеніемъ ядовитыхъ міазмовъ, насыщающихъ политическую атмосферу современной жизни, распаденіе народовъ міра на отдѣльныя государства можетъ произойти, безъ всякихъ треній и безъ всякой борьбы, на основѣ хозяйственной цѣлесообразности.

Отдѣльныя соціалистическія государства не будутъ чувствовать себя обособленными политическими организаціями, опасающимися своихъ сосѣдей и постоянно готовыми силой отвѣчать на силу—но штатами единаго мірового государства.

Этимъ самымъ будетъ достигнутъ такой огромный шагъ впередъ въ области развитія производительныхъ силъ общества, размѣры котораго трудно и предугадать.

Дѣйствительно, вспомнимъ, какимъ тормозомъ для хозяйственнаго прогресса нашего времени являются таможенные барьеры на границахъ каждаго государства, равно какъ и всякаго рода затрудненія и препятствія къ свободному размѣщенію населенія между различными государствами.

Почти всѣ крупныя государства современности стремятся къ идеалу „автаркіи"—къ тому, чтобы каждое изъ нихъ возможно менѣе зависѣло отъ остальныхъ и удовлетворяло своимъ потребностямъ, по возможности, своимъ собственнымъ производствомъ.

Для этого одни государства прибѣгаютъ къ аграрному протекціонизму, другія къ промышленному, или къ тому и другому вмѣстѣ.

Но всякій протекціонизмъ, если онъ имѣетъ постоянный или длительный характеръ (а именно таковъ протекціонизмъ нашего времени) является растратой національнаго богатства, ибо благодаря протекціонизму населеніе лишается возможности наиболѣе производительно использовать свои особыя преимущества и естественныя богатства. Покупая продукты туземнаго происхожденія по болѣе дорогой цѣнѣ, чѣмъ можно было бы пріобрѣсть на открытомъ рынкѣ иностранные продукты, страна соотвѣтственно сокращаетъ свое національное богатство.

Это основное возраженіе противъ протекціонизма утратило бы свое значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы протекціонистскія пошлины имѣли временный характеръ, какъ это обычно и предполагается теоріей протекціонизма.

Теорія эта указываетъ, что новыя отрасли производства въ молодой странѣ не могутъ получить развитія, если имъ приходится конкурировать съ окрѣпшей промышленностью старыхъ странъ, производящихъ тѣ же продукты по такой низкой цѣнѣ, которая недостижима для начинающихъ странъ. Временное огражденіе покровительственной пошлиной производства молодой страны отъ иностранной конкуренціи является лучшимъ средствомъ развить туземную промышленность, которая по истеченіи извѣстнаго времени, упрочившись и окрѣпнувъ, получитъ возможность изготовлять продукты по такой же цѣнѣ, какъ и болѣе старая промышленность другихъ странъ.

Противъ этой защиты протекціонизма возразить нечего, но вся она покоится на предположеніи, что покровительственная пошлина имѣетъ временный характеръ и съ теченіемъ времени уступаетъ мѣсто свободной торговлѣ.

Между тѣмъ, опытъ показываетъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ современный протекціонизмъ имѣетъ характеръ не временной, но постоянной мѣры торговой политики. Въ особенности это очевидно по отношенію къ аграрному протекціонизму, который ни малѣйшимъ образомъ не разсчитываетъ когда-либо самъ себя упразднить въ виду достиженія своей цѣли.

Защитники аграрнаго протекціонизма, хотя бы въ Германіи, отнюдь не думаютъ, что съ теченіемъ времени германское земледѣліе, развившееся благодаря покровительственнымъ пошлинамъ, получитъ возможность не нуждаться въ послѣднихъ. Наоборотъ, германскіе аграріи прекрасно сознаютъ, что какъ бы ни были велики успѣхи германскаго сельскаго хозяйства, производить продукты по такой низкой цѣнѣ, какъ страны экстенсивной сельскохозяйственной культуры—Россія, Америка, Австралія—Германія не можетъ.

Германское сельское хозяйство всегда будетъ нуждаться въ покровительственной пошлинѣ, чтобы выдерживать конкуренцію на внут-

реннемъ германскомъ рынкѣ съ иностранными сельскохозяйственными продуктами. Тѣмъ не менѣе, Германія и не думаетъ отказываться отъ этихъ пошлинъ, чрезвычайно удорожающихъ предметы питанія населенія.

Мотивомъ является (помимо сепаратныхъ интересовъ аграрныхъ классовъ) стремленіе возможно менѣе зависѣть въ дѣлѣ національнаго питанія отъ иностранцевъ.

Ради этой цѣли Германія ежегодно переплачиваетъ на сельскохозяйственныхъ продуктахъ сотни милліоновъ и милліарды марокъ. Другія страны дѣлаютъ то же по отношенію къ промышленнымъ продуктамъ.

Возьмемъ, напр., Россію. Сколько времени въ Россіи существуетъ не только покровительственный, но даже запретительный тарифъ по отношенію къ важнѣйшимъ произведеніямъ промышленности и какъ слаба, несмотря на это, наша промышленность. Очевидно, нашъ промышленный протекціонизмъ, подобно германскому аграрному протекціонизму, не ведетъ къ собственному упраздненію. Страна продолжаетъ переплачивать, пріобрѣтая продукты туземной промышленности и сокращая, благодаря этимъ переплатамъ, свое національное богатство.

Если бы мы предположили упраздненіе всѣхъ этихъ таможенныхъ барьеровъ, то, благодаря общественному раздѣленію труда, въ каждой данной странѣ получили бы преимущественное развитіе тѣ именно отрасли общественнаго труда, въ которыхъ данная страна, по своимъ естественнымъ и инымъ условіямъ, всего сильнѣе.

Соціалистическія государства, не стремящіяся къ увеличенію своего могущества за счетъ другихъ и не опасающіяся другъ друга, предоставляющія полную свободу своимъ гражданамъ переселяться изъ одного государства въ другое, не имѣли бы никакихъ основаній придавать хозяйственному развитію страны искусственное направленіе, не соотвѣтствующее ея естественнымъ условіямъ.

Конечно, нельзя говорить о свободѣ торговли въ соціалистическомъ государствѣ, такъ какъ въ немъ вообще современной торговли не будетъ. Однако, международный обмѣнъ сохранится и при соціализмѣ, съ тѣмъ, однако, существеннымъ различіемъ сравнительно съ современнымъ положеніемъ дѣла, что теперь этотъ обмѣнъ находится въ рукахъ частныхъ предпринимателей-капиталистовъ, преслѣдующихъ цѣли личнаго барыша, а въ соціалистическомъ государствѣ международный обмѣнъ будетъ сосредоточенъ въ рукахъ государства.

Государство получаетъ въ этомъ случаѣ возможность совершенно подчинить международный обмѣнъ цѣлямъ своей хозяйственной политики и, если бы пожелало, оно могло бы безъ всякихъ пошлинъ воспрепятствовать ввозу въ страну любыхъ продуктовъ, ибо всѣ они пріобрѣтаются государствомъ.

Однако, соціалистическое государство не будетъ имѣть мотивовъ искусственно развивать въ своей странѣ однѣ отрасли промышленности за счетъ другихъ, подобно современному государству, ибо соціалистическое государство не будетъ имѣть основаній опасаться въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ другихъ государствъ.

И потому международная хозяйственная политика соціалистическаго государства должна получить совершенно иное направленіе, чѣмъ нынѣ, должна поставить себѣ цѣлью наибольшее использованіе естественныхъ производительныхъ силъ и всѣхъ хозяйственныхъ пре-
ъ своей страны.

Различныя государства эпохи соціализма будутъ относиться другъ къ другу, какъ къ членамъ одной политической семьи обно тому,

какъ относятся другъ къ другу въ наше время отдѣльные штаты федеративнаго государства. Въ однихъ государствахъ будетъ преобладать промышленность, въ другихъ сельское хозяйство, и это никого не будетъ смущать и ни у кого не вызывать опасеній, подобно тому, какъ въ наше время населеніе восточныхъ промышленныхъ штатовъ Сѣверной Америки не видитъ для себя ничего опаснаго въ томъ, что оно не можетъ существовать продуктами своего собственнаго сельскаго хозяйства и нуждается въ подвозѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ съ Запада.

Соціалистическія государства, въ хозяйствѣ которыхъ будетъ преобладать земледѣліе, не будутъ имѣть никакихъ мотивовъ тяготиться необходимостью ввоза промышленныхъ продуктовъ изъ-за границы, подобно тому, какъ населеніе западныхъ сельскохозяйственныхъ штатовъ Сѣверной Америки отнюдь не страдаетъ отъ ввоза промышленныхъ продуктовъ изъ восточныхъ штатовъ.

Правда, и въ соціалистическомъ государствѣ можетъ почувствоваться потребность создать у себя производство тѣхъ продуктовъ, которые до сихъ поръ ввозились изъ-за границы. Осуществить нѣчто подобное соціалистическому государству будетъ не трудно, ибо весь международный обмѣнъ будетъ въ его рукахъ.

Соціалистическое государство просто перестанетъ ввозить соотвѣтствующіе продукты изъ-за границы и начнетъ ихъ изготовлять у себя дома, трудомъ своихъ гражданъ.

Такая замѣна будетъ равносильна сокращенію общественнаго богатства, ибо при этомъ произойдетъ замѣна иностраннаго болѣе дешеваго продукта болѣе дорогимъ туземнымъ. Но это временное лишеніе можетъ быть перевѣшено послѣдующими выгодами: если для развитія новой отрасли производства въ странѣ имѣются соотвѣтствующія внутреннія условія и страна черезъ нѣкоторое время станетъ производить тѣ же продукты по болѣе низкой трудовой стоимости, чѣмъ если бы она ввозила ихъ изъ-за границы, получая ихъ въ обмѣнъ на свои продукты, то страна можетъ пойти на временный ущербъ ради будущаго постояннаго выигрыша.

Однако, соціалистическое государство можетъ принимать подобныя мѣры для развитія въ странѣ новыхъ отраслей производства лишь въ томъ случаѣ, если это обѣщаетъ въ будущемъ удешевленіе соотвѣтствующихъ продуктовъ. Но, конечно, соціалистическое государство не будетъ развивать тѣ или иныя отрасли производства, если такого удешевленія продуктовъ не происходитъ.

Въ этомъ и будетъ заключаться существенное различіе внѣшней хозяйственной политики соціалистическаго и современнаго капиталистическаго государства. Соціалистическое государство будетъ преслѣдовать интересы общаго благосостоянія, а не выгоды отдѣльныхъ общественныхъ группъ.

Для глубокой розни интересовъ между различными государствами при соціалистическомъ строѣ почвы не будетъ.

Правда, и при соціализмѣ возможно вытѣсненіе продуктовъ одного государства на томъ или иномъ внѣшнемъ рынкѣ продуктами другого государства, ибо международный обмѣнъ будетъ продолжаться, и каждая страна, изготовляющая продукты для вывоза, будетъ искать внѣшнихъ рынковъ для своихъ продуктовъ. Тѣмъ не менѣе, внѣшній рынокъ будетъ имѣть въ соціалистической системѣ хозяйства совершенно иной смыслъ и иное значеніе, чѣмъ въ системѣ капитализма.

Капиталистическое хозяйство производитъ избыточный продуктъ, который и ищетъ себѣ помѣщенія на внѣшнемъ рынкѣ *). Капиталистическое хозяйство стремится къ неограниченному расширенію общественнаго производства, но, наталкиваясь на неорганизованность общественнаго хозяйства и вытекающую отсюда непропорціональность отдѣльныхъ его составныхъ частей, приводитъ къ тому, что общественное предложеніе идетъ впереди общественнаго спроса—товаръ ищетъ покупателя, а не покупатель ищетъ товаръ. Отсюда возникаетъ ожесточенная борьба за рынки, составляющая характернѣйшую черту капиталистической хозяйственной системы.

Соціалистическое хозяйство будетъ построено совершенно иначе. Оно будетъ преслѣдовать потребительныя цѣли и ни о какомъ избыточномъ продуктѣ, какъ постоянномъ явленіи, въ предѣлахъ его не можетъ быть и рѣчи. Избыточный продуктъ, конечно, возможенъ и въ соціалистическомъ хозяйствѣ, но лишь, какъ случайное явленіе, какъ результатъ неправильнаго учета общественнаго спроса.

Внѣшній рынокъ будетъ нуженъ соціалистическому государству не какъ средство помѣщенія избыточнаго продукта, но какъ средство увеличенія количества продуктовъ для нуждъ населенія.

Возьмемъ, напр, такое государство, какъ Англія, въ хозяйствѣ которой внѣшній рынокъ играетъ бо́льшую роль, чѣмъ въ хозяйствѣ какой-либо другой страны.

Конечно, и при господствѣ соціализма Англія будетъ нуждаться во внѣшнемъ рынкѣ для сбыта произведеній своего труда, ибо, обмѣнивая свои фабричные продукты на сельскохозяйственные другихъ странъ, она можетъ получить эти продукты по болѣе низкой трудовой стоимости, чѣмъ если бы тѣ-же продукты получались въ самой Англіи.

Разница съ современнымъ положеніемъ дѣла заключается, однако, въ томъ, что теперь производство фабричныхъ продуктовъ въ Англіи для цѣлей экспорта не находится въ непосредственной связи со спросомъ англійскаго населенія на сельскохозяйственные продукты другихъ странъ. Англійскіе фабриканты стремятся въ возможно большемъ количествѣ сбыть свои продукты на всѣхъ рынкахъ міра, гдѣ только имѣется на эти продукты спросъ, менѣе всего думая о потребительномъ спросѣ англійскаго населенія на иностранные продукты.

При соціалистическомъ же строѣ потребительный спросъ англійскаго населенія на иностранные продукты будетъ непосредственно опредѣлять собой размѣры англійскаго вывоза.

Если бы спросъ за границей на фабричныя издѣлія Англіи сократился, то это вызвало бы соотвѣтствующее расширеніе производства сельскохозяйственныхъ продуктовъ внутри страны.

Конечно, такое измѣненіе характера англійскаго производства было бы невыгодно для страны, такъ какъ оно повысило бы трудовую стоимость полученія сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Но это очень далеко отъ промышленныхъ кризисовъ, краховъ, банкротствъ, массовой безработицы и длительныхъ промышленныхъ депрессій, которыя наблюдаются въ связи съ борьбой за рынки въ наше время.

Борьба за внѣшній рынокъ останется и при соціализмѣ. Но эта

*) Въ какомъ смыслѣ можно говорить объ избыточномъ продуктѣ капитализма, это я постарался разъяснить своей теоріей рынка. См. мои книги: «Промышленные кризисы» или «Основы политической экономіи».

борьба приметъ совершенно иной характеръ и не будетъ заключать въ себѣ ничего, угрожающаго международному миру.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что борьба за рынки въ наше время происходитъ не только между различными государствами, но и между отдѣльными районами въ предѣлахъ того же государства.

У насъ въ Россіи уже многіе годы идетъ борьба за рынокъ между донецкой и уральской желѣзодѣлательной промышленностью. Побѣдителемъ въ этой борьбѣ оказывается Донецкій районъ. Однако, борьба эта, хотя она и совершается въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства, со всѣми грозными послѣдствіями ея для побѣжденнаго, вытекающими изъ существа капиталистической системы, отнюдь не приводитъ къ соціальной враждѣ, а тѣмъ менѣе къ гражданской войнѣ.

Уральскіе горнопромышленники и рабочіе примиряются съ неизбѣжнымъ и приспособливаются къ новымъ хозяйственнымъ условіямъ, созданнымъ ростомъ донецкой желѣзодѣлательной промышленности.

Соціалистическія государства будутъ вести борьбу за внѣшній рынокъ въ такихъ же мирныхъ условіяхъ, какъ ведутъ теперь борьбу за рынокъ отдѣльные районы того же государства. Необходимо, къ тому же, имѣть въ виду, что борьба за рынокъ, при господствѣ соціализма будетъ происходить въ совершенно иной обстановкѣ, чѣмъ нынѣ.

Побѣжденному въ этой борьбѣ не будетъ грозить разореніе и нищета. Потеря рынка при соціализмѣ будетъ приводить лишь къ тому, что въ странѣ будетъ производиться, съ добавочной затратой общественнаго труда, часть тѣхъ продуктовъ, которые раньше ввозились изъ-за границы.

IV.

Итакъ, соціалистическое государство будетъ соціальнымъ образованіемъ совершенно иного рода, чѣмъ современное. Съ утратой классовой природы государство утратитъ все то, что въ наше время дѣлаетъ его такимъ непріемлемымъ для многихъ людей съ болѣе чуткимъ сердцемъ.

Коротко говоря, изъ организаціи на первомъ планѣ политическаго и соціальнаго насилія и лишь на второмъ планѣ организаціи культуры государство превращается въ чистую отъ какихъ бы то ни было элементовъ насилія организацію культуры.

Въ такомъ видѣ государство явится неизбѣжной основой соціалистическаго строя будущаго. Ибо безъ этой широкой основы невозможна организація общественнаго хозяйства въ размѣрахъ, требующихся для наибольшаго развитія производительныхъ силъ общества.

Община въ нѣсколько сотъ семействъ, какъ основная ячейка соціалистическаго строя, могла казаться возможной только до эпохи современнаго капитализма. Фурье и Оуэнъ—отцы коммунальнаго соціализма—создавая свои планы соціальнаго устройства, не знали ни о желѣзныхъ дорогахъ, ни о крупномъ производствѣ современнаго масштаба. Они жили въ то время, когда мелкое производство еще было господствующей формой промышленнаго производства, пути сообщенія были примитивны, территоріальное раздѣленіе труда сравнительно ничтожно.

Община, удовлетворяющая трудомъ своихъ членовъ всѣмъ своимъ важнѣйшимъ потребностямъ — отъ этого идеала дышитъ сѣдой древностью. На зарѣ исторіи, въ эпоху господства натуральнаго хозяйства, когда обмѣнъ существовалъ лишь въ слабыхъ зачаткахъ и отнюдь не проникалъ въ толщу хозяйственной жизни, община дѣйствительно была основной ячейкой хозяйственнаго строя. Но наше время уже давно переросло общину и сдѣлало невозможнымъ коммунальный соціализмъ.

Наиболѣе наглядно архаичность этой формы соціализма выступаетъ, если мы подумаемъ о роли въ современномъ хозяйствѣ желѣзнодорожнаго транспорта. Можно-ли серьезно думать въ наше время объ уничтоженіи желѣзныхъ дорогъ и всего того, что съ ними связано въ современной жизни?

Но вѣдь если желѣзныя дороги сохранятся, то коммунальный соціализмъ уже тѣмъ самымъ оказывается недостаточнымъ, въ качествѣ основы соціальнаго строя будущаго. Ибо коммуна не можетъ быть хозяиномъ желѣзной дороги, только на ничтожномъ протяженіи перерѣзывающей территорію коммуны.

Само собою разумѣется, что желѣзная дорога, по самой своей природѣ, требуетъ крупной организаціи общественнаго труда и, притомъ, труда профессіонально опредѣленнаго рода. Десятки и сотни тысячъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ должны управляться изъ единаго центра. И, конечно, всѣ эти люди не могутъ существовать продуктами своего труда, ибо ихъ трудъ заключается въ работѣ на желѣзной дорогѣ. Для поддержанія существованія этихъ людей необходима какая-то иная организація общественнаго труда, а не самоудовлетворяющаяся соціалистическая коммуна.

Итакъ, несостоятельность или, по меньшей мѣрѣ, недостаточность коммунальнаго соціализма бьетъ въ наше время въ глаза. Коммунальный соціализмъ соотвѣтствуетъ гораздо болѣе низкому уровню развитія производительныхъ силъ, чѣмъ достигнутый человѣчествомъ нынѣ. Нашему времени коммунальный соціализмъ кажется архаизмомъ. Отсюда слѣдуетъ, что основой соціалистическаго строя будущаго должно быть неизбѣжно признано преобразованное государство.

V.

Однако, не слѣдуетъ думать, что государство явится самой широкой организаціей, въ предѣлахъ которой будетъ складываться соціалистическое хозяйство.

Наоборотъ, совершенно ясно, что многія очень важныя отрасли общественнаго хозяйства по самой своей природѣ требуютъ рамокъ еще болѣе широкихъ.

Это слѣдуетъ сказать, прежде всего, о средствахъ сообщенія. Уже въ современномъ капиталистическомъ обществѣ эти отрасли хозяйства стремятся пріобрѣсть международный, даже всемірный характеръ, примѣромъ чего является такое своеобразное учрежденіе, какъ всемірный почтовый союзъ.

Настоятельная потребность повела къ тому, что даже государства нашего времени, раздираемыя жестокими войнами, объединились въ области почтово-телеграфнаго дѣла въ мирную культурную организацію. Французская почта, въ мирное время, такъ же исправно перевозилась по германскимъ дорогамъ, какъ и германская по французскимъ.

Правда, всемірный почтовый союзъ не препятствуетъ тому, что каждое отдѣльное государство самостоятельно организуетъ свою почту и самостоятельно управляетъ ею.

Однако, съ точки зрѣнія технической цѣлесообразности, было бы наилучшимъ, если бы почтово-телеграфная организація, обслуживающая, въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго государства, населеніе не только этого государства, но и всего міра, пріобрѣла международный характеръ. Только въ этомъ случаѣ данная организація будетъ стоять на уровнѣ своихъ техническихъ задачъ.

Всемірный почтовый союзъ долженъ превратиться при соціалистическомъ строѣ во всемірную международную организацію всего почтово-телеграфнаго дѣла.

Легко понять насколько улучшится въ этомъ случаѣ передача почтовыхъ посылокъ и телеграммъ. Всѣ члены почтоваго союза страдаютъ, если то или иное государство медленно или неисправно передаетъ почтово-телеграфную корреспонденцію.

Сопротивленіе цѣпи опредѣляется, какъ извѣстно, ея наиболѣе слабымъ звеномъ. Такъ и въ данномъ случаѣ, исправность международнаго почтоваго сообщенія опредѣляется исправностью наиболѣе слабыхъ участниковъ международнаго союза, благодаря чему происходитъ непроизводительная затрата общественнаго труда. Для чего перевозить письмо за тысячи верстъ черезъ нѣсколько государствъ, если въ своемъ пробѣгѣ черезъ одно государство оно теряется?

Всемірная международная организація почтово-телеграфнаго дѣла дастъ возможность достигнуть наибольшей планомѣрности и наибольшей технической цѣлесообразности въ передачѣ извѣстій. Вмѣстѣ съ тѣмъ это сведетъ къ минимуму затраты на это чрезвычайно важное дѣло общественнаго труда.

Конечно, не нужно думать, что все всемірное почтовое дѣло будетъ управляться во всѣхъ деталяхъ изъ одного общаго центра.

На ряду со всемірнымъ центромъ управленія почтово-телеграфными сообщеніями всѣхъ странъ, должны быть и мѣстные центры. Но эти мѣстные центры отнюдь не должны непзбѣжно совпадать съ границами отдѣльныхъ государствъ. Они могутъ включить въ одно цѣлое нѣсколько различныхъ государствъ, равно какъ и раздроблять одно государство на нѣсколько почтово-телеграфныхъ мѣстныхъ центровъ въ зависимости отъ потребностей почтово-телеграфнаго дѣла, совершенно не считаясь съ политическими границами государствъ, до которыхъ почтѣ и телеграфу никакого дѣла нѣтъ.

Такія международныя организаціи, дѣйствующія въ предѣлахъ отдѣльныхъ государствъ, хорошо знакомы уже современному капиталистическому государству. Взять, хотя бы, „Международное общество спальныхъ вагоновъ“, которое такъ много сдѣлало для увеличенія удобства путешествія на дальнія разстоянія.

Но международныя организаціи будущаго должны охватить не только почту и телеграфъ. Въ большей или меньшей степени онѣ должны охватить также и все дѣло парового транспорта, какъ на водѣ, такъ и на сушѣ.

Только-что былъ приведенъ примѣръ одной изъ такихъ международныхъ организацій транспорта уже въ предѣлахъ существующаго общества, примѣръ, показывающій къ какому техническому прогрессу транспортнаго дѣла можетъ приводить международная организація.

Уже теперь въ желѣзнодорожномъ управленіи замѣчается стре-

мленіе къ интернаціонализму. Національныя желѣзнодорожныя сѣти должны слиться въ одну міровую желѣзнодорожную сѣть къ общей выгодѣ всего человѣчества.

Отъ неудовлетворительнаго развитія желѣзнодорожной сѣти въ той или иной странѣ страдаетъ не только она одна, но и всѣ другія страны, которыя пользуются или могли бы пользоваться территоріей данной страны для цѣлей транспорта.

Взять хотя бы великую Сибирскую желѣзную дорогу. Ея международное значеніе очевидно. Слабое развитіе желѣзнодорожной сѣти въ Россіи чрезвычайно задерживаетъ сношенія между Западной Европой и Азіей. Благодаря исключительной международной важности Багдадской дороги, проходящей по территоріи только одного государства, Турціи, проведеніе этой дороги стало возможнымъ только въ результатѣ опредѣленнаго соглашенія великихъ державъ Западной Европы, хозяйственные интересы которыхъ самымъ непосредственнымъ образомъ связываются этой дорогой.

Вообще, для наибольшаго использованія производительныхъ силъ всѣхъ странъ необходимо планомѣрное расширеніе желѣзнодорожной сѣти всего міра—и къ этому стихійно стремится хозяйственное развитіе уже въ предѣлахъ современной капиталистической системы.

То же самое нужно сказать и объ океанскомъ сообщеніи. Фактически торговый флотъ обслуживаетъ всегда торговыя нужды многихъ странъ, а не нужды лишь той страны, которой данный флотъ принадлежитъ на правахъ собственности. Въ настоящее время Англія и, въ меньшей степени, Германія—двѣ руководящихъ капиталистическихъ страны Европы—монополизируютъ торговый океанскій транспортъ всего міра и эксплоатируютъ въ своихъ интересахъ свое морское могущество.

Въ соціалистическомъ обществѣ международная эксплоатація столь же недопустима, какъ и эксплоатація однихъ классовъ общества другими въ предѣлахъ той же страны. А такъ какъ океанскій флотъ, въ силу необходимости, обслуживаетъ не одну, а нѣсколько странъ, то по самому существу дѣла океанское сообщеніе должно стать дѣломъ международной организаціи.

Итакъ, въ большей или меньшей своей части, столь важныя отрасли общественнаго хозяйства, какъ средства сообщенія и транспорта, должны уйти изъ рукъ соціалистическаго государства и перейти въ управленіе и распоряженіе международныхъ организацій, въ которыхъ отдѣльныя государства будутъ лишь равноправными членами.

Соціалистическое хозяйство будущаго не ограничится, такимъ образомъ, рамками отдѣльнаго государства, но въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ получитъ характеръ міровой организаціи той или иной отрасли общественнаго труда.

Средства сообщенія и транспорта являются лишь наиболѣе очевидными примѣрами такихъ отраслей хозяйства, въ которыхъ международная организація требуется самымъ существомъ соотвѣтствующихъ хозяйственныхъ задачъ. Но, несомнѣнно, область международныхъ хозяйственныхъ организацій при соціалистическомъ строѣ будетъ охватывать и многія другія отрасли труда.

Возможно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда та или иная страна обладаетъ естественной монополіей производства извѣстныхъ продуктовъ, имѣющихъ важное международное хозяйственное значеніе, международная организація полученія этого продукта будетъ признана необходимой.

Мѣсторожденія многихъ минераловъ разсѣяны въ очень ограниченныхъ районахъ земного шара, и международная добыча ихъ была бы вполнѣ цѣлесообразна.

Современныя международныя капиталистическія организаціи, международные картели и синдикаты, указываютъ въ предѣлахъ существующаго хозяйственнаго строя естественные пути будущаго хозяйственнаго развитія уже въ условіяхъ соціализма.

Итакъ, самой крупной организаціей соціалистическаго хозяйства будущаго явится не государство, а международные союзы, охватывающіе многія или даже всѣ государства земного шара. Слѣдующей по своимъ размѣрамъ соціалистической организаціей явится соціалистическое государство, долженствующее стать главнымъ средоточіемъ организующихъ хозяйственныхъ силъ соціалистическаго общества.

VI.

Соціалистическое государство станетъ наиболѣе важной хозяйственной организаціей будущаго. Именно оно должно въ большинствѣ случаевъ замѣнить собой современнаго капиталистическаго предпринимателя.

Государство должно занять мѣсто торговца нашего времени. Правда, при соціалистическомъ строѣ современнаго капиталистическаго обмѣна не будетъ, однако, полнаго прекращенія обмѣна ожидать нельзя. Не только въ области международныхъ сношеній обмѣнъ сохранится, но, по всей вѣроятности, также и внутри государства обмѣнъ останется, хотя и въ значительно меньшемъ объемѣ, чѣмъ нынѣ. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что торговля въ современномъ строѣ выполняетъ функцію не только перемѣщенія права собственности на продукты, но и распредѣленія между населеніемъ продуктовъ, въ которыхъ послѣднее нуждается.

Это распредѣленіе между населеніемъ предметовъ потребленія, ложащееся теперь на капиталистическую торговлю, соціалистическое государство возьметъ на себя.

Изготовляемые продукты будутъ поступать въ государственные склады и затѣмъ распредѣляться между потребителями тѣмъ или инымъ способомъ въ соотвѣтствіи со спросомъ на эти продукты.

Непосредственное распредѣленіе продуктовъ между населеніемъ было бы цѣлесообразно поручить органамъ мѣстнаго самоуправленія—муниципалитетамъ. Но въ первой своей стадіи—распредѣленіи продуктовъ между различными областями и районами государства, оно должно непосредственно ложиться на центральную государственную власть.

Что касается совокупности общественнаго производства, то общій планъ его на каждый годъ долженъ, очевидно, также составляться центральной властью, на которую ложится обязанность принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы общественный спросъ получалъ наиболѣе полное удовлетвореніе.

Государственная власть должна непосредственно руководить процессомъ общественнаго производства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это производство не находится въ рукахъ какихъ-либо самоуправляющихся организацій.

Можно думать, что главная масса промышленныхъ продуктовъ будетъ изготовляться въ соціалистическомъ государствѣ подъ непосредственнымъ руководствомъ органовъ государственной власти. Въ

особенности это слѣдуетъ сказать о горнозаводской промышленности, и вообще о тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ уже теперь господствуетъ крупное производство.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда, благодаря синдикатамъ, трестамъ и инымъ капиталистическимъ союзамъ, національное производство того или иного продукта уже теперь объединилось цѣликомъ или въ значительной своей части въ рукахъ одной капиталистической организаціи, переходъ производства въ руки государства можетъ совершиться безъ малѣйшаго затрудненія и диктуется самъ собой.

Государство продолжитъ въ этомъ случаѣ тотъ естественный процессъ промышленнаго развитія, который уже обнаружился съ такой яркостью въ предѣлахъ капиталистическаго общества — процессъ промышленной концентраціи. Концентрація промышленности даетъ возможность поднять до наиболѣе высокаго уровня технику производства по причинамъ двоякаго рода: во-первыхъ, потому что при сосредоточеніи промышленности въ рукахъ одной организаціи возможно придать каждой производительной единицѣ наиболѣе крупные размѣры (конечно, въ предѣлахъ технической и соціальной цѣлесообразности) и, во-вторыхъ, благодаря возможности въ этомъ случаѣ наиболѣе цѣлесообразнаго территоріальнаго размѣщенія производительныхъ единицъ. Извѣстно, что въ Америкѣ при сліяніи многихъ отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятій въ одно промышленное цѣлое, трестъ сплошь и рядомъ закрываетъ нѣкоторыя изъ объединившихся фабрикъ, сосредоточивая производство въ тѣхъ фабрикахъ, которыя по техническимъ или инымъ условіямъ стоятъ выше остальныхъ.

Такъ же будетъ, очевидно, дѣйствовать и соціалистическое государство. Объединивъ въ своихъ рукахъ производство того или иного продукта, оно не будетъ имѣть никакого основанія сохранять въ дѣйствіи всѣ многочисленныя фабрики и иныя промышленныя заведенія, гдѣ этотъ продуктъ производится въ настоящее время.

Наоборотъ, государство должно будетъ выработать планъ организаціи національнаго производства соотвѣтствующаго продукта, исходя изъ точки зрѣнія экономической цѣлесообразности. Каждая производительная единица должна имѣть тѣ размѣры, при которыхъ достигается максимумъ производительности общественнаго труда (съ соблюденіемъ, конечно, интересовъ и самого работающаго человѣка) и эти единицы должны быть распредѣлены по національной территоріи въ соотвѣтствіи съ тѣмъ же самымъ принципомъ.

Для достиженія всего этого необходимо объединеніе національнаго производства въ рукахъ государства, и вотъ почему соціалистическое государство должно взять на себя эту задачу

Вообще, государство должно стать важнѣйшей хозяйственной организаціей соціалистическаго общества. Только при условіи централизаціи возможны стройность, согласованность, пропорціональность во всѣхъ частяхъ общественнаго цѣлаго. Безъ централизаціи не можетъ быть и планомѣрности цѣлаго, такъ какъ эта планомѣрность можетъ быть внесена въ общество только подчиненіемъ отдѣльныхъ его составныхъ частей единому центральному плану. Только при этомъ условіи общественный строй можетъ стать цѣликомъ продуктомъ разумной воли человѣка и наиболѣе полно приспособиться къ общественнымъ нуждамъ и потребностямъ.

VII.

Однако, государственная централизація заключаетъ въ себѣ и огромныя опасности, которыхъ нужно такъ или иначе избѣгнуть. Чѣмъ болѣе централистически организовано общественное хозяйство и чѣмъ большіе размѣры пріобрѣтаетъ эта организація, тѣмъ больше опасности для свободы отдѣльныхъ лицъ. Централизмъ всегда несетъ съ собой и бюрократизмъ—оторванность общественнаго механизма отъ тѣснаго соприкосновенія съ дѣйствительной жизнью, игнорированіе всѣхъ индивидуальныхъ отличій ея. Соотвѣтственно этому возрастаетъ и роль принудительнаго начала власти въ строѣ общественной жизни. Таковъ неустранимый грѣхъ всякаго централизма.

Централизація обѣщаетъ очень много, но нерѣдко эти обѣщанія остаются на бумагѣ. Кромѣ того, не нужно забывать, что въ соціалистическомъ обществѣ не человѣкъ будетъ служить общественному богатству (какъ нынѣ), а общественное богатство будетъ служить нуждамъ человѣка.

Высшей задачей соціалистическаго общества отнюдь не будетъ созданіе наибольшей суммы общественнаго богатства. Правда, современный соціализмъ не только не враждебенъ умноженію матеріальнаго богатства (въ противность соціализму Платона или соціализму христіанства), но усматриваетъ въ богатствѣ огромную положительную цѣнность. Богатство признается соціализмомъ нашихъ дней матеріальной основой культуры, а культурное развитіе человѣчества является само по себѣ высочайшей цѣлью.

Тѣмъ не менѣе, соціалистическое общество будетъ относиться къ умноженію богатства иначе, чѣмъ относится капиталистическое общество. Въ этомъ послѣднемъ богатство достается собственнику хозяйственнаго предпріятія—капиталисту, который самъ своимъ трудомъ въ созданіи богатства не участвуетъ.

Рабочій при господствѣ капитализма является простымъ орудіемъ созданія богатства, и съ точки зрѣнія капиталиста рабочій не отличается принципіально отъ другихъ орудій производства. Рабочій не самоцѣль, а средство—такова основная точка зрѣнія капитализма.

Напротивъ, при господствѣ соціализма работающій человѣкъ становится самоцѣлью. Интересы работающаго человѣка пріобрѣтаютъ рѣшающій характеръ при построеніи системы общественнаго хозяйства.

Такъ какъ умноженіе общественнаго богатства совершается при помощи затраты труда человѣка, то не всякое умноженіе богатства соціализмъ будетъ признавать благомъ. Умноженіе богатства, покупаемое цѣной приниженія личности работающаго человѣка, соціализмъ не только не можетъ считать общественнымъ благомъ, но признаетъ несомнѣннымъ зломъ.

Вотъ съ этой-то точки зрѣнія государственная централизація общественнаго хозяйства и встрѣчаетъ наиболѣе существенныя возраженія.

Можно согласиться съ тѣмъ, что централизація благопріятствуетъ умноженію общественнаго богатства. Если мы представимъ себѣ соціалистическое государство, какъ гигантскую машину, въ которой отдѣльный человѣкъ играетъ роль винтика или колеса, управляемаго движеніемъ всего механизма, то это, быть-можетъ, и поведетъ къ созданію наибольшей суммы общественнаго богатства, но не будетъ соотвѣтство-

вать интересамъ трудящагося человѣка, не желающаго принижать себя до простого подчиненнаго орудія общественнаго цѣлаго.

Въ нашу историческую эпоху борьба идетъ во имя принципа равенства, ибо въ наше время интересы большинства грубо подавляются меньшинствомъ.

Соціализмъ приведетъ къ торжеству равенства. Но высшая цѣль общественнаго союза—соціальный идеалъ—отнюдь не заключается въ наибольшемъ равенствѣ всѣхъ членовъ общественнаго союза.

Равенство, само по себѣ, отнюдь не является положительнымъ благомъ. Неравенство есть несомнѣнное соціальное зло, но устраненіе зла есть лишь первый шагъ въ направленіи къ соціальному идеалу. Соціальнымъ же идеаломъ является не соціальное равенство, а соціальная свобода. Общество совершенно свободныхъ людей—вотъ конечная цѣль общественнаго прогресса.

Съ точки зрѣнія этого высшаго соціальнаго идеала—свободы человѣческой личности—и должны быть оцѣниваемы различные типы соціалистическаго общества.

Централизація соціалистическаго государства, предполагающая строгое подчиненіе личности велѣніямъ центральной власти и передачу этой послѣдней всей хозяйственной иниціативы и всей отвѣтственности за правильный ходъ процесса общественнаго хозяйства, не соотвѣтствуетъ идеалу наибольшей свободы личности.

Правда, отсюда не слѣдуетъ дѣлать вывода, что государственная централизація управленія общественнымъ хозяйствомъ должна быть отвергнута и, что предпочтеніе слѣдуетъ отдать передъ государственнымъ соціализмомъ инымъ системамъ соціализма, допускающимъ большую свободу личной иниціативѣ.

Отнюдь нѣтъ. Планомѣрность общественнаго цѣлаго представляетъ собой такую существенную выгоду, ради которой приходится мириться и съ ограниченіемъ свободы личности. Централизованное соціалистическое хозяйство дастъ возможность достигнуть гораздо большихъ хозяйственныхъ результатовъ, чѣмъ всѣ иныя системы соціалистическаго строя, и потому отказаться отъ государственной организаціи общественнаго хозяйства соціализмъ не можетъ и не долженъ.

Однако, невыгодныя стороны централистическаго соціализма—подавленіе личности общественной организаціей—остаются во всей своей силѣ.

Выводъ отсюда можетъ быть сдѣланъ только одинъ. Необходимъ извѣстный компромиссъ между различными соціалистическими системами. Централистическая система не можетъ быть отвергнута, но она должна быть дополнена и ограничена системами федералистическими, предоставляющими больше свободы человѣческой личности.

Въ систему централистическаго соціализма должны быть вдвинуты элементы федералистическаго соціализма, сохраняющіе подчиненное положеніе и не нарушающіе общаго плана общественнаго хозяйства (въ чемъ заключается сила централистическаго соціализма), но въ то же время ослабляющіе элементъ принужденія, свойственный централистическому соціализму, и освобождающіе общественную иниціативу и самодѣятельность.

VIII.

Прежде всего не нужно забывать, что государственная организація находитъ себѣ выраженіе не только въ центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, но и въ органахъ мѣстнаго самоуправленія. Эти послѣдніе не менѣе центральныхъ учрежденій основаны на принудительномъ началѣ. Но такъ какъ размѣры муниципалитетовъ—публичныхъ самоуправляющихся корпорацій—гораздо меньше государства, то отдѣльная личность гораздо менѣе подавляется въ нихъ общественнымъ цѣлымъ, чѣмъ въ государствѣ.

Муниципальный соціализмъ долженъ идти рядомъ съ государственнымъ соціализмомъ, причемъ муниципалитеты, сами по себѣ, должны образовывать извѣстную іерархію, начиная отъ крупныхъ организацій, охватывающихъ обширные районы и значительныя группы населенія вплоть до самыхъ мелкихъ съ населеніемъ въ нѣсколько тысячъ или даже сотъ семействъ.

Каждая муниципальная организація должна имѣть свое собственное хозяйство, причемъ въ распредѣленіи хозяйственныхъ задачъ между государствомъ и различными муниципалитетами должно быть положено правило, чтобы все, могущее быть выполненнымъ муниципалитетами, возлагалось на послѣдніе. Центральная государственная власть должна брать на себя лишь то, что явно не по силамъ муниципалитету.

Но, конечно, за государствомъ должна остаться общая наблюдающая, направляющая и регулирующая власть, такъ какъ иначе можетъ исчезнуть общій планъ народнаго хозяйства и соотвѣтственно понизиться производительность общественнаго труда.

Итакъ, первымъ коррективомъ къ централизующему началу государственности должно явиться при господствѣ соціализма самое широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія. Государственный соціализмъ долженъ получить свое восполненіе въ муниципальномъ соціализмѣ.

Этого восполненія, однако, далеко недостаточно. Сильной стороной синдикальнаго соціализма является то, что при этой формѣ соціализма производственный процессъ подпадаетъ непосредственному контролю рабочихъ, занятыхъ производствомъ. Благодаря этому рабочій изъ слуги производственнаго процесса превращается въ его господина.

Предположимъ государственную фабрику въ соціалистическомъ строѣ. Рабочіе, работающіе на этой фабрикѣ, являются полноправными гражданами соціалистическаго государства и въ качествѣ таковыхъ принимаютъ извѣстное участіе въ опредѣленіи условій и порядка своей работы.

Однако, участіе это весьма отдаленно и во многихъ случаяхъ почти призрачно, номинально. Рядовой рабочій можетъ вліять на направленіе государственной политики, лишь какъ одинъ изъ милліоновъ избирателей, т.-е. въ самой ничтожной степени. Поэтому, поскольку рабочій выполняетъ предписанія государственной власти и ея органовъ, назначаемыхъ сверху для управленія фабрикой, рабочій подчиняется власти, отъ него фактически почти независящей.

Синдикальный соціализмъ стремится сдѣлать распорядителемъ производственнаго процесса ту самую рабочую группу, которая въ этомъ процессѣ занята. И, конечно, свобода рабочаго гораздо болѣе обезпечена при синдикальной организаціи производства, чѣмъ при государственной.

Поэтому весьма желательно, чтобы при государственной организаціи производства были введены извѣстные элементы синдикализма.

И это вполнѣ возможно. Современная промышленная жизнь выработала типъ фабрикъ, основанныхъ на системѣ такъ назыв. трудового копартнершипа (labour copartnership). На фабрикахъ, основанныхъ на этой системѣ, рабочіе принимаютъ непосредственное участіе въ управленіи фабрикой, выбирая изъ своей среды извѣстное число своихъ представителей въ правленіе.

Нѣчто подобное—постоянное представительство рабочихъ въ управляющихъ органахъ—должно лечь въ основу организаціи государственныхъ и муниципальныхъ фабрикъ при господствѣ соціализма. Рабочей группѣ, занятой въ данномъ дѣлѣ, должно быть предоставлено вліяніе на его направленіе; но, конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ, ибо государство и муниципалитеты не должны выпускать изъ своихъ рукъ контроля надъ національнымъ производствомъ.

IX.

Государство, муниципалитеты — все это органы принудительной власти. И какъ бы демократически ни было организовано государство, все же элементъ принужденія изъ него не можетъ быть устраненъ. На этомъ основаніи вполнѣ законенъ протестъ анархизма противъ государственнаго начала.

Анархизмъ является стремленіемъ къ построенію общественной и, въ частности, хозяйственной жизни на основѣ полной свободы личности, безъ всякаго элемента принужденія.

Какъ господствующій строй хозяйства, анархизмъ невозможенъ до тѣхъ поръ, пока самъ человѣкъ не станетъ совершенно инымъ. Однако, уже современная хозяйственная жизнь показываетъ, что на ряду съ принудительнымъ началомъ организаціи хозяйственнаго труда возможна и свободная организація послѣдняго.

Такой свободной хозяйственной организаціей нашего времени является въ большей или меньшей степени вся область кооперации.

Кооперативная организація хозяйства тѣмъ принципіально отличается отъ другихъ формъ общественнаго хозяйства—государственнаго или муниципальнаго, что кооперативныя объединенія возникаютъ совершенно свободно, безъ малѣйшаго принужденія со стороны.

Никто не принуждаетъ членовъ потребительнаго общества или кредитнаго товарищества вступать въ составъ членовъ, и никто не препятствуетъ каждому члену выходить изъ этихъ организацій, если онѣ перестаютъ удовлетворять его запросамъ.

И, несмотря на эту свободу своей внутренней организаціи, кооперативныя товарищества не только оказываются вполнѣ жизнеспособными хозяйственными организаціями, но и могутъ похвалиться такимъ огромнымъ успѣхомъ и такимъ быстрымъ ростомъ, какіе являются почти безпримѣрными въ хозяйственной исторіи человѣчества.

Въ составъ этихъ организацій входятъ нынѣ многія десятки милліоновъ членовъ во всѣхъ государствахъ земного шара.

Въ Россіи мы были свидѣтелями за послѣднее десятилѣтіе такого стремительнаго развитія кооперации, которое могло показаться, принимая въ соображеніе хозяйственную отсталость нашей страны и крайне неблагопріятныя для всякой общественной самодѣятельности политическія условія въ эпоху самодержавія, прямо невѣроятнымъ.

Чего же можно ожидать отъ кооперацiи въ будущемъ, въ эпоху соцiализма?

Вопросъ этотъ очень важенъ и, насколько мнѣ извѣстно, совершенно не освѣщенъ въ литературѣ. Исторически, кооперацiя выросла изъ соцiализма, но затѣмъ пошла своей особой дорогой, отнюдь не сливаясь съ соцiалистическимъ движенiемъ и преслѣдуя свои особыя цѣли.

Противоположность между кооперацiей и государственнымъ соцiализмомъ бросается въ глаза. Однако, нужно ясно понять границы той хозяйственной свободы, которая существуетъ внутри кооперацiи.

Кооперативное предпрiятiе возникаетъ по добровольному согласiю его членовъ и никакого элемента принужденiя нельзя усматривать въ той связи, которая объединяетъ въ одно общественное цѣлое членовъ кооператива.

Тѣмъ не менѣе, было бы совершенно ошибочно думать, что кооперативная организацiя нашего времени вообще лишена элементовъ принужденiя. Эти элементы въ ней имѣются, но въ совершенно опредѣленной области.

Хозяйственныя отношенiя членовъ кооператива имѣютъ вполнѣ свободный характеръ, но трудъ въ кооперативѣ, какъ общее правило, организованъ столь же принудительно, какъ и въ капиталистическомъ предпрiятiи.

Кромѣ такъ назыв. трудовыхъ кооперативовъ (производительныя, трудовыя и производительно-подсобныя артели), всѣ остальные кооперативы покоются на началахъ наемнаго труда, при чемъ нанимаемый рабочiй совершенно въ той же мѣрѣ принуждается экономической нуждой работать, взамѣнъ получаемой имъ платы, въ пользу кооператива, какъ и при капиталистической системѣ хозяйства. Кооперативъ эксплоатируетъ своего наемнаго рабочаго, какъ и капиталистическое предпрiятiе.

Значитъ, нетрудовые кооперативы не могутъ разсматриваться, какъ вполнѣ свободныя хозяйственныя организацiи. Ихъ свобода ограничена съ самой существенной стороны—это свобода работодателей, располагающихъ трудомъ рабочихъ, принужденныхъ экономической необходимостью работать въ пользу своихъ нанимателей.

Нетрудовые кооперативы этого рода построены на началѣ свободы въ томъ же смыслѣ, въ какомъ это можно сказать и о любомъ коллективномъ капиталистическомъ предпрiятiи; напр., о синдикатѣ капиталистовъ или акцiонерной компанiи, члены которыхъ также совершенно свободно вошли въ хозяйственное соглашенiе другъ съ другомъ. Но эта свобода нанимателей труда имѣетъ своимъ естественнымъ основанiемъ отсутствiе свободы у того рабочаго, который за плату работаетъ на своихъ хозяевъ.

Однако, среди кооперативовъ имѣются и такiе, которые не основаны на наемномъ трудѣ—трудовые кооперативы. Эти послѣдние являются, дѣйствительно, во всѣхъ отношенiяхъ свободными хозяйственными организацiями, ни съ какой стороны не опирающимися на принужденiе.

Правда, именно благодаря этому трудовые кооперативы при современныхъ условiяхъ хозяйства оказываются наименѣе жизнеспособными и распространенными, представляя въ этомъ отношенiи разительный контрастъ съ кооперативами, основанными на наемномъ трудѣ.

Но по той же самой причинѣ, по которой въ капиталистическомъ

обществѣ только кооперативы, основанные на наемномъ трудѣ, могутъ имѣть успѣхъ, въ соціалистическомъ обществѣ для всѣхъ этихъ кооперативовъ мѣста не найдется.

Всѣ кооперативы, основанные на наемномъ трудѣ, объединяютъ тѣ или другія группы собственниковъ. Уничтоженіе труда упразднитъ въ соціалистическомъ обществѣ всю эту кооперацію.

Однако, одна группа кооперативовъ возможна и при соціалистическомъ строѣ—именно, трудовая кооперація. Для кооперации этого рода найдется мѣсто и при соціализмѣ по той причинѣ, что государственный соціализмъ объединяетъ и организовываетъ національный трудъ на принудительномъ началѣ, между тѣмъ какъ трудовая кооперація исполняетъ то же на началахъ полной свободы трудящихся.

Чтобы предотвратить подавленіе личности обществомъ, въ соціалистическомъ государствѣ крайне важно оставить открытымъ путь къ совершенно свободнымъ хозяйственнымъ организаціямъ. Такими свободными организаціями явятся въ соціалистическомъ обществѣ трудовые кооперативы различныхъ типовъ.

Прежде всего, въ соціалистическомъ государствѣ должны получить большое развитіе производительныя артели. На государственныхъ и муниципальныхъ фабрикахъ работа должна исполняться на основѣ всеобщей трудовой повинности, при чемъ не можетъ быть предоставлено полной свободы въ выборѣ рода труда. Конечно, чрезвычайно важно во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы ограниченія въ выборѣ занятій были сведены къ минимуму. И это вполнѣ достижимо при помощи регулированія продолжительности труда въ зависимости отъ его большей или меньшей привлекательности и другихъ соотвѣтствующихъ мѣръ.

Однако, полной свободы въ выборѣ труда при государственной или муниципальной организаціи производства все же не будетъ, ибо государственная власть не можетъ не настаивать на томъ, чтобы всѣ продукты, въ которыхъ нуждается населеніе, и въ соотвѣтствующей пропорціи для каждаго продукта, были изготовлены.

Принудительно организуемый трудъ въ соціалистическомъ государствѣ еще долгое время долженъ имѣть первенствующее значеніе въ области производства всѣхъ тѣхъ продуктовъ, которые жизненно необходимы для общества и производство которыхъ, въ то же время, мало привлекательно для человѣка само по себѣ.

Сюда относится, напр., горное дѣло. Работа въ глубокихъ рудникахъ и шахтахъ мало кому можетъ быть пріятна, но общество безъ нея обойтись не можетъ.

Однако, принудительный хозяйственный трудъ самъ по себѣ настолько нежелателенъ, что онъ долженъ быть сведенъ къ возможному минимуму. Принудительная система труда должна быть восполнена въ соціалистическомъ государствѣ трудомъ совершенно свободнымъ, организуемымъ на началахъ кооперации.

Государство и его мѣстные органы могли бы брать на себя организацію тѣхъ родовъ труда, которые мало привлекаютъ добровольныхъ рабочихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, государство могло бы открывать возможность образованія разнаго рода свободныхъ трудовыхъ кооперативовъ.

Эти трудовые кооперативы могли бы возникать слѣдующимъ образомъ. Государство при соціалистическомъ строѣ является владѣльцемъ и верховнымъ распорядителемъ всѣхъ общественныхъ средствъ производства. Но нѣтъ никакой необходимости, чтобы государство во всѣхъ случаяхъ и неизмѣнно само руководило общественнымъ трудомъ.

Возможенъ и такой порядокъ. Государственная власть отдаетъ во временное пользованіе тѣ или иныя средства производства трудовымъ кооперативамъ. Трудовые кооперативы берутъ на себя обязательства выполнять всѣ требованія, которыя имъ предъявитъ государство, и, прежде всего, поставлять въ государственные склады и магазины опредѣленное количество продуктовъ.

Весьма возможно, что при такой передачѣ общественныхъ средствъ производства въ пользованіе рабочей ассоціаціи, государство обезпечитъ себѣ бо́льшее количество продуктовъ, чѣмъ при непосредственномъ использованіи данныхъ средствъ производства при помощи трудовой повинности. Эта возможность объясняется благопріятнымъ вліяніемъ свободы частной предпріимчивости и организаціи труда на добровольныхъ началахъ.

Всякая государственная организація страдаетъ бюрократизмомъ и шаблонностью выполненія. Государственная власть можетъ разсчитывать только на средняго рабочаго, среднюю производительность труда, среднюю изобрѣтательность, предпріимчивость и т. д. Рабочій на государственной фабрикѣ не имѣетъ никакихъ мотивовъ развивать болѣе, чѣмъ среднюю энергію труда и давать болѣе средняго количества трудового продукта. То же нужно сказать и о руководителяхъ хозяйственныхъ процессовъ—техникахъ, инженерахъ и пр.

Трудовая кооперація должна дать выходъ свободнымъ творческимъ силамъ общества. Группа рабочихъ беретъ на свой страхъ и рискъ опредѣленный комплексъ средствъ производства, принадлежащихъ государству. Государство обезпечиваетъ свои интересы обязательствомъ, возлагаемымъ на образующійся трудовой кооперативъ, поставлять въ пользу государства необходимое количество продуктовъ.

Но рабочая группа можетъ произвести большее количество продуктовъ или продуктовъ лучшаго рода, чѣмъ тѣ, которые производились раньше при помощи данныхъ средствъ производства. Избыточное количество продуктовъ, равно какъ и выгода улучшенія ихъ качества, достается самому кооперативу.

Такимъ образомъ, члены кооператива получаютъ мотивъ развивать болѣе, чѣмъ среднюю энергію труда, болѣе, чѣмъ среднюю предпріимчивость, изобрѣтательность и пр.

Въ трудовые кооперативы будутъ объединяться люди выше средняго уровня, между тѣмъ, какъ для рядовыхъ рабочихъ будутъ открыты государственныя и муниципальныя мастерскія.

Возможность большаго заработка въ трудовыхъ кооперативахъ будетъ вполнѣ оправдываться большей производительностью труда членовъ этихъ кооперативовъ сравнительно съ рядовыми рабочими. Съ другой стороны, эта возможность большаго заработка будетъ компенсироваться рискомъ заработать менѣе: если кооперативъ не выполняетъ передъ государствомъ своего обязательства поставить опредѣленное количество продуктовъ (соотвѣтствующее среднему поступленію продуктовъ при государственной организаціи труда), то члены кооператива обязываются возмѣстить государству недостающую цѣнность изъ своего собственнаго трудового дохода.

Трудовые кооперативы, возникающіе такимъ образомъ, будутъ двоякаго рода. Одни изъ нихъ будутъ объединять производителей того же продукта, другіе будутъ объединять производителей различныхъ продуктовъ, удовлетворяющихъ потребностямъ членовъ трудовой группы.

Кооперативы перваго рода образуютъ собой производительныя ассоціаціи, кооперативы второго рода—общины.

Областью производительныхъ ассоціацій явится промышленность, областью общинъ—сельское хозяйство.

Мало вѣроятно, чтобы производительныя ассоціаціи могли стать въ соціалистическомъ государствѣ господствующимъ типомъ промышленнаго производства. Промышленный трудъ достигаетъ наибольшей производительности при огромныхъ размѣрахъ производительной единицы и при самомъ широкомъ употребленіи сложныхъ и громоздкихъ машинъ.

Передача гигантской фабрики съ очень цѣнными и сложными машинами производительной ассоціаціи изъ нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ врядъ ли существенно повыситъ производительность труда, а, вѣроятнѣе всего, только усложнитъ технику управленія фабрикой, въ ущербъ производительности труда.

Дѣйствительно, въ чемъ заключается существенное преимущество свободной организаціи труда въ трудовомъ кооперативѣ сравнительно съ обязательнымъ трудомъ въ государственной мастерской?

Главнымъ образомъ, въ свободѣ и индивидуализаціи труда, въ возможности каждому отдѣльному рабочему въ кооперативѣ свободно выявитъ свои индивидуальныя способности и преимущества, подавляемые въ массѣ—человѣческой толпѣ.

Но если мы предположимъ очень крупную производительную ассоціацію въ той области труда, гдѣ производительность опредѣляется не столько свойствами рабочаго, сколько качествомъ машинъ, то эта выгода свободной организаціи труда почти исчезнетъ.

Въ крупной производительной ассоціаціи отдѣльный рабочій подавляется массой своихъ товарищей по работѣ и его индивидуальность такъ же затирается толпой, какъ и при управленіи той же фабрикой сверху.

Съ другой стороны, преобладающая роль машины отодвигаетъ на задній планъ личныя свойства рабочаго и придаетъ шаблонный характеръ всему производству, ибо шаблонъ есть основное свойство машины.

Такимъ образомъ, въ области промышленности трудовая кооперація должна явиться при господствѣ соціализма лишь дополненіемъ къ государственной и муниципальной организаціи промышленнаго труда.

Только въ немногихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ ручной трудъ всегда останется господствующимъ, и гдѣ требуется особая индивидуализація производства, производительныя ассоціаціи могутъ стать господствующей формой производительной организаціи.

Это слѣдуетъ сказать о всей области художественной промышленности и, отчасти, о производствѣ одежды, домашней мебели, утвари и т. п.

Но все-таки трудовая кооперація въ области промышленности должна стать не правиломъ, а исключеніемъ.

Иное слѣдуетъ сказать о сельскомъ хозяйствѣ. Трудовой кооперації въ соціалистическомъ государствѣ предстоитъ въ этой области самое широкое развитіе.

Какъ уже было сказано, идеалъ коммунальнаго соціализма, представителями котораго были Фурье и Оуэнъ, въ наше время долженъ считаться устраненнымъ ходомъ хозяйственнаго развитія.

Мы не можемъ въ настоящее время представлять себѣ будущее общество распавшимся на независимыя или почти независимыя другъ отъ друга небольшія общины, которыя соединятъ внутри себя сель-

ское хозяйство съ промышленностью и будутъ удовлетворять большей части своихъ потребностей своимъ собственнымъ трудомъ. Коммунальный соціализмъ игнорируетъ огромное значеніе территоріальнаго раздѣленія труда внутри общества, а также необходимые размѣры концентраціи промышленнаго производства.

Внутри соціалистической общины не найдется мѣста ни для современнаго металлургическаго завода, ни для угольной копи, ни для современной фабрики.

Распаденіе соціалистическаго общества на отдѣльныя общины знаменовало бы собой отказъ отъ всей современной техники съ ея желѣзными дорогами, машинами и пр. И, конечно, на такой отказъ человѣчество не пойдетъ.

Тѣмъ не менѣе, коммунальный соціализмъ все же заключаетъ въ себѣ зерно истины. Зерно это заключается въ идеѣ сельскохозяйственной общины.

Какъ всѣмъ извѣстно, и какъ это множество разъ доказывалось въ спеціальной литературѣ, выгоды крупнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ гораздо менѣе значительны, чѣмъ въ промышленности. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, напр., въ интенсивномъ животноводствѣ—выгоды эти почти исчезаютъ, такъ какъ уходъ за молодымъ животнымъ и птицей требуетъ такой тщательности и такой индивидуализаціи труда, которыя недостижимы при крупныхъ размѣрахъ производства.

Тѣмъ не менѣе, въ большинствѣ случаевъ и въ сельскомъ хозяйствѣ крупное производство представляетъ извѣстныя, хотя и не столь большія выгоды, сравнительно съ мелкимъ; но выгоды эти компенсируются преимуществомъ трудового хозяйства передъ капиталистическимъ.

При соціалистическомъ строѣ крупное сельское хозяйство, съ точки зрѣнія интересовъ всего общества, явится болѣе желательнымъ, чѣмъ мелкое, ибо при крупномъ хозяйствѣ общество будетъ обезпечено въ наибольшемъ количествѣ предметами питанія.

Между тѣмъ, въ настоящее время въ большинствѣ странъ въ сельскомъ хозяйствѣ рѣшительно преобладаетъ мелкое производство, при чемъ въ силу соціальныхъ условій наблюдается постепенное вытѣсненіе мелкимъ сельскимъ хозяйствомъ крупнаго; въ Россіи этотъ процессъ разрушенія крупнаго сельскаго хозяйства принялъ, въ связи съ революціей 1917 г., особенно стремительный характеръ.

Такимъ образомъ, ко времени возникновенія соціалистическаго строя сельское хозяйство будетъ въ большинствѣ случаевъ въ рукахъ мелкихъ хозяевъ, крестьянъ.

Крестьяне во всѣхъ странахъ обнаруживаютъ большую привязанность къ своимъ привычнымъ формамъ хозяйства. Вездѣ, кромѣ Англіи, крестьяне составляютъ очень многочисленный классъ населенія, а во многихъ странахъ и большинство населенія. Нечего и думать о какомъ бы то ни было насиліи соціалистическаго общества надъ крестьянскимъ классомъ: гдѣ сельское хозяйство находилось до эпохи соціализма въ рукахъ крестьянъ, тамъ оно останется въ тѣхъ же рукахъ и послѣ осуществленія соціалистическаго строя.

Какимъ же образомъ крестьяне могутъ прійти къ крупному сельскому хозяйству? Только черезъ трудовую кооперацію.

О фаланстерахъ въ настоящее время мечтать не приходится и, вѣроятнѣе всего, члены сельской общины будущаго предпочтутъ жизнь

не въ общемъ соціальномъ дворцѣ, а въ отдѣльныхъ домахъ, какъ и въ настоящее время. Еще менѣе приходится разсчитывать на то, что сельская община объединитъ въ своей средѣ сельское хозяйство и промышленность. Только мелкое производство промышленныхъ издѣлій могло бы получить нѣкоторое развитіе въ соціалистической общинѣ, и очень вѣроятно, что это производство въ соціалистической общинѣ будетъ имѣть мѣсто, такъ какъ сельскіе производители располагаютъ зимой свободнымъ временемъ, которое они могутъ съ пользой употреблять на изготовленіе промышленныхъ продуктовъ.

Можно себѣ представить, что соціалистическая община будетъ перерабатывать свои продукты и при помощи машинъ, благодаря электрической энергіи.

Электричество не произвело въ капиталистическомъ обществѣ промышленной революціи и не вернуло былого значенія мелкому производству, какъ на это разсчитывали очень многіе. Но возможно, что при соціализмѣ передача электрической энергіи на разстояніе поведетъ къ тому, что мелкое промышленное производство оживетъ и въ сельской общинѣ заработаютъ сотни станковъ, приводимыхъ въ движеніе изъ центральной электрической станціи.

Все это возможно и весьма желательно. Однако, все же выгоды крупнаго производства въ промышленности столь значительны, что центромъ тяжести промышленнаго производства и при соціализмѣ останется фабрика, а не сельская община. Въ лучшемъ случаѣ мелкое промышленное производство въ общинѣ составитъ, при господствѣ соціализма, существенное дополненіе къ фабричной промышленности.

Соціалистическая община будетъ построена по другому принципу, чѣмъ производительная ассоціація. А именно, въ производительной ассоціаціи объединяются рабочіе, изготовляющіе тотъ же продуктъ. Напротивъ, въ общинѣ объединятся производители разнообразныхъ продуктовъ, работающіе не только на нужды всего общественнаго цѣлаго, но и для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребителей.

Соціалистическая община должна имѣть характеръ автономной хозяйственной организаціи, живущей въ значительной мѣрѣ своими собственными продуктами. Въ этомъ смыслѣ идеалы Оуэна и Фурье сохранили и теперь свое значеніе.

Но, конечно, соціалистическая община не будетъ верховнымъ хозяиномъ своихъ средствъ производства. Надъ общиной будетъ соціалистическое государство.

Подобно тому, какъ государство предоставляетъ, на извѣстныхъ условіяхъ, средства производства производительнымъ ассоціаціямъ, точно также государство будетъ поступать и по отношенію къ общинамъ. Верховнымъ хозяиномъ земли, которой пользуется данная община, останется все общество въ лицѣ государства. Но государственная (или хотя бы муниципальная) организація сельскохозяйственнаго производства трудно осуществима во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда соціализмъ застанетъ сельское хозяйство въ рукахъ крестьянъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ задачей соціалистической сельской политики будетъ развитіе сельскихъ общинъ съ общимъ производствомъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Каждая община будетъ обязана поставлять въ пользу государства извѣстное количество продуктовъ, которые будутъ затѣмъ тѣмъ или инымъ порядкомъ распредѣляться между остальнымъ населеніемъ.

За вычетомъ этого количества продуктовъ община будетъ совер-

шенно свободно распоряжаться создаваемымъ ею богатствомъ. Но для успѣха всей этой организаціи весьма важно, чтобы она имѣла не принудительный, а вполнѣ добровольный характеръ—чтобы общины возникали, какъ трудовые кооперативы, а не какъ учрежденія, навязываемыя сельскому населенію.

Въ такихъ кооперативныхъ соціалистическихъ общинахъ возможна будетъ весьма различная степень кооперированія различныхъ сельскохозяйственныхъ процессовъ.

Нѣкоторые изъ этихъ процессовъ будутъ кооперированы до конца—весь соотвѣтствующій трудъ будетъ исполняться общими силами всѣхъ членовъ общины и продуктъ будетъ безраздѣльно принадлежать всей общинѣ, которая, по уплатѣ слѣдуемаго государству, будетъ распоряжаться остаткомъ совершенно свободно по своему усмотрѣнію: распредѣлять его на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ между членами общины, сохранять въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи или же сбывать въ свою пользу черезъ посредство государственныхъ и муниципальныхъ магазиновъ остальному населенію.

Въ другихъ случаяхъ процессъ производства того или иного продукта будетъ находиться частью въ рукахъ всей общины или извѣстной доли ея членовъ, частью исполняться трудомъ отдѣльныхъ лицъ.

Наконецъ, въ третьихъ случаяхъ возможно, что процессъ производства съ начала до конца будетъ исполняться трудомъ отдѣльныхъ лицъ.

Такъ, напр., болѣе простые сельскохозяйственные процессы, какъ производство хлѣба, могутъ быть легко кооперированы до конца: вся община будетъ сообща пахать поле, собирать урожай и молотить его.

Напротивъ, въ молочномъ хозяйствѣ возможно будетъ раздѣленіе процесса производства на двѣ ступени: уходъ за коровой и полученіе молока можетъ быть дѣломъ отдѣльнаго лица, но переработка молока въ масло должно исполняться особымъ трудовымъ кооперативомъ, при чемъ въ составъ этого кооператива будутъ входить не всѣ члены общины, но лишь тѣ изъ нихъ, которые заняты молочнымъ хозяйствомъ.

Однако, соціалистическая маслодѣльная артель будетъ тѣмъ отличаться отъ современной, что современная построена на наемномъ трудѣ лицъ, занятыхъ переработкой молока въ масло, между тѣмъ, какъ въ соціалистической артели наемныхъ рабочихъ не будетъ: маслодѣлы и всѣ рабочіе маслодѣльнаго завода будутъ такими же полноправными членами маслодѣльнаго кооператива, какъ и владѣльцы коровъ, поставщики молока.

Доходъ въ соціалистической маслодѣльной артели будетъ распредѣляться поэтому не по количеству поставленнаго молока, а по какимъ-либо инымъ основаніямъ.

Наконецъ, въ огородничествѣ для собственнаго потребленія возможно сохраненіе съ начала до конца индивидуальнаго производства. Небольшіе огороды составляютъ естественное дополненіе домашняго хозяйства и, поскольку домашнее хозяйство сохранитъ свой обособленный характеръ (а наиболѣе вѣроятно, что соціализмъ не уничтожитъ обособленности домашняго хозяйства, связаннаго съ характеромъ современной семьи—пока сохранится современная семья, до тѣхъ поръ обособленный домашній очагъ будетъ привлекать человѣка), постольку и огородничество будетъ дѣломъ каждой отдѣльной семьи въ общинѣ.

Само собою разумѣется, что весь сбытъ продуктовъ соціалисти-

ческой общины, равно какъ и всѣ совершаемыя ею закупки, должны быть дѣломъ коллективнаго цѣлаго.

Такимъ образомъ, почти всѣ виды современныхъ кооперативовъ, кромѣ кредитныхъ, найдутъ себѣ мѣсто и въ соціалистической общинѣ будущаго, съ тѣмъ, однако, существеннымъ различіемъ сравнительно съ кооперативами нашего времени, что они по необходимости примутъ характеръ трудовыхъ кооперативовъ и, соотвѣтственно этому, должны будутъ существенно измѣниться въ своей внутренней структурѣ.

Итакъ, свободная кооперація найдетъ себѣ въ соціалистической деревнѣ широкое поле примѣненія.

Но не нужно думать, что соціалистическое государство совершенно устранитъ единоличное производство. Напротивъ, соціализмъ долженъ предоставить каждому полную свободу работать единолично или въ общей группѣ, при одномъ, однако, существенномъ условіи, чтобы не происходило непроизводительной растраты общественныхъ средствъ производства.

Если индивидуальный производитель обезпечиваетъ обществу требуемое количество продукта, то общество не имѣетъ никакихъ основаній отказывать данному лицу въ возможности работать единолично. И потому, нужно предположить, что въ соціалистическомъ обществѣ на ряду съ общинами, въ которыхъ значительная часть общественнаго труда будетъ кооперирована, будутъ и единоличные сельскіе хозяева, только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ хозяйственно связанные съ общинами.

Такая связь неизбѣжна въ области покупки и сбыта продуктовъ, такъ какъ она требуется насущными интересами каждаго. Нельзя этого сказать о трудѣ производства—въ этой области отдѣльная личность можетъ иногда достигнуть большаго, работая на свой страхъ и рискъ единолично, чѣмъ въ общей группѣ (новые культуры и способы производства, техническія изобрѣтенія и т. п.).

Итакъ, соціалистическое общество, на ряду съ принудительной организаціей общественнаго хозяйства государствомъ и муниципалитетами, должно будетъ предоставить широкое развитіе и свободной хозяйственной организаціи на началахъ трудовой кооперація. Эта трудовая кооперація въ области промышленности поведетъ къ производительнымъ ассоціаціямъ, а въ области сельскаго хозяйства—къ трудовымъ общинамъ, съ весьма сложнымъ внутреннимъ кооперативнымъ строемъ.

X.

Можно ли ожидать отъ соціализма уничтоженія современнаго города?

Въ глазахъ Оуэна и Фурье соціалистическая община должна была кореннымъ образомъ измѣнить условія разселенія человѣчества. Города и села нашего времени должны были исчезнуть и мѣсто ихъ должны были занять общины, одинаково далекія, какъ отъ современныхъ городовъ, такъ и отъ современныхъ деревень.

Съ городомъ общины Оуэна и Фурье не имѣютъ ничего общаго, ибо все населеніе общины живетъ въ одномъ крупномъ зданіи, окруженномъ со всѣхъ сторонъ полями и садами, воздѣлываемыми общиной.

Съ другой стороны, огромные соціальные дворцы этихъ общинъ, въ которыхъ живетъ около тысячи человѣкъ, представляетъ собой совершенно иной типъ разселенія, чѣмъ современныя деревни со многими небольшими семейными жилищами.

Однако, какъ сказано, мечту о соціальныхъ дворцахъ слѣдуетъ оставить, равно какъ и мечту о сліяніи промышленнаго труда съ сельскимъ хозяйствомъ.

Нельзя не согласиться съ великими учителями соціализма, что современный городъ является очень нежелательной и, можно сказать, противоестественной формой человѣческаго разселенія.

Скопленіе въ одномъ мѣстѣ многихъ сотенъ тысячъ или даже милліоновъ жителей диктуется условіями капиталистическаго хозяйства, превращающаго рабочаго въ простое орудіе производства богатства. Большой городъ уродуетъ человѣка физически и духовно, не только увеличиваетъ заболѣваемость и смертность населенія, дѣлаетъ нашъ организмъ болѣе слабымъ и хилымъ.—но, несомнѣнно, крайне неблагопріятно вліяетъ и на весь моральный обликъ человѣка.

Стремленіе въ деревню, которое характерно для морально болѣе здоровой части городского населенія, есть выраженіе естественнаго инстинкта человѣческой природы.

Раціональное соединеніе умственнаго и физическаго труда лучше всего осуществимо въ деревнѣ, при условіи сельскаго хозяйства.

Поэтому, если бы было возможно совершенно уничтожить современный городъ, то это было бы огромнымъ пріобрѣтеніемъ для человѣчества.

Къ сожалѣнію, нѣчто подобное въ полномъ объемѣ недостижимо. Крупное промышленное производство требуетъ и крупнаго скопленія населенія вокругъ своихъ центровъ.

Представимъ себѣ крупный металлургическій заводъ, на которомъ работаютъ тысячи рабочихъ. Вмѣстѣ со своими семьями эти рабочіе составятъ населеніе небольшого города. Всѣ эти рабочіе по необходимости должны жить вблизи отъ завода, чтобы менѣе терять времени на передвиженіе, и, такимъ образомъ, съ роковой необходимостью крупное промышленное производство создаетъ городъ.

Города останутся, такимъ образомъ, и въ соціалистическомъ обществѣ. Но это будутъ, все же, города не похожіе на города эпохи капитализма.

Прежде всего, города соціалистическаго государства не будутъ имѣть такихъ гигантскихъ размѣровъ, какъ промышленные и торговые центры нашего времени.

Соціалистическое общество при разселеніи своихъ жителей будетъ имѣть въ виду, прежде всего, ихъ собственные интересы. Современный городъ настолько негигіениченъ и жизнь въ немъ такъ непріятна, что соціалистическій городъ долженъ имѣть совершенно иной видъ.

Города будутъ, прежде всего, имѣть гораздо меньшіе размѣры, ибо нѣтъ никакой хозяйственной необходимости, чтобы въ одномъ ограниченномъ районѣ селились другъ возлѣ друга сотни тысячъ жителей.

Въ настоящее время гигантскіе города создаются стихійнымъ развитіемъ капитализма. На мѣстѣ стихійнаго разселенія человѣчества соціализмъ поставитъ опредѣленный планъ. Города будутъ помѣщаться именно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ условія промышленности и международнаго обмѣна будутъ требовать значительнаго скопленія населенія.

Это будутъ, сравнительно съ нашимъ временемъ, очень небольшіе города въ нѣсколько тысячъ или нѣсколько десятковъ тысячъ жителей.

Но такъ какъ свободное населеніе соціалистическихъ городовъ не согласится жить въ тѣсныхъ каменныхъ громадахъ, тѣсно скученныхъ

на небольшихъ пространствахъ, какъ въ наше время,—соціалистическій городъ будетъ представлять собой нѣчто среднее между современнымъ городомъ и современной деревней.

Уже теперь возникло въ городахъ сильное движеніе къ полному преобразованію условій городской жизни—движеніе къ созданію такъ назыв. „городовъ-садовъ".

Городомъ-садомъ и долженъ стать соціалистическій городъ. Надо думать, что соціалистическое человѣчество будетъ предпочитать жизнь въ небольшихъ домахъ, окруженныхъ садами, скучиванію въ большихъ зданіяхъ.

Улучшеніе условій передвиженія будетъ благопріятствовать разсѣянію населенія на обширномъ пространствѣ, и городъ будущаго утратитъ отрицательныя черты современнаго города.

XI.

Итакъ, будущее соціалистическое общество должно стать очень сложной хозяйственной системой, построенной на различныхъ принципахъ. Необходимость въ этой сложности объясняется сложностью цѣлей и задачъ человѣческаго общества и, прежде всего, основной двойственностью этихъ цѣлей.

Двойственность эта вытекаетъ изъ двойственности личности и общества

Пока человѣческая природа не испытаетъ полнаго измѣненія, интересъ отдѣльной личности не будетъ совпадать вполнѣ и безъ остатка съ интересомъ общественнаго цѣлаго. Отсюда и вытекаетъ двойственность задачъ соціалистическаго общества: съ одной стороны, оно должно стремиться къ возможно болѣе полному удовлетворенію всѣхъ общественныхъ потребностей; съ другой стороны, оно должно возможно полнѣе обезпечивать свободу каждаго.

Въ соціалистическомъ строѣ этотъ дуализмъ находитъ себѣ выраженіе въ двухъ противоположныхъ системахъ—въ системѣ централистическаго (государственнаго) соціализма и въ системѣ анархизма.

Сильной стороной централизма является планомѣрность и стройность общественнаго хозяйства, чѣмъ достигается вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшее развитіе общественныхъ производительныхъ силъ. Слабой стороной централизма является подавленіе человѣческой личности, стѣсненія свободы послѣдней.

Сильной стороной анархизма является освобожденіе личности. Но анархизмъ предполагаетъ такое высокое развитіе личности, такое полное исчезновеніе въ душѣ человѣка эгоистическихъ интересовъ, которое можетъ быть достигнуто еще очень и очень не скоро. До тѣхъ поръ, пока человѣкъ остается такимъ, какимъ онъ является нынѣ, анархизмъ означалъ бы собой полный распадъ общества, и потому ни централизмъ, ни анархизмъ не можетъ быть единственнымъ основаніемъ общественнаго строя ближайшаго будущаго

Задачей соціалистическаго строя является возможно полное примиреніе двухъ противоположныхъ началъ—свободы личности и господства общественности; не подчиненіе личности обществу и не подчиненіе общества личности, а наибольшее примиреніе этихъ началъ. Иначе говоря, созданіе возможно болѣе благопріятныхъ условій для самаго широкаго развитія каждой человѣческой личности во всей ея сложности и полнотѣ, но безъ ущерба развитію другихъ человѣческихъ личностей,

принадлежащихъ къ тому же общественному союзу, охватывающему собой, въ идеалѣ, все человѣчество, всѣ разумныя существа.

Соціалистическое общество слѣдуетъ мыслить, какъ систему общественныхъ союзовъ, различной широты и различнымъ образомъ построенныхъ.

Нѣкоторые изъ этихъ союзовъ должны выходить за предѣлы государства и имѣть международный характеръ, охватывая собой въ предѣлѣ все человѣчество, и связывая его въ единое общественное цѣлое.

Болѣе узкимъ хозяйственнымъ союзомъ явится государство и его самоуправляющіеся органы—муниципалитеты.

Затѣмъ идутъ союзы еще болѣе узкаго значенія—производительныя ассоціаціи и кооперативныя общины.

Но соціалистическое общество должно допустить и единоличный трудъ самостоятельнаго производителя, получающаго отъ общества средства производства подъ условіемъ раціональнаго пользованія имъ съ соблюденіемъ общественныхъ интересовъ.

Итакъ, хозяйственной единицей при соціализмѣ явится, на одномъ полюсѣ—все человѣчество, на другомъ—отдѣльная человѣческая личность.

Самый характеръ хозяйственныхъ организацій въ соціалистическомъ обществѣ будетъ очень разнообразенъ, такъ какъ оно будетъ давать мѣсто хозяйственнымъ организаціямъ, построеннымъ на двухъ противоположныхъ началахъ—на началѣ общественнаго принужденія и на началѣ полной индивидуальной свободы.

На началѣ общественнаго принужденія будетъ построена система государственнаго хозяйства; на началѣ индивидуальной свободы будетъ построена трудовая кооперація, а также единоличное производство при помощи общественныхъ средствъ производства.

Принципы централизма и анархизма получатъ, такимъ образомъ, свое частичное осуществленіе.

Слѣдуетъ особенно подчеркнуть, что и анархическое хозяйство, которое до преобразованія самого человѣка не можетъ стать господствующимъ принципомъ хозяйственнаго строя, вполнѣ умѣстно, какъ подчиненный принципъ, рядомъ съ системой государственнаго хозяйства.

И чѣмъ выше будетъ подыматься человѣческая личность, чѣмъ больше ея интересы будутъ совпадать съ общественными, чѣмъ менѣе каждый отдѣльный человѣкъ будетъ преслѣдовать свои обособленныя цѣли,—тѣмъ болѣе будетъ получать развитіе система добровольной, кооперативной, иначе говоря, анархической хозяйственной организаціи.

XII.

Намъ остается изслѣдовать, въ какой мѣрѣ соціалистическое хозяйство будущаго должно быть построено на принципѣ соціализма въ узкомъ смыслѣ слова (покупкѣ предметовъ потребленія) или же коммунизма (даровомъ распредѣленіи предметовъ потребленія).

На этотъ вопросъ нужно отвѣтить, что государственный коммунизмъ, принудительно нормирующій потребленіе, долженъ быть рѣшительно отвергнутъ, ибо этотъ коммунизмъ несовмѣстимъ со свободой человѣческой личности.

При системѣ такого коммунизма каждый получаетъ отъ государства предметы потребленія въ томъ количествѣ и того рода, какъ это признаетъ нужнымъ государственная власть.

Такимъ образомъ, свобода индивидуальнаго выбора предметовъ потребленія совершенно исчезаетъ и замѣняется единообразіемъ потребленія всѣхъ.

Затѣмъ, система коммунизма, нормирующаго потребленіе, убиваетъ свободу творческаго труда, такъ какъ коммунистическое государство опредѣляетъ каждому родъ труда и является верховнымъ судьей въ вопросахъ эстетической, научной и иной цѣнности всѣхъ продуктовъ творческаго труда; иными словами, художникъ, мыслитель и ученый подчиняются толпѣ и тѣмъ самымъ творчество, опережающее сужденія и вкусы толпы, становится невозможнымъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ коммунизмъ, нормирующій потребленіе, долженъ быть рѣшительно отвергнутъ, какъ господствующая система хозяйства.

Однако, отсюда еще не слѣдуетъ, что вообще коммунизмъ несостоятеленъ.

Дѣло въ томъ, что коммунизмъ выставляетъ два различныхъ принципа распредѣленія. Въ идеалѣ, коммунизмъ требуетъ полной свободы потребленія—каждому по его потребностямъ; для ближайшаго же времени коммунизмъ выставляетъ требованіе качественнаго и количественнаго равенства потребленія. Такое равенство потребленія равносильно полному порабощенію личности обществомъ.

Но коммунизмъ выставляетъ и болѣе высокій принципъ распредѣленія—свободы потребленія. Правда, этотъ принципъ можетъ казаться совершенно неосуществимымъ на практикѣ. Вѣдь человѣческія потребности почти безграничны; если предоставить каждому полную свободу расширять свое потребленіе, то не приведетъ ли это къ тому, что одни будутъ захватывать большую часть общественнаго богатства въ ущербъ другимъ, которымъ поневолѣ придется довольствоваться немногимъ, оставшимся на ихъ долю? Такъ какъ общественное богатство имѣетъ свои границы, то должны быть, казалось бы, какія-либо внѣшнія границы и для потребленія, которое, предоставленное самому себѣ, стремилось бы къ неограниченному расширенію.

Однако, соображенія эти далеко не такъ сильны, какъ кажется съ перваго взгляда. Прежде всего, далеко не во всѣхъ своихъ областяхъ человѣческое потребленіе способно къ такому безграничному расширенію. Наиболѣе настоятельныя физіологическія потребности, напр., въ питаніи—легко удовлетворяются и не могутъ поэтому неограниченно расти; только въ области того, что называютъ потребностями роскоши, наблюдается нѣчто похожее на практически неограниченный ростъ потребности по мѣрѣ ея удовлетворенія, почему полное удовлетвореніе потребностей этого рода оказывается практически недостижимымъ. Но главное дѣло въ томъ, что силы, вводящія личное потребленіе въ разумныя границы, отнюдь не должны непремѣнно имѣть внѣшній, принудительный характеръ. Человѣкъ можетъ добровольно, изъ уваженія къ интересамъ другихъ людей, ограничивать свое потребленіе. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ, помимо всякихъ принудительныхъ законовъ или правилъ, и страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ. Человѣкъ, потребленіе котораго настолько выходитъ изъ границъ, что отъ этого страдаютъ другіе, долженъ неизбѣжно навлекать на себя неудовольствіе своихъ товарищей. Подобныя соображенія, при предположеніи извѣстной высоты нравственнаго уровня лицъ, принадлежащихъ къ данному общественному союзу, могутъ оказаться совершенно достаточными для того, чтобы полная свобода личнаго потреб-

ленія не превращалась въ злоупотребленіе этой свободой въ ущербъ интересамъ всего общества.

Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что существуютъ области, въ которыхъ наблюдается полное согласіе между личнымъ и общественнымъ интересомъ, и въ которыхъ общество поэтому нисколько не заинтересовано въ ограниченіи личнаго потребленія. Сюда относятся высшія, духовныя потребности. Общество не теряетъ, а выигрываетъ отъ того, что библіотеки, музеи, образовательныя учрежденія привлекаютъ къ себѣ большее число посѣтителей.

Итакъ, полная свобода личнаго потребленія отнюдь не заключаетъ въ себѣ какой-либо внутренней невозможности; но для осуществленія вполнѣ коммунистическаго общества, въ которомъ каждый свободно пользовался бы тѣмъ, что ему нужно, требуется, прежде всего, полное нравственное перевоспитаніе человѣчества. Пока вся масса населенія не проникнется уваженіемъ къ чужимъ интересамъ и не воспитаетъ въ себѣ постоянной готовности поступаться своими личными интересами, если этого требуютъ интересы общества, до тѣхъ поръ будетъ оставаться въ силѣ необходимость внѣшнихъ, принудительныхъ, общественныхъ нормъ, регулирующихъ личное потребленіе. Но эти нормы должны быть таковы, чтобы свобода выбора потребляемыхъ предметовъ не исчезла. Соціалистическія системы, нормирующія доходы отдѣльныхъ лицъ, но отнюдь не стѣсняющія этой свободы, представляютъ собой поэтому несравненно высшій типъ общественнаго союза, чѣмъ государственный коммунизмъ, нормирующій не доходы, а самое потребленіе членовъ общества.

Конечнымъ общественнымъ идеаломъ является анархическій коммунизмъ, для ближайшаго же будущаго—соціализмъ, или, говоря точнѣе, извѣстное сочетаніе соціализма съ коммунизмомъ. Даже въ современномъ обществѣ существуютъ обширныя области коммунистическаго, вполнѣ свободнаго потребленія. Такъ, всѣ свободно пользуются общественными парками, музеями, библіотеками, картинными галлереями Народное образованіе также, въ большей или меньшей степени, имѣетъ даровой характеръ. Даровая медицина и ветеринарія уже теперь является господствующимъ типомъ лѣчебной помощи въ русской деревнѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, область свободнаго коммунистическаго потребленія должна чрезвычайно расшириться въ соціалистическомъ обществѣ. Не только воспитаніе и образованіе подрастающаго поколѣнія должны получить всецѣло коммунистическій характеръ, но и тѣ области общенароднаго потребленія, въ которыхъ нѣтъ основанія опасаться чрезмѣрнаго роста потребностей, должны основаться на коммунистическихъ началахъ. Весьма возможно, что полученіе пищи можетъ быть объявлено въ соціалистическомъ обществѣ совершенно свободнымъ—каждый будетъ получать отъ общества безъ всякой платы предметы питанія такого рода и въ такомъ количествѣ, въ какомъ самъ пожелаетъ. Плата за передвиженіе можетъ быть также отмѣнена безъ всякой опасности для общественныхъ интересовъ. Вся область необходимыхъ потребностей можетъ быть объявлена не подлежащей никакому общественному контролю и регулированію.

Итакъ, въ обществѣ будущаго можно предвидѣть широкое сочетаніе соціалистическаго и коммунистическаго началъ, при чемъ дальнѣйшее развитіе будетъ выражаться въ постепенномъ вытѣсненіи соціализма (въ узкомъ смыслѣ) коммунизмомъ, пока общественное хозяйство не приметъ всецѣло коммунистическаго характера.

ГЛАВА IX.

Цѣнность, стоимость, цѣна и деньги при соціализмѣ.

I. Цѣнность и стоимость. Роль трудового фактора.—II. Цѣна. Отклоненіе цѣны отъ трудовой стоимости въ соціалистическомъ хозяйствѣ.—III. Деньги. Существенно иная природа соціалистическихъ денегъ, чѣмъ теперь. Функціи денегъ при соціализмѣ.

I.

Соціалистическое хозяйство будетъ самымъ глубокимъ образомъ отличаться отъ современнаго, но все же это будетъ хозяйство, имѣющее, въ основѣ своей категоріи, которыя свойственны хозяйству вообще, какъ таковому. Такими основными категоріями всякаго хозяйства являются цѣнность и стоимость.

Всякая хозяйственная дѣятельность предполагаетъ эти двѣ категоріи, будучи заключена между затратой (стоимостью) и получкой (цѣнностью), какъ между своимъ отрицательнымъ и положительнымъ полюсами. Стоимость—средство, а цѣнность—цѣль. Цѣль хозяйственной дѣятельности, удовлетвореніе потребностей, не можетъ быть достигнута безъ затраты хозяйственнаго труда, а потому цѣнность, такъ же какъ и трудовая стоимость, должны быть признаны основными и неустранимыми категоріями всякой хозяйственной дѣятельности, какова бы она ни была.

Это вѣрно, какъ по отношенію къ современному капиталистическому, такъ и къ будущему соціалистическому хозяйству. И въ соціалистическомъ обществѣ хозяйственная дѣятельность будетъ руководствоваться принципомъ достиженія наибольшей цѣнности при наименьшей затратѣ, иначе говоря при наименьшей стоимости.

Правда, Марксъ признавалъ цѣнность исторической категоріей хозяйства, свойственной только опредѣленной формѣ хозяйства—мѣновому хозяйству.

Но дѣло въ томъ, что Марксъ, говоря о цѣнности вообще, всегда подразумѣвалъ лишь опредѣленный видъ цѣнности, именно—мѣновую цѣнность. Для Маркса цѣнность всегда есть мѣновая цѣнность.

Вкладывая такое содержаніе въ понятіе „цѣнность“, Марксъ былъ, конечно, правъ утверждая, что категорія цѣнности свойственна лишь мѣновому хозяйству. Ясно само собой, что гдѣ нѣтъ обмѣна, тамъ нѣтъ и мѣновой цѣнности.

Но цѣнность не всегда объективируется въ видѣ мѣновой цѣнности. Всякому хозяйству свойственна субъективная цѣнность, выражающаяся въ значеніи, которое хозяйствующее лицо придаетъ въ своей хозяйственной дѣятельности тому или иному хозяйственному предмету. И совершенно ясно, что хозяйственная дѣятельность невозможна безъ категоріи цѣнности въ этомъ смыслѣ.

Хозяйственная дѣятельность есть, во всякомъ случаѣ, разумная дѣятельность, а разумная дѣятельность является всегда цѣлесообразной дѣятельностью. Хозяйственная дѣятельность руководствуется

извѣстнымъ разсчетомъ и не можетъ не стремиться къ наибольшему удовлетворенію потребностей хозяйствующаго лица.

И при соціалистическомъ строѣ хозяйственный трудъ будетъ исходить изъ хозяйственнаго разсчета, будетъ цѣлесообразенъ. Попробуемъ же выяснить элементы хозяйственной цѣнности въ условіяхъ соціалистическаго хозяйства.

Соціалистическое хозяйство—будетъ ли это хозяйство международной организаціи, государства или отдѣльной общины, все равно—мы должны мыслить какъ хозяйство, ставящее себѣ цѣлью наибольшее удовлетвореніе потребностей той общественной группы, которая ведетъ хозяйство. Въ этомъ отношеніи соціалистическое хозяйство сближается съ хозяйствомъ отдѣльнаго лица при современныхъ условіяхъ, съ той, однако, разницей, что теперь продуктъ поступаетъ въ обмѣнъ и удовлетвореніе потребностей хозяйствующаго лица достигается лишь косвеннымъ путемъ, при посредствѣ обмѣна продукта, производимаго въ предпріятіи даннаго лица, на продуктъ, производимый въ чужомъ предпріятіи; между тѣмъ какъ въ соціалистическомъ хозяйствѣ хозяйствующимъ субъектомъ явится общественная группа, изготавливающая продукты для собственнаго потребленія.

Такимъ образомъ, соціалистическое хозяйство уподобляется натуральному хозяйству отдѣльнаго лица. Соціалистическое общество, составляя планъ своей хозяйственной дѣятельности и устанавливая, какіе именно продукты должны быть произведены и въ какомъ именно количествѣ, будетъ руководствоваться совершенно тѣми же соображеніями, какими нынѣ руководствуется въ своемъ индивидуальномъ хозяйствѣ частный хозяинъ, ведущій натуральное, а не денежное хозяйство.

Какъ же будетъ устанавливаться хозяйственный планъ соціалистическаго общества?

При составленіи этого плана соціалистическое общество будетъ исходить изъ двухъ соображеній: съ одной стороны, оно должно будетъ учитывать предѣльную полезность каждаго продукта, съ другой стороны—его трудовую стоимость. Предѣльная полезность и трудовая стоимость—вотъ два основныхъ элемента для построенія плана соціалистическаго хозяйства.

Представимъ себѣ, что соціалистическая община должна рѣшить, будетъ ли она изготовлять только предметы первой необходимости, или также и предметы, потребность въ которыхъ менѣе настоятельна. Пусть, напр., вопросъ ставится такъ—нужно ли производить огурцы или же ограничиться производствомъ только картофеля.

Огурцы удовлетворяютъ опредѣленной потребности, какъ и картофель. Схематизируемъ потребности въ картофелѣ и огурцахъ, согласно извѣстной схемѣ Менгера, двумя нижеслѣдующими рядами цифръ:

Картофель.	Огурцы.
9	4
8	3
7	2
6	1
5	0
4	
3	
2	
1	
0	

Картофель является предметомъ болѣе настоятельной потребности, чѣмъ огурцы. Наибо́льшая полезность одной вѣсовой единицы картофеля пусть выражается цифрой 9, наибольшая полезность огурцовъ цифрой 4; но при умноженіи количества картофеля, равно, какъ и огурцовъ, полезность единицы того и другого продукта падаетъ, пока не спустится до ноля: существуетъ предѣлъ для потребленія какъ картофеля, такъ и огурцовъ.

Предположимъ теперь, что трудовая стоимость огурцовъ вдвое выше, чѣмъ картофеля, и допустимъ, что общество располагаетъ на производство того и другого продукта 4 единицами труда.

Въ такомъ случаѣ общество не можетъ производить огурцовъ, ибо затративши всѣ 4 единицы труда на производство картофеля, оно получитъ продуктъ, совокупная полезность котораго выразится цифрой 30 (9 + 8 + 7 + 6); между тѣмъ, затративши половину труда на производство картофеля и половину труда на производство огурцовъ, оно получитъ продуктъ, совокупная полезность котораго будетъ только 21 (картофель 9 + 8, огурцы 4), затративши же весь трудъ на производство огурцовъ, общество получитъ продуктъ, полезность котораго будетъ еще меньше—всего 7 (4 + 3).

Итакъ, располагая 4 единицами труда, соціалистическое общество должно совершенно отказаться отъ производства огурцовъ и производить только картофель.

Но пусть въ распоряженіи общества имѣется 10 единицъ труда. Въ такомъ случаѣ наиболѣе выгоднымъ распредѣленіемъ труда будетъ такое, при которомъ будетъ произведено 8 единицъ картофеля и 1 единица огурцовъ, ибо въ этомъ случаѣ совокупная полезность продукта выразится цифрой 48 (картофель 9 + 8 + 7 + 6 + 5 + 4 + + 3 + 2 и огурцы 4), между тѣмъ какъ при производствѣ только картофеля общая полезность продукта выразилась бы цифрой 45 (9 + 8 + 7 + 6 + 5 + 4 + 3 + 2 + 1 + 0); если же бы производилось 6 единицъ картофеля и 2 единицы огурцовъ, то совокупная полезность выразилась бы цифрой 46 (картофель 9 + 8 + 7 + 6 + 5 + 4 и огурцы 4 + 3).

Такимъ образомъ, при наличности въ распоряженіи общества 10 единицъ труда единственно цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ общественнаго труда будетъ производство 8 единицъ картофеля и 1 единицы огурцовъ.

Отсюда ясно, какъ будетъ строиться хозяйственный планъ соціалистическаго общества. Зная только полезность того или иного продукта, общество не можетъ опредѣлить, имѣется ли разсчетъ производить данный продуктъ, или нѣтъ. Точно также, общество не можетъ рѣшить этого послѣдняго вопроса, зная только трудовую стоимость производства даннаго продукта.

Для построенія хозяйственнаго плана необходимо сопоставить по отношенію къ каждому продукту двѣ основныя хозяйственныя категоріи—полезность каждой единицы даннаго продукта и ея трудовую стоимость производства.

Такъ и будетъ поступать, при опредѣленіи хозяйственнаго плана, соціалистическое общество. Оно будетъ вычерчивать кривыя полезности каждаго продукта и кривыя трудовой стоимости его же.

Чѣмъ же будетъ опредѣляться высота цѣнности въ соціалистическомъ обществѣ?

Въ общемъ, тѣми же факторами, какъ и въ современной хозяй-

ственной системѣ, съ тѣмъ различіемъ, что вліяніе трудового фактора будетъ болѣе непосредственнымъ и рѣшающимъ. И теперь цѣнность того или другого продукта непосредственно опредѣляется количествомъ его въ распоряженіи общества. Количество же это зависитъ, въ свою очередь, главнымъ образомъ отъ трудовой стоимости производства того же продукта.

Однако, при современныхъ условіяхъ хозяйства, вліяніе трудового фактора ослабляется многими обстоятельствами, существенными для капиталистическаго строя, и, прежде всего, тѣмъ, что трудовой факторъ, при капиталистическомъ хозяйствѣ, вліяетъ на цѣнность черезъ заработную плату.

Трудовой факторъ превращается въ капиталистическомъ хозяйствѣ въ издержки производства. Трудъ самъ себѣ, поскольку трудъ не находитъ себѣ выраженія въ затратахъ капитала, издержкахъ производства, никакого вліянія на цѣнность продуктовъ капиталистическаго производства не оказываетъ.

Но, хотя между трудовой затратой и затратой капитала, издержками производства, и существуетъ извѣстное соотношеніе, все же ни о какой строгой пропорціональности между тѣмъ и другимъ не можетъ быть и рѣчи. При одинаковой трудовой затратѣ капиталистическія издержки производства могутъ быть очень различны—хотя бы, благодаря различіямъ оплаты труда.

Чѣмъ ниже оплачивается трудъ, чѣмъ ниже заработная плата, тѣмъ ниже и издержки производства соотвѣтствующаго продукта, хотя низкая оплата труда ни малѣйшимъ образомъ не понижаетъ трудовой стоимости того же продукта.

При соціалистическомъ строѣ трудовой факторъ будетъ вліять на цѣнность въ непосредственномъ видѣ. Соціалистическое общество будетъ вести учетъ непосредственно труда, и элементомъ расхода въ соціалистическомъ обществѣ будетъ не что иное, какъ именно общественный трудъ.

Соціалистическое общество, какъ указано, будетъ самымъ строгимъ образомъ учитывать трудовую стоимость каждаго производимаго продукта и, исходя изъ этого учета, вмѣстѣ съ учетомъ кривой полезности того же продукта, опредѣлять планъ общественнаго производства.

При учетѣ трудовой стоимости продукта придется приводить къ общей единицѣ общественнаго труда трудовые процессы различнаго рода. Квалифицированный трудъ придется сводить къ простому труду.

Придется опредѣлять, сколько часовъ средняго общественно-необходимаго рабочаго времени заключается въ часѣ труда квалифицированнаго рабочаго. Для этого требуется, въ свою очередь, учесть трудъ квалифицированнаго рабочаго, потраченный имъ для приготовленія къ своему роду труда, а также и весь общественный трудъ, потраченный на доставленіе квалифицированному рабочему необходимыхъ знаній и навыковъ.

Однако, какъ ни сложна эта задача, она все же разрѣшима. Для соціалистическаго общества трудовой учетъ будетъ столь же необходимъ, какъ необходимъ для современнаго капиталиста учетъ затраченнаго капитала; ибо соціалистическое общество есть не что иное, какъ коллективный трудящійся человѣкъ, для котораго затрата труда есть расходованіе его собственной рабочей силы.

Трудъ человѣка является однимъ изъ его жизненныхъ процессовъ и человѣкъ самымъ существеннымъ образомъ заинтересованъ въ

томъ, чтобы его трудъ расходовался наиболѣе экономно, чтобы ни одинъ атомъ труда не пропадалъ даромъ.

По отношенію къ труду соціалистическое общество будетъ представлять рѣзкій контрастъ съ современнымъ капиталистическимъ. Въ настоящее время руководитель процесса производства—капиталистъ—ведетъ хозяйство не своимъ, а чужимъ трудомъ, трудовая затрата облекается для него въ форму затраты капитала и, сама по себѣ, внѣ затраты капитала, исчезаетъ изъ области его разсчетовъ и интересовъ.

Это накладываетъ характерный отпечатокъ на всю современную хозяйственную систему, равно какъ и на хозяйственную мысль. Хозяйство нашего времени ставитъ себѣ цѣлью возможное умноженіе хозяйственныхъ продуктовъ, но отнюдь не стремится къ возможному сокращенію рабочаго дня и къ возможному уменьшенію тягостности и непріятности труда рабочаго.

Въ этомъ смыслѣ крайне характерно, что хозяйственная мысль современности въ лицѣ буржуазной политической экономіи почти игнорируетъ категорію трудовой стоимости въ чистомъ ея видѣ и все свое вниманіе сосредоточиваетъ на противоположномъ полюсѣ хозяйственнаго процесса—цѣнности. И только соціалистическая хозяйственная мысль выдвинула значеніе трудовой категоріи, какъ основной категоріи хозяйства.

Трудовая категорія будетъ въ центрѣ соціалистическаго хозяйства. Соотвѣтственно этому одной изъ основныхъ задачъ соціализма будетъ сокращеніе продолжительности рабочаго дня и увеличеніе привлекательности труда.

Ни въ одну историческую эпоху рабочій день не былъ столь продолжителенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самый процессъ труда не былъ столь тягостенъ и непріятенъ, какъ въ эпоху капитализма.

Соціализмъ долженъ въ корнѣ измѣнить субъективную окраску хозяйственнаго труда—внести въ него элементы удовольствія и даже наслажденія. Въ этомъ отношеніи сохраняютъ до настоящаго времени все свое значеніе геніальныя пророческія предчувствія Фурье о радостномъ трудѣ въ фалангѣ.

На зарѣ исторіи хозяйственный трудъ, какъ показалъ Бюхеръ, былъ неразрывно соединенъ съ эстетической дѣятельностью человѣка. „Рабочая пѣсня“ остается понынѣ памятникомъ того времени, когда человѣкъ во время работы пѣлъ. Какъ показалъ Бюхеръ, музыка возникла на основѣ хозяйственнаго труда.

Капитализмъ лишилъ хозяйственный трудъ эстетическихъ элементовъ.

Возьмемъ современную фабрику. Рабочіе работаютъ среди шума и грохота безчисленныхъ машинъ, тѣсно скученные другъ около друга: само собою разумѣется, что хозяину фабрики не придетъ въ голову заботиться о красотѣ и привлекательности обстановки фабрики, равно какъ и всего процесса труда. Фабрикантъ думаетъ о возможномъ увеличеніи своего дохода, а отнюдь не объ удовольствіяхъ своихъ рабочихъ.

Съ другой стороны, сами рабочіе, которые жизненно заинтересованы въ возможномъ уменьшеніи обременительности и непріятности ихъ труда, не въ силахъ измѣнить обстановку труда, ибо послѣдняя дается фабрикантомъ.

Такимъ образомъ, при современныхъ условіяхъ труда, никто не принимаетъ мѣръ къ улучшенію обстановки труда. Ничего нѣтъ уди-

вительнаго, что хозяйственный трудъ въ настоящее время обставленъ такъ плохо.

Между тѣмъ, приданіе хозяйственному труду привлекательнаго характера желательно не только само по себѣ, какъ одно изъ существенныхъ условій счастливой жизни работающаго человѣка, но и имѣетъ первенствующее значеніе по отношенію къ производительности труда.

И въ этомъ отношеніи достаточно напомнить о Фурье и о его блестящемъ анализѣ чувства лѣности. Лѣность есть естественный протестъ человѣческой природы противъ уродливыхъ условій хозяйственнаго труда въ современномъ хозяйственномъ строѣ.

Лѣность должна исчезнуть, если хозяйственный трудъ станетъ привлекателенъ самъ по себѣ, что будетъ достигнуто, если родъ труда будетъ соотвѣтствовать наклонностямъ и влеченіямъ рабочаго, не будетъ чрезмѣрно продолжителенъ и его обстановка будетъ эстетична и пріятна.

Человѣкъ, въ концѣ концовъ, самое мощное орудіе производства, а именно о человѣкѣ-то и забыла капиталистическая система. Сколько машинъ изобрѣтается въ наше время, и какъ мало дѣлается для физическаго и духовнаго поднятія рабочаго!

Если мы представимъ себѣ, что при соціалистическомъ строѣ будетъ обращено усиленное общественное вниманіе на всестороннее улучшеніе условій труда и поднятія работоспособности рабочаго, то намъ не покажутся преувеличенными разсчеты Фурье о колоссальномъ увеличеніи въ обществѣ будущаго общественнаго богатства, о роскошествѣ жизни и прелести обстановки соціалистическаго общества.

II.

Если цѣнность и трудовая стоимость присущи всякому хозяйственному строю, въ томъ числѣ и соціалистическому во всѣхъ его формахъ, то нельзя того же сказать о цѣнѣ. Цѣной мы называемъ одно изъ многихъ возможныхъ выраженій цѣнности, именно: цѣнность, выраженную въ деньгахъ. Очевидно, гдѣ нѣтъ денегъ, тамъ не можетъ быть и цѣны.

Соціалистическій же строй возможенъ, какъ при употребленіи денегъ, такъ и безъ всякихъ денегъ въ какой бы то ни было формѣ. Въ первомъ случаѣ, согласно классификаціи соціалистическихъ системъ въ главѣ II этой книги, мы имѣемъ дѣло съ соціализмомъ въ узкомъ смыслѣ слова, во второмъ случаѣ—съ коммунизмомъ.

Въ коммунистическомъ строѣ ни о деньгахъ, ни о цѣнѣ говорить не придется.

Иное дѣло соціализмъ въ узкомъ смыслѣ слова. Въ этомъ послѣднемъ строѣ, какъ и въ современномъ, предметы потребленія будутъ переходить въ распоряженіе потребителя путемъ продажи ихъ по опредѣленной цѣнѣ. Чѣмъ же будетъ руководствоваться соціалистическое общество при установленіи цѣны?

При составленіи хозяйственнаго плана соціалистическое общество будетъ стремиться такъ распредѣлить общественный трудъ между отдѣльными родами производства, чтобы предѣльныя полезности производимыхъ продуктовъ были пропорціональны ихъ трудовымъ стоимостямъ. Такъ, въ вышеприведенномъ схематическомъ примѣрѣ пре-

дѣльныя полезности картофеля и огурцовъ (2 и 4) такъ относятся другъ къ другу, какъ ихъ трудовыя стоимости (1 и 2).

При такомъ распредѣленіи общественнаго труда достигается максимумъ общественной пользы, наилучшимъ образомъ утилизируются производительныя силы общества. Однако, легко понять, что такое распредѣленіе общественнаго труда составляетъ цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться, но которая далеко не всегда можетъ быть достигнута.

Трудовыя стоимости каждаго продукта не легко опредѣлимы, но все же допускаютъ извѣстное точное вычисленіе. Иное слѣдуетъ сказать о другомъ элементѣ хозяйственнаго плана—полезности продуктовъ. иначе говоря, общественномъ спросѣ на нихъ.

Правда, въ грубыхъ чертахъ общественный спросъ мало колеблется изъ года въ годъ и можетъ быть предвиденъ заранѣе. Однако. все же не въ полной мѣрѣ.

Всегда можетъ случиться, что одинъ родъ заготовленной матеріи будетъ спрашиваться (напр., хотя бы подъ вліяніемъ перемѣны моды) въ большемъ количествѣ, чѣмъ ожидалось, или наоборотъ. Какъ будетъ поступать въ этомъ случаѣ соціалистическое общество?

Если бы оно продолжало держать цѣну той и другой матеріи на уровнѣ, соотвѣтствующемъ ихъ относительнымъ трудовымъ стоимостямъ, то въ этомъ случаѣ неизбѣжно должно было бы произойти слѣдующее: матерія перваго рода, спросъ на которую превышаетъ предложеніе, не могла бы удовлетворить всему общественному спросу, а матерія второго рода осталась бы въ большемъ или меньшемъ количествѣ не проданной и не использованной обществомъ

Иначе говоря, общество не использовало бы въ полной мѣрѣ имѣющіеся въ его распоряженіи хозяйственные продукты—и только по той причинѣ, что цѣны продуктовъ будутъ пропорціональны трудовымъ стоимостямъ.

Само собою разумѣется. что такое положеніе недопустимо, и соціалистическое общество постарается его избѣгнуть.

Какимъ же образомъ? Очень простымъ. Соціалистическое общество, замѣтивъ, что одна матерія спрашивается болѣе, чѣмъ имѣется въ предложеніи, повыситъ цѣну на матерію, а на тотъ сортъ матеріи, которая спрашивается менѣе, чѣмъ предлагается, соотвѣтственно понизитъ цѣну. Цѣна той и другой матеріи будетъ установлена на томъ уровнѣ, при которомъ спросъ будетъ соотвѣтствовать предложенію.

Только такое установленіе цѣны будетъ соотвѣтствовать соціалистическому принципу равномѣрнаго удовлетворенія потребностей всѣхъ гражданъ. Напротивъ, если цѣны, въ этихъ условіяхъ; будутъ пропорціональны трудовымъ стоимостямъ, то это будетъ равнозначуще нарушенію принципа равенства, равносильно эксплоатаціи однихъ другими.

Дѣйствительно, если цѣны устанавливаются на томъ уровнѣ, при которомъ общественный спросъ уравновѣшивается предложеніемъ, то въ этомъ случаѣ каждый оплачиваетъ продуктъ въ соотвѣтствіи со своей потребностью въ этомъ продуктѣ: матерія, болѣе удовлетворяющая вкусу потребителей, оплачивается выше, чѣмъ матерія, менѣе нравящаяся. Потребности всѣхъ удовлетворены въ равной мѣрѣ и никто не можетъ жаловаться на несправедливость.

Напротивъ, если бы цѣны были пропорціональны трудовымъ стоимостямъ, то одни получатъ въ предметахъ потребленія больше, чѣмъ другіе: тѣ, кто успѣлъ закупить сортъ матеріи, болѣе удовлетворяющій общественному спросу, будутъ въ лучшемъ положеніи, чѣмъ

не успѣвшіе купить этотъ сортъ матеріи и принужденные довольствоваться другимъ сортомъ матеріи, который нравится имъ менѣе.

Иными словами, въ этомъ случаѣ вынужденные покупатели матеріи второго сорта будутъ имѣть право считать себя объектомъ соціальной эксплоатаціи въ пользу покупателей матеріи перваго сорта, общественный спросъ на которую выше предложенія.

Но соціалистическое общество не можетъ допустить какой-либо эксплоатаціи одной части гражданъ другими. Иными словами, чтобы быть вѣрнымъ основной задачѣ соціализма—уничтоженія соціальной эксплоатаціи—соціалистическое общество будетъ вынуждено отклонять цѣны продуктовъ отъ пропорціональности съ трудовыми затратами.

Точно также должны отклоняться отъ соотвѣтствія трудовымъ затратамъ и цѣны рѣдкихъ продуктовъ, количество которыхъ не можетъ быть увеличено трудомъ въ желаемыхъ размѣрахъ.

Возьмемъ, напр, произведенія искусства. Было бы въ высшей степени нелѣпо, если бы соціалистическое общество расцѣнивало эти продукты въ соотвѣтствіи съ затраченнымъ трудамъ, если бы, напр., картина великаго мастера расцѣнивалась такъ же, какъ и картина любого зауряднаго живописца.

И въ этомъ случаѣ единственно разумной расцѣнкой въ соціалистическомъ обществѣ будетъ расцѣнка не по затраченному труду, а по общественному спросу на данный продуктъ.

Такимъ образомъ, цѣна въ соціалистическомъ обществѣ будетъ строиться на началахъ весьма близкихъ къ тѣмъ, на которыхъ цѣна строится и въ современномъ обществѣ: подобно тому, какъ въ настоящее время цѣна продукта устанавливается на томъ уровнѣ, при которомъ общественный спросъ наиболѣе уравновѣшивается общественнымъ предложеніемъ, таково же будетъ правило строенія цѣны и въ соціалистическомъ обществѣ. Въ этомъ отношеніи ровно никакой разницы между строеніемъ цѣны въ капиталистическомъ и соціалистическомъ обществѣ не будетъ.

Однако, нужно имѣть въ виду, что цѣны въ соціалистическомъ обществѣ будутъ монопольными цѣнами, а не цѣнами на основѣ конкуренціи, какъ это обычно въ современномъ хозяйствѣ. Но монопольныя цѣны соціалистическаго общества будутъ подчиняться иному закону, чѣмъ монопольныя цѣны капитализма: монопольныя цѣны соціализма будутъ управляться не стремленіемъ къ наибольшему барышу, а стремленіемъ къ наибольшей суммѣ общественной пользы, иначе говоря, интересами самихъ потребителей.

Существенная разница между строеніемъ цѣнъ при соціализмѣ и при капитализмѣ будетъ лежать въ другой области—въ области распредѣленія общественнаго труда между различными отраслями производства. При соціализмѣ это распредѣленіе будетъ управляться, какъ сказано, непосредственно трудовымъ факторомъ—относительной трудовой стоимостью каждаго продукта; при капитализмѣ же трудовой факторъ дѣйствуетъ лишь косвенно, какъ капиталистическія издержки производства, осложняясь иными нетрудовыми элементами.

Итакъ, непосредственнымъ регуляторомъ цѣны при соціализмѣ, какъ и при капитализмѣ, будетъ соотношеніе общественнаго спроса и общественнаго предложенія; за предѣлами же рынка при соціализмѣ регуляторомъ общественнаго предложенія будетъ трудовая стоимость каждаго продукта, между тѣмъ, какъ при капитализмѣ такимъ регуляторомъ являются капиталистическія издержки производства.

Во всякомъ случаѣ, соціалистическая цѣна далеко не всегда будетъ трудовой цѣной. Это важно подчеркнуть, такъ какъ обычно думаютъ, что соціализмъ приведетъ къ трудовой цѣнѣ.

III.

Соціалистическое хозяйство въ узкомъ смыслѣ предполагаетъ употребленіе денегъ въ качествѣ орудія распредѣленія продуктовъ между потребителями. Но соціалистическія деньги будутъ самымъ существеннымъ образомъ отличаться отъ современныхъ.

Въ настоящее время деньгами является тотъ или иной товаръ, въ силу своихъ естественныхъ свойствъ ставшій всеобщимъ покупательнымъ средствомъ, и благодаря этому всеобщимъ измѣрителемъ цѣнности. Такъ, всемірными деньгами стало золото благодаря тому, что среди всѣхъ товаровъ, исполнявшихъ въ разное время и въ разныхъ странахъ функціи денегъ, оно въ наибольшей степени обладаетъ тѣми естественными свойствами, которыми долженъ обладать товаръ, функціонирующій въ роли денегъ.

Правда, въ бумажныхъ деньгахъ мы видимъ эмбріонъ денегъ другого рода, денегъ нетоварной природы. Но до настоящаго времени бумажныя деньги принуждены опираться, въ концѣ концовъ, на металлъ и являются деньгами, такъ сказать, второго сорта, къ которымъ государство прибѣгаетъ по необходимости въ трудную минуту, возвращаясь, при первой возможности, къ металлическимъ деньгамъ.

Поэтому нужно признать, что для ступени развитія, достигнутой до настоящаго времени капитализмомъ, характерны деньги товарнаго происхожденія.

Будучи, какъ товаръ, предметомъ всеобщаго спроса, золото становится всеобщимъ покупательнымъ средствомъ; обладая собственной устойчивой цѣнностью и измѣряя въ качествѣ всеобщаго покупательнаго средства цѣнность другихъ товаровъ золото становится всеобщимъ измѣрителемъ цѣнности.

Итакъ, деньги въ современномъ обществѣ неотдѣлимы отъ товара. Какъ показалъ Марксъ въ своемъ геніальномъ анализѣ формъ цѣнности, въ I главѣ „Капитала“, денежныя функціи постепенно выдѣляются изъ мѣновыхъ функцій товаровъ и являются результатомъ естественной эволюціи товара.

Деньги въ соціалистическомъ обществѣ будутъ существенно иной природы: ничего общаго съ товаромъ онѣ имѣть не будутъ.

Соціалистическія деньги явятся вполнѣ и безъ остатка продуктомъ сознательнаго общественнаго творчества, какъ, напр., метрическая система мѣръ была результатомъ сознательнаго творчества революціонной Франціи.

Даже болѣе—соціалистическія деньги въ гораздо большей степени, чѣмъ метръ или аршинъ, будутъ актомъ общественнаго творчества, ибо метръ или аршинъ все же опредѣленныя объективныя величины, доли объективнаго протяженія. Чтобы измѣрить длину того или иного предмета, нужно физическое измѣреніе этого предмета при помощи объективно даннаго физическаго орудія измѣренія—метра или аршина.

Напротивъ, единица измѣренія цѣнъ, чѣмъ будетъ соціалистическая денежная единица, никакой физической реальностью обладать не будетъ и даже сама по себѣ отнюдь не будетъ цѣнностью.

При современныхъ условіяхъ денежная единица—золотая монета опредѣленнаго вѣса—имѣетъ самостоятельную цѣнность, высота которой опредѣляется объективными условіями народнаго хозяйства. Хотя измѣреніе цѣнности предмета при помощи денегъ и есть актъ не физическій, а идеальный, но все же въ основѣ этого измѣренія лежитъ извѣстная объективная общественная реальность—цѣнность данной золотой монеты.

Въ соціалистическомъ хозяйствѣ весь процессъ выраженія цѣнъ въ денежной единицѣ пріобрѣтаетъ идеальный характеръ, ибо сама денежная единица становится всецѣло идеальной.

Эта денежная единица есть не болѣе, какъ условный знакъ, необходимый для счета. Для чего же нуженъ этотъ знакъ? Для того, чтобы обозначать во сколько разъ цѣна одного продукта больше цѣны другого, и сколько продуктовъ того и другого рода можно пріобрѣсть за данныя покупательныя средства.

Одни продукты имѣютъ бо́льшую цѣну, чѣмъ другіе. Чтобы обозначить это, нужно выражать цѣну каждаго продукта въ какихъ-либо общихъ единицахъ.

Но что будетъ въ этомъ случаѣ единицей измѣренія цѣнъ? Цѣнность опредѣленнаго объективнаго продукта, какъ въ наше время цѣнность золота опредѣленнаго вѣса?

Отнюдь нѣтъ. Единицей измѣренія цѣнъ при соціалистическомъ строѣ будетъ не цѣнность того или иного конкретнаго предмета и не трудовой часъ или какая-нибудь другая конкретная величина. Единицей измѣренія цѣнъ будетъ условный знакъ, не заключающій въ себѣ никакой цѣнности.

Этотъ условный знакъ не имѣетъ, самъ по себѣ, опредѣленнаго содержанія. Но онъ получаетъ это содержаніе, если оказывается, что въ одномъ продуктѣ этихъ условныхъ величинъ болѣе, чѣмъ въ другомъ.

Пусть единица соціалистической цѣны есть X. Сказавъ, что цѣна даннаго продукта есть X, я, конечно, ничего не сказалъ о величинѣ цѣны этого продукта. Въ этомъ отношеніи выраженіе цѣны въ современныхъ деньгахъ существенно иного рода, ибо сказавъ, что цѣна даннаго предмета равна опредѣленной золотой монетѣ, я даю вполнѣ опредѣленное выраженіе для величины этой цѣны, такъ какъ цѣнность даннаго куска золота можно считать извѣстной.

Напротивъ, при соціализмѣ единица измѣренія цѣны не будетъ имѣть никакого опредѣленнаго конкретнаго выраженія и, сказавши, что данный продуктъ содержитъ въ себѣ единицу такой цѣны, мы ровно ничего не сказали.

Однако, дѣло принимаетъ совершенно иной видъ, если продолжить этотъ процессъ опредѣленія цѣны продуктовъ въ фиктивныхъ цѣнностныхъ единицахъ.

Пусть цѣна одного продукта равняется X, цѣна же другого продукта равняется 2X; это второе измѣреніе мы получаемъ, зная, что цѣнность второго продукта вдвое выше, чѣмъ перваго.

Можно, пожалуй, сказать, что и въ этомъ случаѣ наше знаніе нисколько не увеличено этими условными обозначеніями: вѣдь абсолютная величина цѣнности второго продукта также неизвѣстна, какъ и перваго, а то обстоятельство, что цѣнность второго продукта вдвое выше, чѣмъ перваго, не есть выводъ изъ выраженія цѣнности въ фиктивныхъ цѣнностныхъ единицахъ, а, наоборотъ, это послѣднее выра-

женіе есть выводъ изъ нашего знанія, что цѣнность второго продукта вдвое выше, чѣмъ перваго.

Итакъ, повидимому, мы не подвигаемся ни на шагъ въ познаніи цѣнности продуктовъ.

Но это невѣрно. Въ дѣйствительности наши условныя обозначенія дають очень многое.

Для хозяйства чрезвычайно важно знать соотношенія цѣнъ различныхъ продуктовъ. Необходимо знать, сколько именно продуктовъ, какого рода, въ какомъ количествѣ можетъ быть пріобрѣтено на покупательныя средства, имѣющіяся въ распоряженіи даннаго лица.

Если данное лицо имѣетъ въ своемъ распоряженіи a покупательныхъ единицъ (цѣнность каждой единицы пусть будетъ X), а цѣна каждаго продукта имѣетъ опредѣленное выраженіе (въ тѣхъ же единицахъ X)—напр., $\frac{a}{b}$ $\frac{a}{c}$ $\frac{a}{d}$ и т. д., то имѣются всѣ данныя для самаго точнаго учета, какіе именно продукты и въ какомъ количествѣ будутъ пріобрѣтены даннымъ лицомъ.

Суть дѣла заключается въ слѣдующемъ. Денежное выраженіе цѣнности имѣетъ своей цѣлью не опредѣленіе абсолютныхъ размѣровъ цѣнности того или иного продукта, а установленіе соотношенія между покупательными средствами того или иного лица и цѣнами всѣхъ продуктовъ, на которые могутъ быть затрачены данныя покупательныя средства. Безъ знанія этого соотношенія нельзя знать, какіе продукты и въ какомъ количествѣ могутъ быть пріобрѣтены даннымъ лицомъ.

Для того, чтобы это соотношеніе было выражено, нѣтъ необходимости опредѣлять абсолютную величину цѣнности продукта и абсолютную величину цѣнности покупательныхъ средствъ, а достаточно знать лишь соотношеніе цѣнъ.

И въ области физическихъ явленій мы сплошь и рядомъ производимъ такое условное, фиктивное измѣреніе, которое вполнѣ удовлетворяетъ нашимъ практическимъ цѣлямъ.

Такъ, измѣряя теплоту термометромъ, мы опредѣляемъ температуру не количествомъ тепловыхъ единицъ, а условнымъ признакомъ—расшириніемъ столбика ртути.

Сами по себѣ показанія столбика ртути не даютъ никакого знанія о количествѣ теплоты; но они обнаруживаютъ соотношенія температуры въ той или иной средѣ—а это все, что намъ нужно для данныхъ практическихъ цѣлей.

Совершенно также и условная, счетная денежная единица въ соціалистическомъ хозяйствѣ, не давая никакого знанія объ абсолютной величинѣ цѣнности, является основаніемъ для измѣренія соотношеній между покупательными средствами и цѣнами пріобрѣтаемыхъ продуктовъ, а также соотношенія цѣнъ другъ къ другу. На практикѣ больше ничего и не требуется.

Итакъ, соціалистическія деньги могутъ прекрасно функціонировать, не обладая сами цѣнностью. Денежная единица при соціализмѣ не будетъ единицей цѣнности, какъ нынѣ, а единицей измѣренія цѣнъ, подобно тому, какъ одинъ градусъ по Цельсію не есть единица теплоты, но единица измѣренія температуры.

Возможность такихъ денегъ, не имѣющихъ цѣнности, доказывается въ современномъ хозяйствѣ бумажными деньгами. **Бумажныя деньги являются эмбріономъ соціалистическихъ денегъ.**

Правда, современныя бумажныя деньги прямо или косвенно опираются на металлъ.

Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что неразмѣнныя бумажныя деньги являются самостоятельнымъ мѣриломъ цѣнъ, доказывая этимъ возможность измѣрять цѣны единицей, лишенной цѣнности *).

Все же между бумажными деньгами современности и деньгами соціалистическаго государства будетъ глубокое различіе.

Современныя бумажныя деньги обычно теряютъ устойчивость цѣнности, если за ними не стоитъ въ распоряженіи государства достаточно крупный запасъ золота.

Напротивъ, соціалистическое государство не будетъ нуждаться для обезпеченія своихъ бумажныхъ денегъ въ металлическомъ запасѣ.

И это по слѣдующей причинѣ: современное государство не является собственникомъ національнаго богатства, только часть котораго принадлежитъ государству, между тѣмъ какъ другая часть принадлежитъ гражданамъ государства на правахъ частной собственности.

Напротивъ, соціалистическое государство владѣетъ всѣми продуктами страны. Эти продукты и будутъ обезпеченіемъ бумажныхъ денегъ въ соціалистическомъ государствѣ.

Въ предѣлахъ даннаго государства бумажныя деньги соціалистической эпохи будутъ выполнять только часть функцій современныхъ денегъ: онѣ не будутъ мѣриломъ цѣнности, а только масштабомъ цѣнъ; рядомъ съ этой функціей онѣ будутъ выполнять функцію всеобщаго платежнаго (покупательнаго) средства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, онѣ будутъ и орудіемъ обмѣна.

Правда, покупка продуктовъ изъ общественныхъ магазиновъ гражданами соціалистическаго общества не можетъ считаться сама по себѣ обмѣномъ, ибо въ этомъ случаѣ продуктъ не пріобрѣтается путемъ отчужденія какого-либо другого продукта. Хозяйственная операція имѣетъ въ этомъ случаѣ иной характеръ. Общество отпускаетъ отдѣльнымъ лицамъ тѣ или иные продукты, принимая отъ нихъ въ уплату денежные знаки, именно для этого и выпущенные. Обмѣна тутъ нѣтъ, а есть только своеобразный способъ распредѣленія продуктовъ между населеніемъ, при помощи денегъ.

Въ данномъ случаѣ деньги функціонируютъ, какъ покупательное (платежное) средство. Но соціалистическія деньги могутъ быть и орудіемъ обмѣна.

Дѣло въ томъ, что въ соціалистическомъ обществѣ, согласно сказанному въ предшествовавшей главѣ, обмѣнъ не прекратится. Бо́льшая или меньшая часть средствъ производства будетъ эксплоатироваться за свой собственный счетъ отдѣльными общественными группами различнаго состава, и даже отдѣльными лицами. Продукты труда этихъ обособленныхъ хозяйственныхъ организацій будутъ, въ большей или меньшей части, поступать въ обмѣнъ черезъ посредство государства.

Поскольку указанныя обособленныя хозяйственныя группы будутъ пріобрѣтать нужные имъ продукты за деньги, вырученныя отъ продажи продуктовъ труда данныхъ группъ, постольку въ данномъ случаѣ мы будемъ имѣть несомнѣнный обмѣнъ продуктовъ, и деньги, слѣдовательно, будутъ исполнять функцію орудія обмѣна.

---

*) Теорію цѣнности бумажныхъ денегъ я постарался дать въ своей книгѣ „Бумажныя деньги и металлъ“ (1917).

Затѣмъ, деньги будутъ функціонировать, какъ орудіе обмѣна въ области международныхъ хозяйственныхъ сношеній. Правда, не нужно думать, что государство будущаго, въ рукахъ котораго будутъ сосредоточены всѣ сношенія съ другими странами, будетъ покупать за деньги всѣ необходимые ему продукты другихъ странъ, подобно тому, какъ это дѣлаетъ нынѣ частный торговецъ Продукты будутъ пріобрѣтаться у другихъ странъ въ обмѣнъ на продукты данной страны безъ всякаго посредства денегъ, путемъ соотвѣтствующихъ записей. Но сальдо этихъ операцій должно уплачиваться деньгами, которыя будутъ затѣмъ поступать въ своего рода международное расчетное бюро, опредѣляющее, сколько данное государство должно другимъ государствамъ и сколько эти послѣднія должны ему.

И въ этомъ случаѣ деньги будутъ функціонировать, какъ орудіе обмѣна.

Какой именно видъ будутъ имѣть соціалистическія деньги—это вопросъ техники и практическаго удобства. Можно себѣ представлять, что это будутъ деньги, подобныя современнымъ бумажнымъ—т.-е. отдѣльные бумажные листы, переходящіе изъ рукъ въ руки; или же соціалистическія деньги будутъ имѣть характеръ именныхъ чековыхъ книжекъ, вручаемыхъ каждому гражданину на опредѣленную сумму, при чемъ оплата пріобрѣтаемыхъ продуктовъ будетъ производиться чеками. Наконецъ, можно себѣ представить, что и чековыхъ книжекъ не будетъ, а каждому будетъ открываться именной кредитъ, съ котораго и будутъ списываться при покупкахъ соотвѣтствующія суммы.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ не было бы денежныхъ знаковъ, какъ особыхъ предметовъ. Но деньги все-таки останутся, хотя и въ идеальной формѣ открываемыхъ кредитовъ на извѣстныя суммы.

Денежныя единицы могутъ носить тѣ же названія, что и нынѣ—рубля, франка, марки, фунта стерлинговъ и т. д. Но, конечно, это будутъ лишь тѣ же названія для вещей совершенно различнаго рода.

Соціалистическій франкъ не будетъ монетой золотой или серебряной, а простымъ условнымъ знакомъ для выраженія покупательной силы даннаго покупательнаго средства.

Сохраненіе тѣхъ же денежныхъ названій удобно въ томъ отношеніи, что это облегчитъ переходъ къ новымъ условіямъ общественнаго хозяйства: соціалистическому обществу не придется производить новой расцѣнки, въ новыхъ денежныхъ единицахъ, всѣхъ продуктовъ и оно получитъ возможность унаслѣдовать (конечно, съ нужными измѣненіями) цѣны капиталистической эпохи.

Во всякомъ случаѣ, было бы очень нецѣлесообразно присваивать денежнымъ единицамъ будущаго трудовыя названія—назвать, напр., денежную единицу 1 часомъ труда и т. п. Нецѣлесообразно это было бы потому, что какъ бы ни называть денежную единицу цѣны въ соціалистическомъ обществѣ не могутъ всегда соотвѣтствовать трудовымъ стоимостямъ продуктовъ и трудовыя названія денегъ были бы, такимъ образомъ, словами безъ опредѣленнаго содержанія или, точнѣе, словами, вводящими въ заблужденіе, что, во всякомъ случаѣ, не можетъ считаться желательнымъ.

Глава X.

Соціалистическій строй, какъ хозяйственная система высшей производительности.

I. Задержка развитія производительныхъ силъ частной собственностью на средства производства. Устойчивость отсталыхъ формъ хозяйства. Задерживающія силы капитализма въ области реализаціи продуктовъ. — II. Задержка развитія производительныхъ силъ антагонистическимъ характеромъ капиталистическаго способа производства. Наемный трудъ и поднятіе производительности труда. Раздѣленіе умственнаго и физическаго труда. Гибель талантовъ. Высокая производительность труда при соціализмѣ. — III. Общественныя, моральныя и интеллектуальныя условія осуществленія соціализма. Соціализмъ возможенъ лишь на извѣстной ступени общественнаго развитія.

I.

Одной изъ самыхъ плодотворныхъ научныхъ идей марксизма является признаніе развитія производительныхъ силъ движущей силой соціальнаго прогресса. Выраженный въ другой формѣ тезисъ этотъ гласитъ, что лишь въ томъ случаѣ новая соціальная система можетъ явиться результатомъ прогрессивнаго развитія прежней соціальной системы, если эта новая система обладаетъ большей производительной силой, чѣмъ прежняя.

Въ примѣненіи къ соціализму это значитъ, что капитализмъ постольку приводитъ къ соціализму, поскольку соціализмъ является хозяйственной системой высшей производительности, чѣмъ капитализмъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что капиталистическое хозяйство является хозяйственной системой болѣе высокой производительности, чѣмъ предшествовавшія хозяйственныя системы. Это настолько ясно, что не требуетъ доказательствъ и статистическихъ иллюстрацій. Огромный ростъ населенія земного шара въ 19 вѣкѣ не только не привелъ къ сокращенію общественнаго богатства на одного человѣка но сопровождался весьма значительнымъ увеличеніемъ относительнаго богатства. Это стало возможнымъ лишь благодаря развитію въ 19 вѣкѣ капитализма.

Однако, какъ ни велики производительныя силы капитализма сравнительно съ предшествовавшими хозяйственными системами, и капитализмъ заключаетъ въ себѣ условія, задерживающія дальнѣйшее развитіе производительныхъ силъ, препятствующія подъему производительности труда на еще болѣе высокій уровень.

Эти условія могутъ быть, принципіально, сведены къ двумъ основнымъ: 1) капиталистическая хозяйственная система предполагаетъ частную собственность отдѣльныхъ лицъ на средства производства и 2) капиталистическая хозяйственная система есть система хозяйства, въ которой трудъ эксплоатируется капиталомъ.

Значеніе перваго условія—частной собственности на средства производства—заключается въ томъ, что при автономности отдѣль-

ныхъ предпріятій—хозяйственныхъ единицъ, изъ которыхъ слагается капиталистическая система хозяйства, — производительность общественнаго труда, какъ во многихъ отдѣльныхъ пунктахъ производства, такъ и въ цѣломъ, должна неизбѣжно оставаться позади возможной соотвѣтственно достигнутому уровню производительной техники.

При капиталистической системѣ хозяйства общественныя производительныя силы находятся въ распоряженіи отдѣльныхъ предпріятій, экономическая мощность которыхъ весьма различна, и которыя, кромѣ того, предоставлены самимъ себѣ и не могутъ черпать изъ хозяйственнаго фонда всего общества. При такомъ положеніи дѣла неизбѣжно существованіе рядомъ съ экономически сильными предпріятіями также слабыхъ предпріятій, которыя по своему техническому уровню далеко отстаютъ отъ первыхъ.

Во всѣхъ капиталистическихъ обществахъ мы видимъ на ряду съ предпріятіями, пользующимися всѣми завоеваніями современной техники, также предпріятія, техника производства которыхъ стоитъ на очень низкомъ уровнѣ. Такъ какъ высокій уровень техники предполагаетъ употребленіе машинъ, а машины, въ свою очередь, имѣютъ примѣненіе преимущественно при крупномъ производствѣ, то степень распространенія въ той или иной странѣ крупнаго производства является лучшимъ показателемъ достигнутаго ею уровня производительности общественнаго труда.

Статистика показываетъ, что, въ общемъ, въ области промышленности крупное производство вытѣсняетъ мелкое, въ сельскомъ же хозяйствѣ скорѣе наблюдается процессъ обратнаго рода — вытѣсненіе крупнаго производства мелкимъ.

Но и въ области промышленности крупное производство ни въ одной странѣ не является единственной формой промышленнаго предпріятія. Дѣйствительность повсемѣстно показываетъ въ этомъ отношеніи крайне пеструю картину. Рядомъ съ крупной капиталистической фабрикой, на которой примѣняются наиболѣе усовершенствованныя машины и пріемы производства, мы повсемѣстно видимъ среднюю и мелкую фабрику, стоящую уже на гораздо болѣе низкомъ техническомъ уровнѣ, а затѣмъ и мелкое ремесленное и кустарное заведеніе, на которыхъ техника производства нерѣдко совершенно примитивна, соотвѣтствуя техническимъ условіямъ давно прошедшихъ временъ.

Крупная фабрика включаетъ въ себя только небольшую часть всего промышленнаго населенія. И хотя крупная фабрика быстрѣе увеличиваетъ число своихъ рабочихъ, чѣмъ другія промышленныя предпріятія, такъ что относительно все большія и большія доли промышленнаго населенія вовлекаются въ процессъ крупнаго фабричнаго производства, тѣмъ не менѣе абсолютно масса населенія, занятаго мелкимъ промышленнымъ производствомъ, не только не сокращается, но также растетъ, хотя и менѣе быстро.

А такъ какъ производительность труда на крупныхъ фабрикахъ очень значительно превышаетъ производительность труда въ мелкомъ производствѣ, то существованіе послѣдняго, рядомъ съ крупнымъ, свидѣтельствуютъ о задержкѣ роста производительныхъ общественныхъ силъ.

Правда, крупное промышленное производство создано капитализмомъ. Но та же система частной собственности на средства про-

изводства, которая лежитъ въ основѣ капитализма, поддерживаетъ существованіе и мелкаго предпріятія.

Если бы не существовало частной собственности на средства производства если бы средства производства принадлежали всему обществу, какъ этого хочетъ соціализмъ, то общественное производство могло бы быть организовано въ соотвѣтствіи съ требованіями технической цѣлесообразности. Соціалистическое общество не нашло бы никакого основанія производить нужные ему продукты при помощи несовершенныхъ техническихъ пріемовъ и устарѣлыхъ орудій труда, когда въ его распоряженіи имѣются лучшія машины и способы производства.

Напротивъ, при современной системѣ общественнаго хозяйства, мелкіе размѣры капитала, принадлежащаго тому или иному лицу обуславливаютъ собой мелкіе размѣры предпріятія, а, слѣдовательно, и производства

Правда, капиталистическій строй создаетъ силы, направленныя къ вытѣсненію мелкаго предпріятія крупнымъ и къ концентраціи общественнаго производства. Взаимная конкуренція крупнаго и мелкаго предпріятія приводитъ, въ области промышленности, къ побѣдѣ крупнаго предпріятія какъ болѣе сильнаго. Картели, трасты и иные капиталистическіе союзы ускоряютъ процессъ поглощенія мелкаго предпріятія крупнымъ. Но всѣ эти процессы дѣйствуютъ все же медленно и мелкое предпріятіе отнюдь не исчезаетъ, а лишь постепенно отступаетъ на задній планъ, сравнительно съ крупнымъ

При господствѣ частнохозяйственной системы техническій прогрессъ идетъ мимо огромной части общественнаго производства, совершенно ее не задѣвая. Что пользы въ техническихъ изобрѣтеніяхъ, если огромная часть человѣчества — во многихъ странахъ большинство населенія—продолжаетъ работу при помощи такихъ же примитивныхъ орудій производства, какія употребляли наши отдаленные предки? Соха, ручная прялка, ручной ткацкій станокъ, все еще занимаютъ во многихъ странахъ прочное мѣсто въ народномъ хозяйствѣ

Итакъ, въ предѣлахъ отдѣльныхъ, частныхъ хозяйствъ мы замѣчаемъ въ настоящее время крайне несовершенное использованіе техническихъ силъ, которыми располагаетъ общество. Но все же здѣсь замѣчается значительный прогрессъ: болѣе совершенныя въ техническомъ отношеніи предпріятія, въ общемъ, все же растутъ, и, если не абсольтно, то относительно замѣщаютъ менѣе совершенныя предпріятія Крупное производство занимаетъ все болѣе господствующее положеніе въ капиталистическомъ хозяйствѣ.

Но все то капиталистическое хозяйство, въ цѣломъ, продолжаетъ оставаться неорганизованнымъ, стихійнымъ. Тутъ почти никакого прогресса не замѣчается, такъ какъ соединеніе капиталистовъ въ картели не уничтожаетъ конкуренціи между картелями и, несмотря на картели, національное производство, въ цѣломъ, остается неорганизованнымъ. Не существуетъ никакой руководящей и направляющей власти для согласованія между собой дѣйствій отдѣльныхъ автономныхъ хозяйственныхъ единицъ, изъ которыхъ слагается общественное хозяйство капитализма. Между тѣмъ, при существованіи обмѣна, положеніе каждаго отдѣльнаго хозяйства связано самымъ дѣйствительнымъ образомъ съ положеніемъ другихъ. Слѣдствіемъ этого является непрерывное давленіе, которое хаотичное

состояніе капиталистическаго обмѣна оказываетъ на ростъ общественнаго производства въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Это невидимое, но вполнѣ реальное давленіе есть одно изъ главныхъ задерживающихъ условій развитія общественныхъ производительныхъ силъ при системѣ капитализма.

Центральной силой, управляющей движеніемъ капиталистической промышленности, является рынокъ. Именно черезъ посредство рынка и чувствуется капиталистическимъ міромъ давленіе, оказываемое неорганизованностью общественнаго обмѣна на ростъ общественнаго производства. Техническія силы современной промышленности такъ громадны, что производство всякой капиталистической страны могло бы въ короткое время чрезвычайно возрасти. Это доказывается лучше всего тѣми поразительными скачками, которые капиталистическое производство дѣлаетъ въ эпохи торговопромышленнаго оживленія.

Растутъ, какъ грибы, фабрики, заводы, всевозможныя новыя промышленныя и торговыя предпріятія, застраиваются домами цѣлые городскіе кварталы, въ Новомъ Свѣтѣ выростаютъ цѣлые города; словно какой-то волшебный золотой дождь падаетъ на страну и пробуждаетъ спящія въ ней производительныя силы, грандіозность которыхъ поражаетъ всѣхъ!

Но такое возбужденіе длится всегда недолго. Проходитъ 3—4 года и слѣдуетъ кризисъ, крахи, банкротства, застой промышленности и общій упадокъ. Таковъ неизмѣнный ходъ капиталистической промышленности, ея правильная пульсація, слагающаяся изъ смѣны періодовъ оживленія и застоя. Почему же промышленное оживленіе всегда бываетъ такъ непродолжительно и неизмѣнно приводитъ къ застою?

Непосредственной причиной промышленнаго кризиса всегда является паденіе товарныхъ цѣнъ — невозможность найти сбытъ, рынокъ для производимыхъ товаровъ по выгоднымъ цѣнамъ. Промышленный подъемъ останавливается не потому, чтобы капиталистическое общество было не въ силахъ произвести большее количество продуктовъ, а потому, что оно не въ силахъ эти продукты потребить, переварить, несмотря на то, что огромное большинство населенія страдаетъ отъ недостатка предметовъ потребленія.

Такимъ образомъ, именно неорганизованность капиталистическаго обмѣна связываетъ капиталистическую промышленность и не даетъ ей возможности развиваться такъ быстро, какъ это допускается чисто техническими условіями производства. Именно въ этомъ — въ соціальномъ строѣ капитализма — и лежитъ основная причина сравнительной ничтожности общей суммы національнаго богатства даже въ наиболѣе богатыхъ странахъ капиталистическаго міра. Можетъ ли быть національное богатство велико, когда за каждымъ кратковременнымъ подъемомъ промышленности обязательно слѣдуетъ нерѣдко гораздо болѣе продолжительный упадокъ?

Характерной особенностью капиталистической системы хозяйства является постоянная наличность болѣе или менѣе многочисленнаго класса безработныхъ—людей желающихъ и способныхъ работать, но не находящихъ работы.

Въ періоды кризисовъ число этихъ безработныхъ очень увеличивается, во время промышленнаго подъема значительно сокращается, но никогда не исчезаетъ совершенно. Что же создаетъ эту

постоянную, хотя и колеблющуюся по своимъ размѣрамъ безработицу? Опять таки, не естественныя, техническія условія производства. Нѣтъ недостатка въ орудіяхъ труда для всѣхъ безработныхъ, нѣтъ недостатка въ матеріалѣ для обработки и нѣтъ недостатка въ потребностяхъ, которыя могли бы быть удовлетворены при помощи изготовленныхъ продуктовъ. Почему же люди не находятъ работы, въ то самое время, какъ средства производства лежатъ праздно, а масса народа лишена предметовъ, необходимыхъ для жизни? Только потому, что существующая система хозяйства, лишающая рабочаго средствъ производства и раздробляющая народнохозяйственный организмъ на милліоны независимыхъ, автономныхъ частныхъ хозяйствъ, связываетъ, какъ въ тиски, общественное производство и не даетъ ему возможности использовать колоссальныя производительныя силы, которыя, открытыя наукой и знаніемъ таятся въ нѣдрахъ современнаго общества.

Правда, въ предѣлахъ самаго капиталистическаго хозяйства совершается могущественный процессъ объединенія капиталистическихъ предпріятій въ разнаго рода союзы и ассоціація. Но эти капиталистическія организаціи не только не способны снять узы, лежащія теперь на общественномъ производствѣ но сами принимают дѣятельнѣйшія мѣры къ ограниченію общественнаго производства и задержкѣ его роста. Именно въ этомъ и заключается главнѣйшая задача картелей, трэстовъ и другихъ союзовъ капитала.

Итакъ, неорганизованность капиталистическаго хозяйства, которую не могутъ устранить никакіе союзы капитала, вызываетъ огромное соціальное треніе при поступательномъ движеніи капитализма. Это треніе иногда достигаетъ такихъ размѣровъ, что совсѣмъ пріостанавливаетъ капиталистическое движеніе, какъ это бываетъ во время кризисовъ. Въ другое время оно слабѣе, но все же всегда остается и всегда тормозитъ движеніе впередъ. Планомѣрная организація общественнаго хозяйства должна чрезвычайно уменьшить это треніе и развернуть во всю ширь огромныя производительныя силы современнаго общества.

II.

Такимъ образомъ, первымъ тормозомъ развитія производительныхъ силъ въ предѣлахъ капиталистической системы является частная собственность на средства производства, благодаря чему, съ одной стороны, поддерживается существованіе рядомъ съ крупнымъ производствомъ также и мелкаго производства, несмотря на техническую отсталость послѣдняго, а съ другой стороны, и крупное производство не можетъ развернуть всѣхъ своихъ силъ благодаря трудности реализаціи его продуктовъ.

Другимъ, не менѣе важнымъ, препятствіемъ къ поднятію производительности труда въ предѣлахъ капитализма является капиталистическая эксплоатація рабочаго, то обстоятельство, что рабочій не владѣетъ всѣмъ своимъ трудовымъ продуктомъ, но большую или меньшую часть послѣдняго вынужденъ отдавать капиталисту.

Это приводитъ, прежде всего, къ тому, что наемный рабочій утрачиваетъ стимулъ къ поднятію своей производительности до возможно высшаго предѣла. Въ этомъ отношеніи система капиталисти-

ческаго производства стоитъ позади исторически предшествовавшей ей системы мелкаго самостоятельнаго производства

Мелкій производитель-ремесленникъ былъ виртуозомъ своего дѣла и Зомбартъ имѣлъ основаніе, характеризуя средневѣковое ремесло, говоритъ о ремеслѣ, какъ о дѣятельности, приближающейся къ искусству Ремесленникъ работалъ не по найму, но владѣлъ продуктомъ своего труда — былъ, такимъ образомъ, непосредственно заинтересованъ въ возможномъ поднятіи качества своего продукта, кромѣ того, ремесленникъ работалъ непосредственно на потребителя, между нимъ и потребителемъ не стоялъ капиталистическій посредникъ, какъ въ наше время, и этотъ личный контактъ производителя и потребителя накладывалъ свой отпечатокъ на весь хозяйственный строй эпохи ремесла.

При господствѣ капитализма рабочій не только не имѣетъ стимула подымать производительность своего труда до наивысшаго предѣла, но имѣетъ основанія опасаться повышенія своей производительности. Дѣло въ томъ, что, чѣмъ выше производительность рабочаго, тѣмъ меньше требуется рабочихъ рукъ для полученія того же количества продукта, и, слѣдовательно, тѣмъ больше количество избыточныхъ рабочихъ на рабочемъ рынкѣ.

Поэтому рабочіе союзы боятся повышенія производительности труда рабочихъ, какъ фактора, оказывающаго неблагопріятное вліяніе на рабочій рынокъ. Тѣ формы заработной платы, которыя имѣютъ тенденцію стимулировать производительность труда, какъ напр., прогрессивная заработная плата, премія за особо значительную выработку продукта и тому подобныя системы оплаты труда, вызывающія усиленное напряженіе трудовой энергіи рабочаго, встрѣчаютъ со стороны рабочихъ союзовъ самое упорное и настойчивое противодѣйствіе

Въ послѣдніе годы въ Америкѣ нашумѣла такъ называемая „система Тейлора", сущность которой сводилась къ разнаго рода пріемамъ, ведущимъ къ возможному упрощенію и раціонализированію процессовъ труда въ видахъ доведенія ихъ до наивысшей производительности. Дѣло въ томъ, что обычный физическій трудъ представляетъ собой, благодаря множеству излишнихъ движеній, которыя дѣлаетъ работающій человѣкъ, весьма непроизводительную и неэкономную трату силъ человѣка. Американскій инженеръ и предприниматель Тейлоръ сдѣлалъ попытку выработать раціональные пріемы физической работы, т. е. такіе пріемы, при которыхъ достигался бы наибольшій полезный результатъ работы при наименьшей затратѣ трудовой энергіи.

При этомъ обнаружилось, что при раціональныхъ пріемахъ труда возможно огромное повышеніе количества вырабатываемаго продукта при одновременномъ значительномъ сокращеніи времени труда.

Казалось бы, чего лучше? Однако система Тейлора не только не была привѣтствована рабочимъ классомъ, а, наоборотъ, встрѣтила со стороны рабочихъ рѣзко-враждебное отношеніе. Рабочіе союзы и въ Америкѣ и въ другихъ странахъ объявили себя противниками этой системы и послѣдняя не получила, благодаря этому противодѣйствію, сколько нибудь значительнаго распространенія, несмотря на огромное повышеніе производительности труда, которое она обѣщала.

И рабочіе союзы были правы. Дѣло въ томъ, что при капиталистическихъ условіяхъ хозяйства рабочій имѣетъ основаніе опасаться рѣзкаго подъема производительности своего труда. Но, кромѣ того, система Тейлора, въ обстановкѣ капитализма, грозила совершенно поработить рабочаго, превративъ его въ механическаго автомата, изъ котораго капиталистъ выжималъ бы въ свою пользу всю его жизненную силу. Автоматическій характеръ труда, къ чему стремился Тейлоръ, могъ бы и не сопровождаться пониженіемъ рабочаго времени и, въ такомъ случаѣ, рабочій работалъ бы столь же продолжительное время, какъ и нынѣ, но работалъ бы съ гораздо большимъ напряженіемъ силъ, въ ущербъ своему здоровью и въ интересахъ повышенія прибыли капиталиста.

Если-бы система Тейлора получила общее распространеніе, то, въ условіяхъ капитализма, она могла-бы повести къ деградированію всего рабочаго класса и къ общему вырожденію націи.

Но это только благодаря капиталистической формѣ современнаго хозяйства. При соціалистическомъ же строѣ система Тейлора и вообще какое бы то ни было раціонализированіе условій труда не могло бы встрѣтить ни малѣйшихъ возраженій съ чьей бы то ни было стороны, а, наоборотъ, могло бы быть только привѣтствовано обществомъ, какъ факторъ дальнѣйшаго подъема производительности общественнаго труда, ибо въ соціалистическомъ обществѣ работающему человѣку не приходится бояться увеличенія производительности своего труда. Увеличеніе интенсивности труда въ соціалистическомъ обществѣ должно приводить къ сокращенію его продолжительности и, такимъ образомъ, рабочій можетъ только выигрывать отъ введенія болѣе раціональныхъ пріемовъ работы.

Напротивъ, при капиталистическихъ условіяхъ хозяйства рабочія организаціи принуждены систематически задерживать ростъ производительности труда, на что обычно жалуется капиталистическая пресса. Особенно много жалобъ такого рода раздавалось нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Англіи, причемъ англійскіе капиталисты приписывали этой причинѣ замедленіе роста англійской промышленности и вытѣсненіе на міровомъ рынкѣ продуктовъ англійскаго труда германскими. Эти жалобы были сильно преувеличены, но самый фактъ противодѣйствія со стороны рабочихъ союзовъ доведенію производительности труда до максимума, не можетъ быть оспариваемымъ.

Существеннымъ тормозомъ развитія производительныхъ силъ при господствѣ капитализма является и то обстоятельство, что капитализмъ, подобно всѣмъ системамъ, антагонистическаго хозяйства, дѣлаетъ образованіе монополіей небольшой кучки имущихъ классовъ. Интеллектъ является самой мощной производительной силой человѣка. Но при существующихъ условіяхъ только ничтожная часть человѣчества развиваетъ въ полной мѣрѣ свои умственныя способности, огромное же большинство человѣчества обречено на постоянный тяжелый физическій трудъ.

Благодаря этой причинѣ неисчислимое количество умственныхъ силъ, способностей и талантовъ пропадаетъ безъ всякой пользы для человѣчества. Талантливые, а тѣмъ болѣе геніальные люди представляютъ собой величайшую цѣнность для человѣчества, которую трудно сравнить съ чѣмъ либо другимъ. Великая идея или великое изобрѣтеніе одного человѣка можетъ дать обществу такое богатство,

которое не можетъ быть создано трудомъ тысячъ обыкновенныхъ людей.

Отсюда ясно до какой степени общество заинтересовано въ томъ, чтобы всѣ способности и таланты, которые таятся среди милліоновъ людей, составляющихъ общество, получили полную возможность своего развитія и приложенія на пользу общества

При современныхъ же условіяхъ неизбѣжно, чтобы значительно большая часть этихъ талантовъ погибала для общества совершенно безслѣдно. Дѣйствительно, вѣдь шансы появленія талантовъ среды людей неимущихъ классовъ почти тѣ же, какъ и среди имущихъ классовъ. Современная біологическая наука отрицаетъ, чтобы знаніе и умѣніе, пріобрѣтенныя человѣкомъ, могли передаваться потомству путемъ наслѣдственности. Наслѣдственность закрѣпляетъ за потомствомъ лишь прирожденныя особенности организма, а не тѣ его особенности, которыя явились результатомъ привычки и упражненія

Поэтому то обстоятельство, что имущіе классы въ теченіе длиннаго ряда поколѣній были заняты умственнымъ трудомъ отнюдь не дѣлаетъ ихъ потомство болѣе способнымъ къ умственному труду чѣмъ потомство неимущихъ классовъ, занятыхъ только физическимъ трудомъ. Повседневный опытъ это подтверждаетъ, ибо мы не замѣчаемъ, чтобы дѣти крестьянъ или рабочаго класса въ общемъ обнаруживали меньшую способность къ умственному труду, чѣмъ дѣти изъ дворянъ или буржуазіи.

Благодаря классовому строю общества, погибаетъ для общества большая часть талантовъ, которые рождаются въ его средѣ. Талантъ, родившійся въ средѣ неимущихъ классовъ, живущихъ изо дня въ день физическимъ трудомъ имѣетъ весьма мало шансовъ себя обнаружить и принести обществу всю ту пользу, которую общество могло бы, при другихъ условіяхъ, изъ него извлечь. Чистый предразсудокъ думать, что истинный талантъ всегда проложитъ себѣ дорогу. Правда, иногда, хотя и очень рѣдко, мы наблюдаемъ, что изъ среды неимущихъ классовъ, не взирая на всѣ трудности и препятствія, пробиваютъ себѣ дорогу талантливые люди и пріобрѣтаютъ громкую славу. Эти случаи всѣмъ извѣстны и заставляютъ многихъ вѣрить въ счастливую судьбу талантовъ.

Но вѣдь мы не знаемъ всѣхъ тѣхъ талантовъ, которымъ не удается пробить себѣ дорогу, и которые погибаютъ въ неизвѣстности. А такихъ талантовъ, безъ сомнѣнія, во много разъ больше, чѣмъ немногихъ счастливцевъ.

Если-бы Ломоносову не удалось добраться до Москвы, то сталъ ли бы онъ знаменитымъ ученымъ? А вѣдь это чистая случайность, что Ломоносовъ не остался въ Холмогорахъ. И сколько такихъ Ломоносовыхъ погибаетъ въ неизвѣстности только потому, что условія жизни отгораживаютъ ихъ непроходимой стѣной отъ культуры и умственнаго труда!

Такимъ образомъ, благодаря классовому строю общества, благодаря тому, что знаніе и просвѣщеніе являются монополіей ничтожной кучки имущихъ, для человѣчества безслѣдно погибаетъ величайшая производительная сила умственныхъ дарованій.

Соціализмъ сдѣлаетъ образованіе въ равной мѣрѣ доступнымъ всѣмъ, и этимъ самымъ во много разъ умножитъ число людей, примѣняющихъ въ пользу общества свои таланты.

Развитіе талантовъ въ современномъ обществѣ можно сравнить

съ естественнымъ обсѣмененіемъ какого либо растенія въ природѣ сѣмена разсѣиваются по обширной площади вокругъ растенія, причемъ огромное большинство этихъ сѣмянъ погибаетъ благодаря тому что попадаетъ въ неблагопріятныя условія для произрастанія и только незначительная часть сѣмянъ прорастаетъ. Напротивъ, при соціализмѣ обсѣмененіе талантами будетъ происходить, какъ на культурномъ полѣ: сѣмена талантовъ будутъ помѣщаться въ среду, благопріятную для ихъ развитія и только небольшая часть этихъ сѣмянъ не дастъ всходовъ.

Въ томъ же направленіи—лучшаго использованія производительныхъ силъ отдѣльныхъ человѣческихъ личностей—будетъ дѣйствовать и то, что при соціалистическомъ строѣ дѣятельность каждой личности будетъ соотвѣтствовать ея собственнымъ влеченіямъ и способностямъ. При современныхъ условіяхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ человѣкъ занятъ не тѣмъ дѣломъ, къ которому онъ чувствуетъ призваніе, и къ которому онъ наиболѣе способенъ и выборъ занятія для огромнаго большинства опредѣляется случайностью или внѣшними обстоятельствами, отъ человѣка не зависящими.

Напротивъ, при соціализмѣ каждый будетъ заниматся тѣмъ дѣломъ, къ которому его всего болѣе влечетъ. Каждая способность найдетъ въ этомъ случаѣ себѣ наилучшее примѣненіе, къ общей выгодѣ всѣхъ.

Затѣмъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что соціализмъ поставитъ себѣ задачей создать возможно болѣе привлекательную обстановку труда—трудъ есть одна изъ важнѣйшихъ жизненныхъ функцій человѣка, и трудящійся человѣкъ, воля котораго будетъ управлять соціалистическимъ обществомъ, конечно, сдѣлаетъ все возможное чтобы обставить свой трудъ наилучшимъ образомъ.

Хозяйственный трудъ перестанетъ быть тяжелымъ бременемъ для человѣка, какъ нынѣ Легко понять, до какой степени это должно повысить производительность труда. Еще Фурье принадлежитъ афоризмъ, что лѣность есть не что иное, какъ протестъ человѣческой природы противъ нераціональной постановки труда въ современномъ обществѣ Тотъ же Фурье съ неподражаемой убѣдительностью нарисовалъ намъ картину радостнаго труда въ фалансторѣ, гдѣ хозяйственный трудъ достигаетъ величайшаго напряженія и производительности не благодаря принужденію какого либо рода, а благодаря утратѣ трудомъ какихъ бы то ни было непріятныхъ элементовъ. И развѣ не правъ Фурье, когда онъ для доказательства возможности такого вполнѣ добровольнаго напряженія всѣхъ нашихъ умственныхъ и физическихъ силъ ссылается на современный спортъ, при которомъ человѣкъ дѣлаетъ величайшія усилія только ради наслажденія дѣятельностью.

Наконецъ, въ томъ же направленіи—повышенія производительности труда—должно дѣйствовать и разумное соединеніе умственнаго труда съ физическимъ, которое естественно должно произойти при соціализмѣ. Въ настоящее время физическій и умственный трудъ являются достояніемъ различныхъ общественныхъ классовъ причемъ физическій трудъ является удѣломъ неимущихъ или мало обезпеченныхъ классовъ, а умственный трудъ—лучше обезпеченныхъ классовъ

Отъ этого раздѣленія труда проигрываютъ и тѣ и другіе, и понижается производительность, какъ физическаго, такъ и умствен-

ного труда Что касается физическаго труда, то совершенно очевидно, что извѣстная степень умственнаго развитія и знанія существенно необходимы для производительности физическаго труда. Но также безспорно, что лишеніе физическаго труда должно неблагопріятно отражаться на здоровьѣ человѣка и, такимъ образомъ, понижать производительность умственнаго труда.

Гармоническая человѣческая личность возможна лишь при тѣсномъ соединеніи умственнаго и физическаго труда. Это гармоническое развитіе личности, которое должно довести до максимума производительность труда, возможно лишь въ соціалистическомъ обществѣ, ибо лишь въ соціалистическомъ обществѣ исчезнетъ всякое насиліе и эксплуатація человѣка человѣкомъ.

И потому—только при соціализмѣ человѣческая природа раскроетъ себя во всемъ богатствѣ своихъ дарованій и способностей Соціализмъ будетъ рожденіемъ новаго человѣка въ красотѣ и силѣ И мы не можемъ въ настоящее время даже гадать, какихъ предѣловъ достигнетъ власть надъ природой новаго человѣчества въ царствѣ соціальной свободы.

III.

Итакъ, соціализмъ будетъ хозяйственной системой гораздо большей производительности, чѣмъ современная капиталистическая система хозяйства. Въ этомъ отношеніи соціализмъ долженъ явиться еще гораздо большимъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ развитія общественныхъ производительныхъ силъ, чѣмъ явился капитализмъ по отношенію къ предшествовавшимъ ему системамъ мелкаго производства

Однако, соціализмъ, какъ и болѣе раннія системы хозяйства, послѣдовательно смѣнявшія на исторической аренѣ другъ друга, является не только стимуломъ дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ, но и, въ свою очередь, результатомъ такого развитія Говоря другими словами, соціализмъ возможенъ лишь на извѣстной ступени развитія общественнаго хозяйства.

Марксизмъ разматриваетъ соціализмъ, какъ неизбѣжное завершеніе развитія капиталистической системы хозяйства. Мы постарались показать, что соціализмъ является системой высшей производительности, сравнительно съ капитализмомъ. Но вполнѣ умѣстно поставить вопросъ, всегда ли, на всякой ли ступени хозяйственнаго развитія страны соціализмъ былъ бы системой высшей производительности

Такая постановка вопроса диктуется условіями переживаемаго историческаго момента. Русская революція создала совершенно новое, небывалое въ исторіи общественное положеніе. Довѣріемъ народныхъ массъ въ Россіи пользуются въ настоящее время только соціалистическія партіи*). Вожди соціалистическихъ партій при желаніи легко могли бы захватить власть въ свои руки и образовать правительство изъ однихъ соціалистовъ.

При такомъ положеніи дѣла для соціалистической мысли Россіи пріобрѣтаетъ жгучую актуальность вопросъ о возможности осуществленія въ Россіи соціалистическаго строя До русской револю-

*) Писано въ августѣ 1917 г.

ціи препятствіемъ къ осуществленію соціалистическаго строя было то, что у власти стояли общественныя группы, не желавшія соціалистическаго переворота.

Теперь положеніе складывается въ Россіи совершенно иное. Власть принадлежитъ или можетъ принадлежать при желаніи соціалистамъ. Соціалисты могутъ воспользоваться властью для попытки осуществленія соціалистическаго строя. Почему же имъ не сдѣлать этой попытки?

Соблазнъ для соціалиста очень великъ. Отказаться отъ этой попытки соціалисты могутъ лишь въ томъ случаѣ, если они убѣдятся въ полной ея безплодности — иными словами, если имъ будетъ ясно внѣ всякаго спора, что для осуществленія соціалистическаго строя недостаточно декретовъ революціонной власти, какъ бы сильна она ни была.

И это, конечно, такъ. Легко понять, что соціализмъ лишь постольку можетъ быть осуществленъ, поскольку соціализмъ представляетъ собой хозяйственную систему высшей производительности, сравнительно съ существующей. Если-бы оказалось, что переходъ къ соціалистическому хозяйству приводитъ не къ росту, а къ паденію общественнаго богатства, то, конечно, соціалистическій строй не могъ бы упрочиться, какъ бы ни были велики къ нему симпатіи народныхъ массъ. Ибо прогрессивное хозяйственное развитіе идетъ всегда въ направленіи роста, а не паденія производительности общественнаго труда.

Но соціалистическая система хозяйства, осуществленная въ недозрѣвшей до нея общественной средѣ, несомнѣнно должна привести къ хозяйственному регрессу, вмѣсто прогресса. Нужно имѣть въ виду, что соціализмъ является системой хозяйства гораздо болѣе сложной и труднѣе осуществимой, чѣмъ какія либо до сихъ поръ бывшія системы хозяйства. Соціализмъ предъявляетъ къ его участникамъ гораздо большія требованія, чѣмъ иныя хозяйственныя системы, и если эти требованія не удовлетворяются, то вмѣсто того, чтобы быть системой хозяйства высшей производительности, соціализмъ неизбѣжно долженъ оказаться системой низшей производительности, чѣмъ иныя хозяйственныя системы.

Въ этомъ отношеніи соціализмъ не является исключеніемъ въ ряду другихъ хозяйственныхъ системъ, послѣдовательно смѣнявшихъ другъ-друга въ историческомъ ходѣ развитія человѣчества. Каждая изъ нихъ, подымая производительность общественнаго труда, въ то же время предполагала большую подготовленность человѣка къ выполненію ложащихся на него болѣе сложныхъ общественныхъ функцій.

Такъ, система первобытнаго коммунизма существуетъ при самомъ низкомъ уровнѣ производительности труда у примитивныхъ народовъ. Исторически слѣдующая за ней система рабскаго труда уже предполагаетъ болѣе высокій уровень производительности труда, ибо рабъ воспроизводитъ не только все необходимое ему для жизни, но и нѣкоторый прибавочный продуктъ въ пользу своего хозяина. По этой причинѣ рабское хозяйство не можетъ существовать у самыхъ дикихъ народовъ и получаетъ характеръ господствующаго строя хозяйства только у земледѣльческихъ народовъ, у которыхъ, благодаря новымъ способамъ производства, является значительный избытокъ пищи.

Крѣпостное хозяйство, опять таки, предполагаетъ большую степень культурности рабочаго, чѣмъ рабское хозяйство, ибо крѣпостной пользуется относительной свободой и власть надъ нимъ хозяина имѣетъ менѣе грубый и непосредственный характеръ, чѣмъ при рабствѣ. Поэтому крѣпостное право возникаетъ лишь у народовъ со сравнительно сложной государственной и общественной организацией, обладающихъ развитымъ правомъ и соотвѣтствующими общественными учрежденіями.

Система свободнаго городского хозяйства, которую мы видимъ въ средневѣковомъ городѣ, въ свою очередь, требуетъ гораздо болѣе высокаго культурнаго уровня производителя, чѣмъ всѣ исторически предшествовавшія хозяйственныя системы. Что касается до капиталистическаго хозяйства, то оно предполагаетъ уже такой высокій уровень цивилизаціи и культуры, который былъ достигнутъ лишь въ новѣйшее время.

Современный предприниматель-капиталистъ долженъ обладать весьма разнообразными знаніями и умѣніемъ быстро ориентироваться въ чрезвычайно сложной обстановкѣ современнаго хозяйства. Чтобы создавать людей этого типа, страна должна пройти длинный историческій путь развитія. Вотъ почему мы обычно видимъ, что въ странахъ, лишь начинающихъ свое капиталистическое развитіе, предпринимательскій классъ пополняется выходцами изъ другихъ, болѣе старыхъ въ культурномъ отношеніи странъ.

Точно также и къ рабочему современное капиталистическое предпріятіе предъявляетъ весьма высокія требованія. Работа на сложныхъ машинахъ, двигающихся съ огромной быстротой, предполагаетъ такую степень интеллигентности и вниманія, которыя доступны лишь людямъ, стоящимъ на высокомъ уровнѣ интеллектуальной культуры. По этой причинѣ производительность труда американскаго или англійскаго рабочаго въ нѣсколько разъ выше производительности труда русскаго рабочаго

Соціализмъ явится системой хозяйства, предъявляющей своимъ участникамъ требованія чрезвычайно высокія, далеко превосходящія тѣ, которыя предъявляетъ къ своимъ дѣятелямъ капитализмъ. Дѣйствительно, при капитализмѣ отсутствуетъ общій планъ народнаго хозяйства, и пропорціональность общественнаго хозяйства достигается слѣпой игрой стихійныхъ хозяйственныхъ силъ, безъ вмѣшательства направляющей разумной человѣческой воли.

Общественная власть не беретъ на себя обязанности, при капиталистическомъ строѣ хозяйства, заботиться о томъ, чтобы общество имѣло достаточное количество пищевыхъ средствъ, предметовъ одежды и пр. Оно представляетъ заботу объ этомъ стихійной игрѣ спроса и предложенія, приводящей къ тому, что, при нормальныхъ условіяхъ хозяйства, продукты производятся въ соотвѣтствіи съ общественнымъ спросомъ на нихъ. Напротивъ, въ соціалистическомъ обществѣ забота о соотвѣтствіи общественнаго производства съ общественнымъ спросомъ, о пропорціональномъ распредѣленіи общественнаго труда, непосредственно ложится на общественную власть.

Задачи правительства при соціализмѣ чрезвычайно усложняются и затрудняются. Въ то время, какъ въ настоящее время власть только отчасти контролируетъ и регулируетъ самодѣйствующій механизмъ капиталистическаго хозяйства, при соціализмѣ власть

должна на себя взять исполненіе всѣхъ функцій удовлетворенія общественныхъ потребностей.

Теперь власть должна ежегодно составлять государственный бюджетъ и вести государственное хозяйство безъ дефицитовъ и безъ непосильнаго обремененія плательщиковъ податей—что является далеко не легкой задачей. Но насколько труднѣе будетъ въ соціалистическомъ государствѣ составленіе бюджета всего общественнаго хозяйства!

Не нужно при этомъ забывать, что современный государственный бюджетъ является, въ своей большей части, бюджетомъ только денежнымъ: государство не беретъ на себя обязанности производить необходимые ему продукты, а лишь снабжаетъ своихъ агентовъ денежными средствами, требующимися для пріобрѣтенія этихъ продуктовъ

Напротивъ, соціалистическое государство беретъ на себя снабженіе своихъ гражданъ самыми продуктами, въ которыхъ они нуждаются.—Для этого требуется самая детальная статистика общественнаго потребленія и производства, статистика, охватывающая все народное хозяйство во всѣхъ его мельчайшихъ деталяхъ, и статистика непрерывная, ибо общественное производство и потребленіе является непрерывно продолжающимся процессомъ, колеблющимся и измѣнчивымъ

Какъ трудна хозяйственная статистика, видно изъ того, что до настоящаго времени изъ всѣхъ современныхъ государствъ одной Германіи удалось организовать правильныя промышленныя переписи. Но и то въ Германіи было до настоящаго времени всего три промышленныхъ переписи и по программѣ несравненно болѣе простой, чѣмъ та, которая потребуется для соціалистическаго государства.

Всякая неточность статистическаго учета въ соціалистическомъ государствѣ будетъ давать себя знать весьма существеннымъ разстройствомъ общественнаго хозяйства, ибо все это хозяйство будетъ покоиться на основѣ статистическаго учета

Но мало будетъ одной статистики, одного знанія элементовъ, изъ которыхъ будетъ слагаться общественное хозяйство соціализма Нужно будетъ это знаніе использовать для практическаго дѣйствія, для снабженія каждаго отдѣльнаго гражданина соціалистическаго общества всѣмъ необходимымъ. Какимъ талантомъ долженъ обладать министръ соціалистическаго государства, чтобы управлять всѣмъ огромнымъ механизмомъ соціалистическаго хозяйства и управлять такъ, чтобы не нарушая свободы каждой отдѣльной личности и, въ то же время, подчиняя дѣйствія отдѣльныхъ лицъ интересамъ цѣлаго, удовлетворять всѣмъ общественнымъ потребностямъ!

Если это управленіе будетъ происходить плохо, то, конечно, въ результатѣ получится разстройство общественнаго хозяйства, могущее привести къ полной его остановкѣ. Не нужно упускать изъ виду, что стихійныя хозяйственныя силы современной хозяйственной системы при соціализмѣ прекратятъ свое дѣйствіе: теперь, при нормальныхъ условіяхъ хозяйства, не приходится опасаться, что та или иная общественная потребность останется неудовлетворенной ибо свободная игра частныхъ интересовъ обезпечиваетъ удовлетвореніе общественныхъ потребностей—при недостаткѣ продуктовъ цѣна товара растетъ, и добавочная прибыль является стиму-

ломъ для добавочнаго производства При соціализмѣ же недостатокъ продуктовъ не будетъ приводить въ дѣйствіе этого механизма, ибо никто никакой прибыли получать не будетъ, и общественная власть должна будетъ сама принимать мѣры къ распредѣленію общественнаго труда въ соотвѣтствіи съ общественными потребностями.

При недостаточно умѣломъ управленіи соціалистическимъ общественнымъ хозяйствомъ оно не только не окажется болѣе производительнымъ, чѣмъ капиталистическое хозяйство современности, но можетъ оказаться совершенно неспособнымъ удовлетворять общественныя потребности. Иными словами, лишь при достаточной подготовленности общества къ соціалистической организаціи хозяйства переходъ къ соціализму былъ бы развитіемъ производительныхъ силъ; при неподготовленности же общества переходъ къ соціалистической организаціи производства знаменовалъ бы собой разрушеніе общественнаго хозяйства и рѣшительный хозяйственный регрессъ сравнительно съ капитализмомъ.

Итакъ, управленіе механизмомъ соціалистическаго хозяйства представляетъ огромныя трудности, которыя могутъ быть преодолѣны лишь на извѣстной ступени общественнаго развитія. Но и по отношенію къ выполненію самой трудовой функціи соціализмъ предполагаетъ гораздо болѣе высокій уровень культурнаго, не только интеллектуальнаго, но и моральнаго развитія человѣческой личности, чѣмъ современная хозяйственная система.

Капитализмъ апеллируетъ къ самымъ простымъ и грубымъ чувствамъ и влеченіямъ человѣка. Энергію предпринимателя капитализмъ стимулируетъ надеждой на высокую прибыль и богатство, энергію рабочаго угрозой потери заработка и голода. И въ томъ и въ другомъ случаѣ приводится въ движеніе самые сильные мотивы человѣческаго поведенія—эгоизмъ, хозяйственный интересъ.

Напротивъ, при соціализмѣ связь между энергіей хозяйственной дѣятельности человѣка и размѣромъ вознагражденія за трудъ будетъ, несомнѣнно, въ значительной мѣрѣ разрушена. Всѣ будутъ получать доходъ, если не совершенно равный, то различающійся въ небольшой степени. Удовлетворительно исполнивъ свой урокъ, каждый гражданинъ соціалистическаго государства будетъ получать опредѣленный доходъ, и размѣръ этого дохода не можетъ быть увеличенъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть значительно увеличенъ добавочнымъ развитіемъ трудовой энергіи. Съ другой же стороны, при трудности контроля качества труда и при отсутствіи какой бы то ни было внѣшней власти надъ работающимъ человѣкомъ (ибо въ соціалистическомъ обществѣ всѣ будутъ работать), недостаточно удовлетворительное выполненіе трудового урока не можетъ угрожать рабочему особо тяжелыми послѣдствіями. Во всякомъ случаѣ, гражданинъ соціалистическаго общества можетъ быть увѣренъ, что ему не грозитъ голодъ и нищета при недостаточно прилежной работѣ.

Чѣмъ же будетъ замѣненъ, при соціализмѣ, эгоизмъ въ качествѣ стимула хозяйственнаго труда? Стимулами совершенно иного рода. Во первыхъ, чувствомъ солидарности каждаго съ остальными людьми, преданностью общимъ интересамъ; во вторыхъ, развитымъ чувствомъ долга; въ третьихъ, непосредственной привлекательностью труда. Всѣ эти стимулы могутъ съ успѣхомъ замѣнить грубые стимулы капиталистическаго общества.

Однако, слѣдуетъ признать, что для возможности сильнаго дѣйствія двухъ первыхъ стимуловъ, человѣческая природа должна значительно измѣниться сравнительно съ тѣмъ, что мы видимъ теперь. Правда, это измѣненіе человѣческой природы должно явиться естественнымъ слѣдствіемъ новыхъ условій жизни, которыя будутъ созданы соціализмомъ. Но и самая возможность соціализма предполагаетъ, въ свою очередь, значительное развитіе этихъ свойствъ въ населеніи. Люди безъ чувства общественной солидарности и безъ чувства долга не могутъ создать соціалистическаго общества, ибо соціалистическое хозяйство при слабомъ развитіи этихъ свойствъ у большинства населенія оказалось бы не въ силахъ удовлетворять свои потребности благодаря низкой производительности общественнаго труда.

Что же касается до привлекательности самого хозяйственнаго труда, то такая привлекательность, въ свою очередь, предполагаетъ соотвѣтствующій душевный складъ человѣка. Люди апатичнаго, вялаго и бездѣятельнаго душевнаго склада не полюбятъ трудъ, какъ бы хотрошо и эстетично трудъ ни былъ обставленъ. Слѣдовательно и съ этой стороны соціализмъ предполагаетъ извѣстную подготовленность самого человѣка къ новой формѣ хозяйства.

Въ концѣ концовъ, необходимо признать, что соціалистическое хозяйство можетъ дать то, что оно обѣщаетъ—поднятіе производительности труда—лишь въ томъ случаѣ, если общество созрѣло до этой новой формы хозяйства. Соціалистическое хозяйство является чрезвычайно производительной, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно сложной—и поэтому хрупкой—соціальной машиной, которая при хорошемъ управленіи ею обѣщаетъ чудеса, при плохомъ же управленіи ведетъ къ быстрому и неизбѣжному общественному крушенію.

Русскія крѣпостныя фабрики начала прошлаго вѣка не могли пользоваться нѣкоторыми болѣе сложными машинами по той причинѣ, что машины эти не могли быть довѣрены крѣпостнымъ рабочимъ и быстро ломались ими. Чѣмъ производительнѣе были эти машины, тѣмъ скорѣе они портились въ неумѣлыхъ рукахъ.

Тоже можно сказать и о соціализмѣ. Соціализмъ обѣщаетъ величайшій подъемъ человѣческаго генія, блестящій расцвѣтъ матеріальной и духовной культуры—но при неподготовленности общества попытки созданія соціалистическаго строя должны вести къ общему разстройству хозяйства по той причинѣ, что соціалистическое хозяйство въ неподготовленной соціальной средѣ должно оказаться системой болѣе низкой производительности, чѣмъ капиталистическое хозяйство, дѣйствующее гораздо болѣе грубыми и простыми пріемами.

Въ неподготовленной соціальной средѣ соціализмъ, вмѣсто того, чтобы стать царствомъ свободы и всеобщаго богатства, долженъ стать царствомъ рабства и всеобщей нищеты.

Человѣчество идетъ къ соціализму, и, несомнѣнно, его достигнетъ. Быть можетъ, мы уже приближаемся къ соціализму. Но, во всякомъ случаѣ, къ соціализму всего ближе наиболѣе культурные народы, съ высоко развитымъ чувствомъ долга и общественной солидарности, съ сильными моральными интересами и съ высокимъ уровнемъ народнаго просвѣщенія. Для отсталыхъ народовъ требуется нѣкоторая подготовительная школа.

ГЛАВА XII.

Соціализмъ и духовная культура.

I.—Соціализмъ и хозяйственный интересъ. Духовные интересы соціалистическаго общества II.—Соціализмъ и свобода личности

Соціализмъ усматриваетъ корень соціальнаго зла въ современномъ устройствѣ хозяйства. Все вниманіе соціалистовъ сосредоточено на вопросахъ общественнаго хозяйства и ихъ требованія сводятся къ требованію ряда экономическихъ преобразованій. Отсюда легко вывести заключеніе, что соціализмъ видитъ въ хозяйственномъ благополучіи вѣнецъ человѣческаго счастія и, слѣдовательно, по самой своей природѣ враждебенъ идеализму. „То существенное обстоятельство, — говоритъ В. Соловьевъ, — что соціализмъ ставитъ нравственное совершенство общества въ прямую зависимость отъ его экономическаго строя и хочетъ достигнуть нравственнаго преобразованія путемъ экономической революціи, ясно показываетъ, что онъ, въ сущности, стоитъ на одной и той же почвѣ со враждебнымъ ему мѣщанскимъ царствомъ, именно на почвѣ господства матеріальнаго интереса Если для представителя плутократіи значеніе человѣка зависитъ отъ обладанія вещественнымъ богатствомъ, въ качествѣ пріобрѣтателя, то для соціалиста точно такое человѣкъ имѣетъ значеніе лишь, какъ обладатель вещественнаго благосостоянія, но только въ качествѣ производителя; и здѣсь и тамъ человѣкъ разсматривается, прежде всего, какъ экономическій дѣятель, и здѣсь и тамъ послѣднею цѣлью и верховнымъ благомъ признается вещественное благосостояніе—принципіальной разницы между ними нѣтъ. Соціализмъ лишь проводитъ принципъ плутократіи съ большей послѣдовательностью и полнотой... И если преобладаніе вещественныхъ интересовъ, хозяйственнаго и промышленнаго элементовъ, составляетъ характеристическую черту буржуазіи или мѣщанскаго царства, то въ томъ соціализмѣ, который хочетъ ограничить человѣчество исключительно этими низшими интересами, мы находимъ крайнее выраженіе, послѣднее заключеніе мѣщанства".

Вотъ, поистинѣ, тяжкое обвиненіе, выдвинутое противъ соціализма мыслителемъ, искренность и благородство котораго выше всякихъ подозрѣній! Что можетъ быть отвратительнѣе мѣщанства? И если освобожденіе человѣка отъ экономическаго гнета равносильно превращенію его въ пошлое, успокоившееся существо, въ сытую свинью, грѣющуюся на солнцѣ, то не лучше ли экономическое рабство съ его ужасными спутниками, голодомъ и нищетой? Рабство не убило человѣческаго духа—античная культура и теперь сохраняетъ свою мраморную красоту. Ну, а мѣщанство—это смерть духа, смерть всего, что есть прекраснаго въ человѣкѣ. Такой цѣной нельзя заплатить даже за всеобщее довольство.

Соловьевъ формулировалъ въ сжатой и сильной формѣ одно изъ самыхъ распространенныхъ обвиненій противъ соціализма. Но, къ счастью, человѣчество не стоитъ передъ роковой дилеммой — нищеты ихъ пошлости. Насиліе и гнетъ не предс тавляютъ собой необходимаго условія духовной культуры. Соціализмъ не царство мѣщанства, не един-

ственное средство спасенія человѣчества отъ этого царства. Въ этомъ и заключается высота и общеобязательность соціалистическаго идеала.

Совершенно вѣрно, что соціалисты сосредоточиваютъ свое вниманіе на экономическихъ вопросахъ. Но не потому, чтобы имъ было недоступно пониманіе высшихъ интересовъ человѣческой жизни, а именно въ виду такого пониманія. Соціалисты борются, прежде всего, съ бѣдностью. А бѣдность—это не только физическія страданія, но и приниженіе духа. Духовная культура неизбѣжно должна опираться на матеріальную. Наука и искусство требуютъ своихъ матеріальныхъ средствъ, которыя создаются хозяйствомъ. Извѣстный досугъ, свобода отъ хозяйственнаго труда есть необходимое условіе успѣховъ цивилизаціи. Обобществленіе труда должно во много разъ повысить его производительность. Но такъ какъ необходимыя потребности жизни не испытаютъ перемѣны, то на удовлетвореніе ихъ въ соціалистическомъ обществѣ будетъ затрачиваться несравненно меньше труда, чѣмъ нынѣ. Иными словами, свобода человѣчества отъ хозяйственнаго труда значительно возрастетъ—и нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ увеличившійся досугъ будетъ заполненъ дѣятельностью высшаго порядка. Ибо всѣ обычные мотивы, которые въ настоящее время побуждаютъ людей къ этой дѣятельности, пріобрѣтутъ особенную силу въ соціалистическомъ обществѣ.

Милліонеръ, успѣшный государственный дѣятель, полководецъ пользуются въ наше время большимъ почетомъ и встрѣчаютъ больше людей, готовыхъ передъ ними преклоняться, чѣмъ великій мыслитель или художникъ. Не то будетъ въ соціалистическомъ обществѣ. Въ немъ не будетъ ни милліонеровъ, ни полководцевъ, ни государственныхъ дѣятелей современнаго типа. Да, даже и послѣднихъ не будетъ, ибо съ паденіемъ современнаго хозяйственнаго строя падетъ и современное государство. Въ настоящее время политическая жизнь сводится преимущественно къ борьбѣ за власть представителей различныхъ враждующихъ общественныхъ классовъ. Въ соціалистическомъ обществѣ классовъ не будетъ и не будетъ поводовъ къ соціальной борьбѣ. Для общества настанетъ внутренній миръ, равно какъ и внѣшній миръ, благодаря прекращенію войны.

Благодаря этому потребность въ сильной общественной власти исчезнетъ и политическая жизнь, несомнѣнно, очень потускнѣетъ и обезцвѣтится, государственные люди будутъ не народными вождями и кумирами толпы, а слугами народа, скромными общественными работниками. Занятіе выдающейся государственной должности не будетъ доставлять особаго почета и, слѣдовательно, не будетъ представлять собой ничего особо заманчиваго для честолюбія. Вообще, исчезнетъ грубая, физическая власть человѣка надъ человѣкомъ, а, слѣдовательно, и исчезнетъ все то обаяніе, которое теперь связано съ этой властью. Исчезнетъ физическая борьба людей другъ съ другомъ—мирная ассоціація будущаго сдѣлаетъ эту борьбу невозможной, по отсутствію всякихъ поводовъ къ ней.

Но не значитъ ли это, что соціалистическое общество будетъ царствомъ скуки и посредственности? Да, это было бы такъ, если бы въ жизни человѣка не было ничего болѣе высокаго, чѣмъ борьба за власть и за угнетеніе себѣ подобныхъ. Конечно, для людей такого душевнаго склада царство будущаго покажется пѣснымъ и пошлымъ. Но человѣческая душа знаетъ болѣе высокіе мотивы и интересы. Освободившись отъ притупляющаго, чрезмѣрнаго хозяйственнаго труда, человѣчество преобразится и одухотворится. Попрежнему надъ нашей головой будетъ простираться звѣздное небо, попрежнему будетъ шумѣть лѣсъ, природа сохранитъ свою прежнюю прелесть и всѣ свои тайны для познанія на-

всегда обезпеченъ неисчерпаемый матеріалъ, также какъ и для воспріятія красоты.

Слѣдовательно, нечего бояться, что съ исчезновеніемъ грубыхъ и низменныхъ интересовъ, наполняющихъ теперь жизнь, она лишится всякаго интереса. Интересы останутся, но ихъ характеръ и направленіе измѣнятся, они станутъ одухотвореннѣе и тоньше, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубже, сложнѣе, длительнѣе и сильнѣе. Произойдетъ полная переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Слава и почетъ будутъ доставаться преимущественно въ удѣлъ тѣмъ, кто принесъ людямъ всего болѣе пользы, открылъ имъ новые источники познанія и эстетическаго наслажденія или проявилъ всего болѣе душевнаго благородства. Мыслители и художники, великіе человѣколюбцы станутъ героями и вождями будущаго человѣчества. Интересъ къ познанію и эстетической дѣятельности, моральному и религіозному возвышенію человѣчества возрастетъ въ чрезвычайныхъ размѣрахъ и заполнитъ собой всю жизнь людей, возвышающихся надъ уровнемъ посредственности.

Въ капиталистическомъ обществѣ вниманіе сосредоточено, преимущественно, на вопросахъ хозяйства. Паденіе или поднятіе биржевого курса ходкой бумаги или рыночной цѣны распространеннаго товара составляютъ великое событіе, о которомъ телеграфируютъ во всѣ концы міра и которое повсюду распространяетъ тревогу или радость. Міръ будущаго не будетъ знать этихъ волненій и этихъ радостей; его исторія будетъ слагаться изъ другихъ событій. Можно составить себѣ представленіе о строѣ интересовъ людей соціалистическаго общества по описаніямъ жизни итальянскихъ городовъ эпохи Возрожденія. Свѣтлое, радостное и гармоничное міросозерцаніе этой эпохи, со своимъ глубокимъ и захватывающимъ интересомъ къ искусству философіи, познанію должно вновь возродиться въ будущемъ. Опять появятся люди той поразительной душевной красоты и той умственной мощи, которые характеризуютъ эту чудную раннюю весну современной исторіи,—люди вродѣ Леонардо да-Винчи, передъ которыми наше время кажется такимъ грубымъ, варварскимъ и жалкимъ. Кстати же, типичнымъ человѣкомъ эпохи возрожденія былъ и великій провозвѣстникъ современнаго соціализма Томасъ Моръ.

Англійскій антропологъ и соціологъ Гальтонъ совершенно серьезно утверждалъ, что передовыя европейскія націи современной капиталистической эпохи по своимъ умственнымъ способностямъ стоятъ настолько же ниже, напр., древнихъ эллиновъ, насколько негры стоятъ ниже насъ. И въ этой неблагопріятной оцѣнкѣ ученымъ изслѣдователемъ капиталистической цивилизаціи, которой мы такъ гордимся, нельзя усмотрѣть никакого преувеличенія. Правда, наше время создало удивительныя машины, а также орудія разрушенія людей. Но умственная сила измѣряется не этимъ. Машину можетъ построить и варваръ; но изваять Милосскую Венеру можетъ только человѣкъ съ совершенно исключительной способностью къ воспріятію красоты.

Между тѣмъ, не нужно забывать, что произведенія античнаго искусства, которыя составляютъ для насъ недостижимый образецъ совершенства пластической красоты, были созданы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, совершенно неизвѣстными художниками. И вѣдь только ничтожная, случайная доля этихъ произведеній уцѣлѣла и дошла до нашей эпохи! Если бы не была раскопана Помпея, то мы бы почти ничего не знали о стѣнной живописи древнихъ. Что такое была Помпея—маленькій, ничтожный провинціальный римскій городокъ, въ которомъ почти не было богатыхъ людей! И, однако, стѣнная живопись Помпеи является

одним изъ источниковъ вдохновенія современныхъ художниковъ. Кто бывалъ въ Помпеѣ, тотъ знаетъ, сколько красоты было въ домашнемъ быту античнаго міра, сколько артистическаго изящества было вложено во всякую принадлежность хозяйства древнихъ, кухонную утварь, мебировку, устройство комнатъ и пр. Обычный помпеянскій домъ со своими бронзовыми и мраморными статуями и бюстами, стѣнами, покрытыми богатымъ и разнообразнымъ рисункомъ съ красками удивительной яркости, мраморными колоннами и бассейнами, кажется намъ теперь чудомъ искусства, не обыкновеннымъ жилищемъ людей, а художественнымъ музеемъ. И, однако, въ немъ жили обыкновенные люди и, очевидно, не могли представить себѣ жизни въ другой, менѣе прекрасной обстановкѣ, какъ мы не можемъ представить себѣ жизни въ грязной обстановкѣ жалкой негритянской хижины.

Не менѣе красивъ былъ въ своемъ родѣ и средневѣковый городъ или городъ временъ Возрожденія. Флоренція и Венеція всегда будутъ привлекать посѣтителей со всѣхъ концовъ міра—не даромъ паденіе знаменитой колокольни св. Марка почувствовалось по всей Европѣ, какъ общее несчастье цивилизованнаго человѣчества.

Холодный духъ капитализма сдѣлалъ все, чтобы уничтожить эту красоту. Въ прежнее время человѣческое жилище, связанное съ человѣческой личностью такими интимными узами и такъ могущественно вліяющее своей повседневной обстановкой на его психику, строилось для жизни, а не для наживы: и потому люди вкладывали въ эту постройку свою душу, свой вкусъ и пониманіе изящнаго. Домъ былъ одухотвореннымъ произведеніемъ человѣческаго искусства. Надъ иными средневѣковыми зданіями трудились цѣлыя поколѣнія художниковъ-архитекторовъ: постройка иногда продолжалась цѣлыя столѣтія, но зато и получались такія созданія, какъ миланскій или флорентійскій соборы. Но даже какая-нибудь деревянная великорусская изба, со своими затѣйливыми коньками и причудливой рѣзьбой обнаруживаетъ бездну вкуса, имѣетъ свой оригинальный стиль. Капитализмъ все это убилъ. Дома стали строиться для барыша, какъ строятся заводы или желѣзнодорожные мосты. Архитектурный стиль исчезъ и всѣ попытки возсоздать его оказались безуспѣшны. Исчезло что-то неуловимое, что было присуще людямъ прежнихъ эпохъ и что давало имъ удивительное пониманіе архитектурной красоты. Получилось общее паденіе архитектурнаго вкуса.

Нѣчто подобное, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, произошло подъ вліяніемъ господства капиталистическаго духа и въ другихъ областяхъ искусства. Послѣдовало одичаніе и огрубѣніе человѣческой толпы, истинное царство мѣщанства. Интересы капиталистической промышленности подавили всѣ остальные и внѣшняя обстановка нашей жизни стала поражать своей неэстетичностью.

Дѣйствительно, что можетъ быть безобразнѣе современнаго города. Нужно побывать въ Лондонѣ, подышать лондонскимъ воздухомъ, насквозь пропитаннымъ угольной копотью, покрывающей толстымъ чернымъ налетомъ стѣны домовъ, и опускающейся во время тумана непроницаемой завѣсой на лондонскія улицы, посмотрѣть на бурую жидкость, которая вмѣсто воды струится въ Темзѣ (въ своемъ соціалистическомъ романѣ Моррисъ рисуетъ, какъ одно изъ чудесъ новаго общественнаго строя, возвращеніе водѣ въ Темзѣ былой прозрачности), чтобы понять, во что превращаетъ городъ капитализмъ. Не менѣе уродуетъ капитализмъ и деревню, уничтожая лѣса, загрязняя рѣки, стирая мѣстный колоритъ,

національныя черты быта и подгоняя все подъ однообразный и пошлый капиталистическій шаблонъ.

Неудивительно, что среди болѣе мыслящихъ художниковъ нашего времени, понимающихъ тѣсную связь искусства съ общимъ строемъ соціальной жизни, возникло теченіе особаго рода, которое можно назвать эстетическимъ соціализмомъ — протестомъ противъ капиталистическаго строя по соображеніямъ преимущественно эстетическаго характера. Этотъ эстетическій соціализмъ всего сильнѣе въ Англіи, гдѣ его самымъ извѣстнымъ представителемъ является Рескинъ. Соціализмъ Морриса, отчасти, такого же происхожденія—всѣхъ этихъ людей съ тонко-развитымъ вкусомъ возмущаетъ столь характерное для нашей эпохи эстетическое огрубѣніе человѣчества, которое принесъ съ собою капитализмъ.

Но соціализмъ не только эстетически облагородитъ человѣчество—онъ преобразуетъ людей и морально. Въ соціалистическомъ романѣ Морриса „News from nowhere“ („Вѣсти ни откуда“) разсказывается, что человѣкъ нашего времени, попавшій въ соціалистическое общество, замѣчаетъ какое-то общее выраженіе лица у всѣхъ людей новаго міра, красивыхъ и некрасивыхъ, старыхъ и молодыхъ, словомъ у всѣхъ. Они всѣ кажутся чѣмъ-то похожи другъ на друга. Чѣмъ же? Потомъ онъ отдаетъ себѣ въ этомъ отчетъ. У всѣхъ на лицѣ то же выраженіе благожелательности и дружелюбія, у всѣхъ та же радостная готовность помочь другъ другу. И это поражаетъ, составляя такой контрастъ съ общимъ выраженіемъ сухой, дѣловой озабоченности у людей нашего времени.

II.

Еще обычнѣе другой упрекъ соціализму—въ стремленіи уничтожить свободу личности. Назвавъ соціализмъ „грядущимъ рабствомъ“, Спенсеръ лишь повторилъ то, что говорятъ всѣ противники соціализма. Спенсеру и другимъ государство будущаго рисуется чѣмъ-то вродѣ исполинской тюрьмы, въ которой люди будутъ, быть-можетъ, и сыты, но за-то лишены лучшаго и драгоцѣннѣйшаго блага—свободы.

Но и этотъ упрекъ лишенъ основанія. Дѣйствительно, господствующее направленіе соціализма требуетъ принудительной организаціи общественнаго труда. Однако, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и теперь хозяйственный трудъ для огромнаго большинства рабочихъ имѣетъ принудительный характеръ, съ тѣмъ весьма существеннымъ различіемъ, что при капиталистической системѣ рабочіе подчинены чуждому имъ лицу—капиталисту, а при соціализмѣ ихъ собственная коллективная воля будетъ ихъ единственнымъ господиномъ.

Да и вообще капиталистическая свобода всеобщей конкуренціи есть только фикція свободы, скрывающая за собой въ дѣйствительности болѣе или менѣе полное порабощеніе личности. Возьмемъ привилегированное лицо капиталистическаго міра—предпринимателя. Юридически онъ мало ограниченъ въ своей дѣятельности. Законъ ему не запрещаетъ выбирать любое дѣло, производить любой товаръ, назначать любую цѣну за продаваемые продукты и оплачивать любой цѣной нужный ему трудъ. Однако, его свобода во всѣхъ этихъ отношеніяхъ является въ значительной мѣрѣ мнимой. Онъ не стѣсненъ юридическимъ закономъ, но зато тѣмъ неумолимѣе его сдавливаютъ желѣзные экономическіе законы капиталистическаго строя.

Онъ можетъ назначить любую цѣну за свой товаръ, но проданъ товаръ будетъ лишь по той цѣнѣ, которая принудительно диктуется

условіями капиталистическаго рынка и т. д. и т. д. Въ условіяхъ капиталистической конъюнктуры предприниматель находитъ себѣ своего суроваго и деспотическаго владыку, власть котораго особенно болѣзненно чувствуется въ эпохи промышленныхъ кризисовъ.

Еще болѣе мнимой является свобода выбора занятій, при господствѣ капиталистическаго режима, въ другихъ сферахъ умственнаго труда. Условія спроса и предложенія, а также власти и зависимости самымъ дѣйствительнымъ образомъ ограничиваютъ эту свободу, ибо, если въ капиталистическомъ обществѣ и отсутствуетъ руководящая сознательная власть, зато ея мѣсто заступаютъ не менѣе принудительныя, но стихійныя силы всеобщей экономической борьбы. И потому не только пролетарій, эксплоатируемый капиталистомъ и находящійся въ полной зависимости отъ него, лишенъ свободы—даже и представители умственнаго труда, выходящіе, преимущественно, изъ рядовъ имущихъ классовъ, ученые, артисты, писатели, вообще люди либеральныхъ профессій, далеко не обладаютъ той свободой дѣятельности, которая является именно для этихъ родовъ труда столь необходимымъ условіемъ успѣшности и плодотворности работы.

Свободы бездѣлья при соціализмѣ, конечно, не будетъ, ибо свобода бездѣлья есть свобода эксплоатаціи чужого труда, къ уничтоженію которой именно и стремится соціализмъ. Но свобода всякаго полезнаго, и, въ особенности, умственнаго труда въ обществѣ будущаго должна не сократиться, а чрезвычайно расшириться.

Соціализмъ отнюдь не задается безумной мыслью подчинить общественной организаціи всѣ виды человѣческаго труда. Только по отношенію къ большей части хозяйственнаго труда существующая принудительная капиталистическая организація должна быть замѣнена, при наступленіи новаго строя, такой же общественной организаціей. Но всѣ виды высшаго, творческаго труда должны получить въ будущемъ обществѣ самую широкую свободу, не стѣсненную, какъ теперь, условіями рынка. Было бы нелѣпо—и соціалисты въ этой нелѣпости неповинны—регулировать какими-либо внѣшними правилами свободное творчество художника или мыслителя. Какъ и теперь, люди будутъ подъ вліяніемъ непреодолимаго внутренняго влеченія искать истину и красоту. Но, въ отличіе отъ нашего времени, люди не будутъ придавлены къ землѣ хозяйственной нуждой и заботой; они будутъ избавлены соціализмомъ отъ неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, отъ постояннаго страха за будущее, который теперь такимъ свинцовымъ гнетомъ тяготѣетъ надъ человѣчествомъ и такъ губительно дѣйствуетъ на творческую работу.

Сокращеніе хозяйственнаго труда само по себѣ равносильно расширенію области свободы. Но соціалисты стремятся къ большему—придать привлекательный характеръ и самому хозяйственному труду. Великой заслугой Фурье является опроверженіе обычнаго мнѣнія, будто всякій хозяйственный трудъ, по самому существу, долженъ быть непріятенъ для человѣка. Таковъ характеръ хозяйственнаго труда въ современномъ обществѣ—это вѣрно. Трудъ чрезмѣрно продолжительный, въ ужасной гигіенической обстановкѣ, въ результатахъ котораго рабочій нисколько не заинтересованъ, конечно, не можетъ быть пріятенъ. Но при другой обстановкѣ, когда вся изобрѣтательность людей будетъ направлена на то, чтобы увеличить привлекательность труда, хозяйство перестанетъ быть тяжелымъ бременемъ для человѣка, какимъ оно является теперь. И тогда, дѣйствительно, исчезнетъ всякое внѣшнее принужденіе и настанетъ свѣтлое царство полной свободы.

Итакъ, не грядущее рабство—грядущее освобожденіе человѣчества знаменуетъ собой соціализмъ, освобожденіе человѣческой личности отъ гнета историческаго общества, основаннаго на насиліи.

Въ этомъ залогъ непобѣдимой силы соціалистическаго идеала; въ этомъ и причина энтузіазма, отличающаго соціалистическое движеніе среди всѣхъ остальныхъ, какъ съ грустью должны констатировать и его враги. Дѣйствительно, какой другой общественный идеалъ можетъ вдохновлять въ наше время людей? Либерализмъ отжилъ свое время. Всѣ знаютъ, что либерализмъ—это маска, подъ которой скрывается самое разнообразное соціальное содержаніе, и, по большей части, защита интересовъ капиталистическихъ классовъ. Все, что есть истиннаго и цѣннаго въ либерализмѣ, воспринято соціализмомъ, который все больше и больше становится вѣрованіемъ не только пролетаріата, переносящаго на себѣ всю тяжесть нашего мрачнаго и кроваваго времени, но и лучшихъ людей другихъ классовъ, всѣхъ тѣхъ, въ комъ жива вѣра въ лучшее будущее человѣчества, въ царство мира и свободы.

Но, конечно, было бы наивно думать—а въ этомъ повинны многіе соціалисты—что соціализмъ создастъ „рай на землѣ", всеобщее счастье и довольство, общую гармонію. Ничего этого не будетъ—и хорошо, что не будетъ, ибо въ довольствѣ есть нѣчто пошлое и принижающее духъ. Страданіе никогда не исчезнетъ изъ человѣческой жизни.

Не исчезнетъ потому, что никогда не получитъ гармоничнаго примиренія основное противорѣчіе человѣческой жизни—противорѣчіе между безпредѣльностью стремленій нашего духа и ограниченностью нашихъ силъ и нашего личнаго существованія.

Въ какихъ бы образахъ и гдѣ бы средь міровъ
Ни вспыхнулъ мысли свѣтъ, какъ лучъ средь облаковъ,
Какія бъ существа не жили —
Но будутъ рваться вдаль они, подобно намъ,
Изъ праха своего къ несбыточнымъ мечтамъ,
Грустя душой, какъ мы грустили...

Въ этомъ вѣчная основа религіи. Вотъ почему соціализмъ не можетъ и не долженъ стать новой религіей. Какъ религія, соціализмъ жалокъ и безпомощенъ—развѣ онъ можетъ преодолѣть безпредѣльность пространства и времени? Развѣ соціализмъ можетъ преодолѣть смерть?

Безсмертная смерть будетъ по прежнему царить надъ міромъ—и этотъ основной диссонансъ нашей жизни всегда будетъ окутывать ее траурнымъ покрываломъ.

Цѣли соціализма сравнительно близки и ограничены. Но въ своей области соціализмъ можетъ достигнуть чрезвычайно многаго. Онъ долженъ создать новое общество и новое человѣчество, болѣе высокое, чѣмъ то, которое мы видимъ нынѣ.

Но это преобразованное человѣчество будетъ страдать, какъ и мы. Правда, его страданія не будутъ имѣть тѣхъ низменныхъ поводовъ, которые вызываютъ неисчислимыя страданія нынѣ. Оно не будетъ страдать отъ голода и нищеты, отъ физическаго насилія людей другъ надъ другомъ.

Но вѣчныя основы человѣческой скорби будутъ тѣ же—земля останется, по выраженію Мережковскаго, „больной красавицей" и пребудетъ таковой на вѣки.